

Джон Рональд Руэл Толкин

РОВЕРАНДОМ
МИСТЕР БЛИСС
ПИСЬМА
РОЖДЕСТВЕНСКОГО
ДЕДА



В настоящий сборник входят несколько произведений,
написанных Дж. Р. Р. Толкином в 1920—1930 годы
для его детей.

В повести *Роверандом*, впервые опубликованной
в 1998 году Кристиной Скалл и Вэйном Г. Хэммондом,
рассказывается о приключениях щенка Ровера-
Роверандома, которого волшебник превратил в игрушку.
Повесть сопровождают иллюстрации автора.

Книжка-картинка *Мистер Блисс*, опубликованная
в 1982 году по авторской рукописи с рисунками,
повествует о смешном человечке мистере Блиссе
и его знакомых. Данное издание, помимо собственно
перевода, воспроизводит все страницы оригинала в цвете.

Письма Рождественского Деда сыновья и дочь
Дж. Р. Р. Толкина получали в дни Рождества с 1920 по
1943 год: они написаны от имени Рождественского
Деда, английского Деда Мороза, или его друзей.
Англоязычные издания писем отличаются друг от друга
по составу, и ни одно из них не является полным.
Настоящий сборник содержит все материалы (тексты,
рисунки и оригиналы писем), которые когда-либо
появлялись в печати. Таким образом, настоящее
издание писем Рождественского Деда на сегодняшний
день является единственно полным.



Семейное чаепитие, дом № 20 по Нортмур-роуд, март 1930 года

Джон Рональд Руэл Толкин

Роверандом



Мистер Блисс



Письма Рождественского Деда



ТТТ

2003

Толкин Дж. Р. Р. Роверандом. Мистер Блисс. Письма Рождественского Деда.
Пер. с англ. ТТТ, 2003. — 362 с.

Перевод неформального творческого объединения ТТТ
(TolkienTextsTranslation)

Под общей редакцией Светланы Таскаевой
Под редакцией Светланы Лихачёвой

Коллектив переводчиков выражает благодарность за неоценимую помощь
и поддержку Н. Антоновой, Д. Винохову, А. Дубининой,
М. Каменкович, Л. Мачиной, В. Свиридову, О. Степашкиной,
Е. Тихомировой, Д. Туганбаеву, А. Хананашвили и др.

Для оформления сборника использованы материалы из книг
John & Priscilla Tolkien. *The Tolkien Family Album*
Christina Scull & Wayne G. Hammond. *J. R. R. Tolkien: Artist & Illustrator*

- © В. Барановский, перевод «Роверандома», комментарии
к «Роверандому», 2003.
- © П. Иосад, комментарии к «Роверандому», 2003.
- © С. Лихачёва, общая редакция, предисловие к «Письмам
Рождественского Деда», комментарии к «Роверандому»,
2003.
- © О. Степашкина, комментарии к «Роверандому», 2003.
- © С. Таскаева, общая редакция, перевод введения
к «Роверандому», «Писем Рождественского Деда»,
предисловие к «Письмам Рождественского Деда»,
предисловие к «Мистеру Блиссу», комментарии
к «Роверандому», 2003.
- © И. Хазанов, перевод «Мистера Блисса», 2003.
- © ТТТ, составление сборника и перевод в целом, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

РОВЕРАНДОМ

К. Скэлл, В. Хэммонд. Введение. Перевод С. Таскаевой	ix
Роверандом. Перевод В. Барановского	3
Комментарии	91

МИСТЕР БЛИСС

С. Таскаева. Предисловие	113
Мистер Блисс. Перевод И. Хазанова	116

ПИСЬМА РОЖДЕСТВЕНСКОГО ДЕДА

С. Лихачёва, С. Таскаева. Предисловие	203
Письма Рождественского Деда. Перевод С. Таскаевой	216



Ламорна-қрув, 1932 год

Роверандом

Под редакцией

КРИСТИНЫ СКАЛА

ВЭЙНА Г. ХЭММОНДА

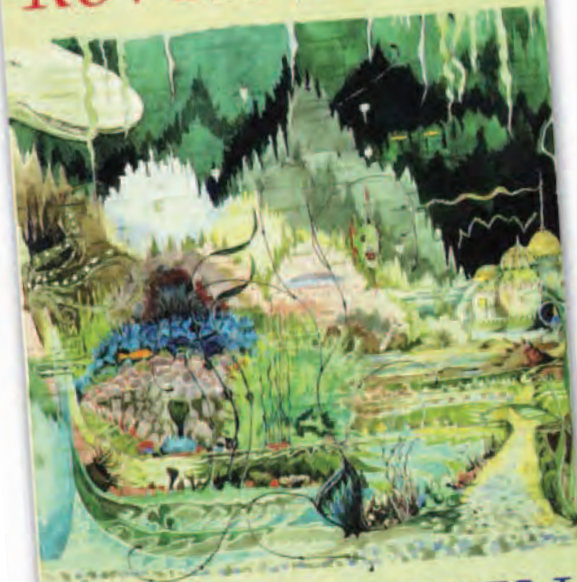
Эта книга посвящается памяти

Майкла Хилари Руэла Толкина

1920–1984

Перевод В. Барановского

ROVERANDOM



J.R.R. TOLKIEN

EDITED BY CHRISTINA SCULL & WAYNE G. HAMMOND

Введение

Летом 1925 года Дж. Р. Р. Толкин с женой Эдит и сыновьями Джоном (почти восьми лет от роду), Майклом (почти пяти лет) и Кристофером (которому ещё не исполнилось и года) проводил отпуск в городке Файли, расположенном на побережье Йоркшира и до сих пор популярном среди туристов. Этим неожиданным отпуском Толкин отметил получение должности профессора англосаксонского языка Ролинсона и Бозуорта: место это он должен был занять 1 октября того же года; скорее всего, отпуск мыслился как передышка: ведь Толкину предстояло не только принять новое назначение, но также ещё два семестра преподавать в Лидском университете, пока не истечёт срок его пребывания в старой должности. В Файли семейство Толкинов сняло на три или четыре недели — как объяснено ниже, точные даты неизвестны — построенный в начале века коттедж, который, вероятно, принадлежал главе местной почтовой службы и стоял на скале, возвышавшейся над пляжем и морем. С этого удобного наблюдательного пункта открывался отличный вид на восток, и маленького Джона Толкина просто потрясла восходящая над морем полная луна, от которой по воде бежала серебряная дорожка.

Как раз тогда любимой игрушкой Майкла Толкина была небольшая чёрно-белая свинцовая собачка. Он ел и спал с ней, всегда носил с собой и не хотел расставаться с нею, даже когда надо было идти мыть руки. Но однажды во время отдыха в Файли он отправился на прогулку с отцом и старшим братом и, увлекшись «печением блинчиков» на воде, оставил свою собачку где-то на пляже. Заметить на белой гальке чёрно-белую собачку практически невозможно, и так игрушка потерялась. Хотя Майкл с отцом и братом искали собачку и в тот день, и на следующий, она так и не нашлась, и Майкл был убит горем.

Для ребёнка пропажа любимой игрушки — тяжёлое испытание, и, несомненно, именно это происшествие подвигло Толкина на сочинение «объ-

яснения»: истории о настоящем псе по кличке Ровер. Волшебник превратил его в игрушку, которую мальчик, очень похожий на Майкла, потерял на берегу моря; впоследствии пёсик встречает комичного «песчаного мага» и переживает множество приключений на Луне и на морском дне. По крайней мере именно в таком виде история Роверандома перенесена на бумагу. Структура сюжета, состоящего из нескольких эпизодов, и длина повести наводят на мысль, что она не сразу приобрела такой вид, а придумывалась и рассказывалась по частям; подтверждением тому служит интригующе лаконичная заметка в дневнике Толкина (сделанная скорее всего в 1926 году в качестве подведения итогов предыдущего года) о сочинённом в Файли *Роверандоме*: «Довёл до конца историю про Роверандома, написанную, чтобы позабавить Джона (да и себя — по мере её удлинения)». К сожалению, невозможно сказать в точности, что именно Толкин имел в виду под словами «довёл до конца» — скорее всего лишь то, что во время отпуска он до конца рассказал эту историю (какой она тогда была). Вставное предложение подтверждает, что повествование удлинялось в процессе рассказа.

Любопытно, что в дневниковой заметке упомянут один Джон, хотя поводом для появления истории Ровера послужило несчастье Майкла. Возможно, дело в том, что Майкл удовлетворился самым первым эпизодом, в котором объяснялось исчезновение его собаки, и меньше Джона интересовался продолжением. Сам Толкин явно прикипел к этой истории, которая по мере продвижения вперёд становилась всё более замысловатой. Но нигде не записано и никто теперь не может сказать, в какой именно форме был изначально придуман *Роверандом* — существовали ли, к примеру, языковые изыски и аллюзии на мифы и легенды с самого начала или они были добавлены лишь тогда, когда *Роверандом* был наконец записан.

Кроме того, Толкин написал в дневнике — тоже несколько месяцев спустя, — что они уехали в Файли (из Лидса) 6 сентября 1925 года и оставались там до 27 сентября. Но по крайней мере первая из этих двух дат ошибочна (и в самом деле, в дневнике указана суббота вместо воскресенья). Поскольку Джону Толкину врезалась в память полная луна, встающая над морем, и поскольку именно это зрелище вдохновило Толкина на рассказ о путешествии Ровера по «лунной дорожке», о котором говорится в самом начале истории, получается, что семейство Толкина должно было находиться в Файли в дни полнолуния — в сентябре 1925-го со 2 числа, вторника. Со всей определённостью они уже жили в Файли днём 5 сентяб-

ря, когда на северо-восточное побережье Англии обрушился ужасающий шторм. Тут снова на помощь приходят воспоминания Джона Толкина, которые подтверждаются сводками погоды. Море поднялось за несколько часов до времени прилива, залило прибрежный бульвар Файли, снесло все прибрежные строения и переверотило весь берег: так погибла последняя надежда найти собачку Майкла. Ураганный ветер так сильно сотрясал коттедж, где обитали Толкины, что они не спали всю ночь, боясь, как бы у дома не унесло крышу. По словам Джона Толкина, именно тогда отец, чтобы отвлечь старших мальчиков, начал рассказывать им историю про пёсика Ровера, превращённого в игрушку, в «Роверандома». Сам шторм, без сомнения, вдохновил автора на тот эпизод *Роверандома*, где рассказывается о том, как древний Морской Змей, просыпаясь, произвёл ужасный беспорядок в природе («Когда Змей распустил во сне кольцо-другое, вода вспучилась и сотрясалась, и это искорёжило много домов и испортило всем отдых на множество миль вокруг» [с. 76]).

Нет никаких свидетельств того, что *Роверандом* записывался в бытность Толкина в Файли. Но одна из пяти картинок, которыми автор проиллюстрировал историю и которые воспроизведены в настоящем издании, — лунный пейзаж — помечена 1925 годом, и, возможно, она была нарисована во время проведённого в Файли отпуска. Ещё три иллюстрации к *Роверандому* датированы сентябрём 1927 года, когда Толкины отдыхали в Лайм-Риджисе, на южном побережье Англии: *Белый Дракон преследует Роверандома и лунопа*, с посвятителной надписью Джону Толкину; *Дом, где «Ровера» превратили в игрушку и откуда начались его приключения*, с посвятителной надписью Кристоферу Толкину; и чудесная акварель *Сады возле дворца Морского Короля*. На каждой иллюстрации проставлены год и месяц; на рисунке, изображающем прибытие Ровера на Луну верхом на чайке Мью, приписано «1927–8». Из датировки иллюстраций сентябрём 1927 года следует, что история о Роверандоме вторично была рассказана в Лайм-Риджисе, — вероятно, потому, что Толкины снова отдыхали на море и вспоминали отпуск, проведённый в Файли всего лишь два года назад. Посвящение Кристоферу Толкину на картинке *Дом, где «Ровера» превратили в игрушку и откуда начались его приключения* предполагает, что к тому времени Кристофер Толкин уже достаточно подрос и мог оценить *Роверандома*

(в сентябре 1925 года он был совсем маленьким) и что, возможно, история пересказывалась снова — по крайней мере частично — поскольку он не слышал её в прошлый раз.

Возможно, именно это явное оживление интереса к *Роверандому* летом 1927 года подтолкнуло Толкина перенести наконец эту историю на бумагу; что скорее всего произошло в конце года, — судя по всему, во время рождественских каникул. К этой мысли мы склоняемся — а мы можем только строить предположения в отсутствие датированных рукописных материалов или иных неопровержимых свидетельств — на основании двух интересных (пусть даже и предположительно шатких) соображений. Оба они связаны с концом второй главы *Роверандома*, где рассказывается о том, как Роверандом со своим другом лунопсом потревожили Великого Белого Дракона и тот погнался за ними. О драконе сказано, что от него сплошные неприятности: «Иногда, чтобы отметить хороший обед или сорвать раздражение, он выпускал из своей пещеры зелёное и красное пламя; а дымил ещё чаще. Пару раз он даже окрашивал всю Луну красным или вообще гасил её. В таких прискорбных случаях Человек-с-Луны... спускался в подвал, распечатывал самые лучшие заклинания и приводил всё в порядок как можно быстрее» (с. 33—34). В данном эпизоде Человек-с-Луны остановил Дракона в самый последний момент, пальнув волшебным заклинанием прямо ему в брюхо. По этой причине «следующее лунное затмение совершенно провалилось: дракон был занят зализыванием своего живота и пропустил его» (с. 36) — имеется в виду более раннее упоминание о том, что причиной лунных затмений является выпускаемый драконом дым.

Некоторые мотивы, присутствующие в этой главе *Роверандома*, — один из них, лунный дракон-смутьян, уже существовал в сентябре 1927 года, что следует из датировки иллюстрации, — практически в таком же виде возникают в письме, которое Толкин написал своим детям в декабре того же года от имени Рождественского Деда. В этом письме, одном из многих, написанных Толкином между 1920 и 1943 годами, рассказывается о посещении Человеком-с-Луны Северного Полюса. Выпив изрядное количество бренди, наевшись сливового пудинга и наигравшись в «снэп-дрэгон», Человек-с-Луны засыпает, и Северно-Полярный Медведь запикивает его под диван, где тот и остаётся до следующего дня. В его отсутствие лунные дра-

коны выбираются на поверхность и напускают столько дыма, что случается затмение. Человек-с-Луны вынужден вернуться к себе и применить ужасную магию, чтобы навести порядок.

Между этой историей и рассказом о Великом Белом Драконе в *Роверандоме* слишком много совпадений, чтобы они могли оказаться случайными; и отсюда вполне разумно заключить, что Толкин держал в голове *Роверандома*, сочиняя в декабре 1927 года письмо «Рождественского Деда». Появилось ли представление о драконе как о причине затмений в процессе работы над письмом или Толкин ввёл в письмо концепцию, уже присутствовавшую в *Роверандоме*, сказать невозможно; но связь между двумя этими произведениями несомненна.

Вполне вероятно, что *Роверандом* был перенесён на бумагу во время рождественских каникул, когда Толкин был свободен от своих профессиональных обязанностей; и хотя нет твёрдых доказательств, что это произошло в декабре 1927 года, эту датировку самого раннего (недатированного) текста подтверждает (по крайней мере как момент, ранее которого текст написан быть не мог) упомянутое в *Роверандоме* неудавшееся затмение. В первой версии говорится, что «следующее лунное затмение совершенно провалилось» (см. выше), и далее упоминается, что «так сказали астрономы [>фотографы]». И в самом деле, именно так лондонская «Таймс», озвучивая общее мнение, отзывалась о полном лунном затмении 8 декабря 1927 года, которого в Англии не увидели из-за плохой погоды. Здесь нам на помощь снова приходит то самое письмо «Рождественского Деда» за 1927 год, которое датирует затмение, случившееся в отсутствие Человека-с-Луны, именно 8 декабря и тем самым доказывает, что Толкину было известно о затмении и его дате.

Самый ранний из существующих текстов *Роверандома* вместе с тремя другими находится в Бодлеянской библиотеке (Оксфорд), в составе коллекции текстов Толкина. К сожалению, одна пятая часть рукописи, соответствующая главе 1 и первой половине главы 2, была утеряна. Сохранились лишь двадцать два разрозненных листа (вырванных, вероятно, из школьных тетрадей), исписанных наспех и неразборчиво, с многочисленными исправлениями. За рукописным текстом последовали три машинописные версии, также без датировки. В процессе работы над ними Толкин последовательно удлиннял повествование и вносил многочисленные исправления, совершенствуя стиль и детали, но сюжет менял мало. Первый машинописный вариант, на тридцати девяти страницах, претерпевших основательную правку,

тесно связан с рукописью и оказался весьма полезен при дешифровке самых неразборчивых мест первой версии. Но чем ближе к концу, тем сильнее машинописный текст расходится с рукописным: в частности, основательно разросся эпизод с возвращением Роверу его первоначального вида и размера (прежде проходной эпизод, а ныне драматичный и юмористический момент). Новый текст был первоначально озаглавлен *Приключения Ровера*, но Толкин ручкой вписал новое название — *Роверандом*, которого впоследствии и придерживался.

Вторая из трёх машинописных версий обрывается, явно по сознательному решению автора, на девятой странице, лишь через несколько первых строк. Эта версия доходит до того места, где от луны «протянулась по во-де сияющая дорожка» (см. ниже, глава 2, с. 19). Вдобавок существует фрагмент работы, напечатанный на отдельном листе, — автор отверг его практически сразу, и фрагмент был начат заново, исправлен и продолжен на другой стороне того же листа. Второй машинописный текст включает в себя изменения, внесённые в первый, а также ещё некоторые поправки. Но, вероятно, более важно отметить, насколько аккуратно выполнена данная версия в сравнении с предыдущей. Теперь Толкин был озабочен внешним видом текста: он сразу печатал номера страниц (а не приписывал их, как в прошлый раз, ручкой), выносил каждую следующую реплику в диалоге в отдельный абзац, в то время как в предыдущей версии — явно рабочей — он иногда этим пренебрегал. Далее, в эту новую машинописную версию внесено лишь несколько исправлений: все они сделаны аккуратно и по большей части это правка опечаток.

Подобная забота о внешнем виде текста наводит на мысль, что Толкин готовился передать вторую версию своим издателям, в «Джордж Аллен и Анвин», ближе к концу 1936 года. К тому времени *Хоббита* уже приняли и одобрили, и, хотя книга ещё не вышла в свет, чтобы завоевать сердца читателей, Толкину предложили представить на рассмотрение издателей другие истории для детей. Тот в ответ послал в «Аллен и Анвин» свою книжку-картинку *Мистер Блисс*, пародийно-средневековую историю *Фермер Джайлс из Хэма и Роверандома*. Если, как мы полагаем, незаконченный второй машинописный вариант *Роверандома* делался именно с этой целью, возможно, что Толкин прекратил работу над ним, не будучи вполне доволен текстом — или, может, из-за того, что, подобно предшест-

вующим черновикам, этот вариант был напечатан на листках, явно выдраных из тетрадей (судя по неровной длинной стороне), а автор желал придать своей работе более профессиональный вид.

И в самом деле, третий и последний вариант *Роверандома* аккуратно напечатан (хотя исправления есть и здесь) до конца на 60 листках отличной писчей бумаги (хотя не всегда одинаковых); и именно в этой версии было введено деление на главы, также имели место дальнейшие изменения, мелкие, но многочисленные: в диалогах и описаниях, пунктуации и разбивке абзацев. Это почти наверняка тот самый текст, который Толкин предложил в «Аллен и Анвин» и который глава фирмы, Стэнли Анвин, предоставил оценить своему маленькому сыну, Рейнеру.

В рецензии, датированной 7 января 1937 года, Рейнер Анвин находит, что история «хорошо написана и забавна»; однако несмотря на одобрительный отзыв, вещь не была принята к публикации. *Роверандом* почти наверняка входил в число «коротких волшебных историй в разнообразных стилях», которые Толкин (как подразумевалось) практически подготовил для публикации в октябре 1937 года — так записано у Стэнли Анвина; но к тому времени в результате ошеломляющего успеха *Хоббита* «Аллен и Анвин» хотели прежде всего продолжения, в котором бы рассказывалось о хоббитах, так что вопрос о публикации *Роверандома* больше не поднимался, насколько можно судить, ни автором, ни издателями. Внимание Толкина полностью поглотил «новый Хоббит», работа, которой суждено было стать его шедевром — *Властелин Колец*.

Скажем без преувеличения: если бы не истории вроде *Роверандома*, *Властелин Колец*, возможно, никогда не был бы написан; интерес и любовь, которые питали к этим сказкам дети автора, да и он сам, подвигли Толкина на более амбициозный труд — *Хоббита* — и тем самым к созданию продолжения. По большей части это истории-однодневки. Мало что записывалось, ещё меньше доведено до конца. Толкин с радостью взялся за роль сказочника для своих детей — по крайней мере с 1920 года, когда он написал первое из писем «Рождественского Деда». Существовали также истории о злодее Билле Стикерсе и его противнике, майоре по имени Роуд Эхед, о крохотном человечке Тимоти Тите, об эксцентричном Томе Бомбадиле — прототипом для него послужила голландская кукла Майкла Толкина. Ни одна из этих историй не продвинулась особенно далеко, хотя Том Бомбадил впоследствии

нашёл себе место в стихах и во *Властелине Колец*. В высшей степени странный и довольно длинный рассказ *Оргоз* был написан в 1924 году и существует в виде машинописного текста; но он и незакончен, и неразработан.

Роверандом же, напротив, доведён до конца рукой мастера; от других толкиновских детских историй того же периода эту работу отличает необузданный восторг, с которым автор играет словами. *Роверандом* содержит изобилие квази-омофонов (Персия и Першор), звукоподражаний и аллитераций («лай, будто составленный из самых разных и всевозможных собачьих звуков: гавканья, тьяканья и вяканья, визгов и повизгиваний, рычания, ворчания и порыкивания, воя, завывания и подвывания, облаивания, скулежа, подскуливания и скуления, огрызания, оскаливания и щёлканья зубами», с. 19—20), описательных списков, смешных своей длинной (к примеру, «он [Артаксеркс] пошёл в мастерскую и притащил оттуда всю свою магическую параферналию и меморабилию: всяческие волшебные символы, аппараты, катализаторы, реквизиты и атрибуты, разнообразные мешки и бутылки с чарами, заклинаниями и заклетьями», с. 81), и неожиданной игрой слов («И он [Человек-с-Луны] растворился в воздухе; а даже те, кто на Луне никогда не был, могут вам рассказать, как мало там воздуха», с. 26). Кроме того, в *Роверандоме* есть некоторое количество «детских словечек», которые представляют особый интерес, поскольку редко встречаются в опубликованных работах Толкина: либо они изначально отсутствуют в текстах, либо были вычеркнуты (к примеру, слово *tummy* — «животик» — было заменено в *Хоббите* на *stomach*). В *Роверандоме* они сохранились с тех пор, когда Толкин рассказывал эту историю вслух своим детям.

То, что Толкин ввёл в текст *Роверандома* такие слова, как «параферналия» или «первобытный», сейчас выглядит весьма отпадно: ведь в настоящее время подобные слова считаются слишком «трудными» для детей, с чем Толкин бы не согласился. «Хороший запас слов, — писал он однажды (в апреле 1959 года), — не приобрести, читая книги, написанные сообразно словарному запасу своей возрастной группы. Им можно обзавестись, читая книги, которые выше твоего уровня» (*Письма Дж. Р. Р. Толкина* [1981], с. 298—299).

Роверандом также примечателен большим количеством разнообразных биографических и литературных аллюзий. Первое, конечно, это собственная семья Толкина и сам автор: в *Роверандоме* вскользь упомянуты (как маленький Кристофер) или действуют Толкины-родители и Толки-

ны-дети, в трёх главах фигурируют коттедж и пляж Файли, Толкин неоднократно выражает свои чувства по поводу мусора и загрязнения окружающей среды, а события отпуска 1925 года: луна, сияющая над морем, сильная буря и, конечно же, история с потерянной игрушкой Майкла — являются сюжетными элементами. К этому Толкин добавил многочисленные отсылки к мифам и сказкам, скандинавским сагам, к классической и современной детской литературе: к Красному и Белому Драконам британских легенд, к Артуру и Мерлину, к мифическим морским обитателям (среди которых русалки, Ньёрд, Морской Шейх), змею Мидгарда, бок о бок с заимствованиями или по крайней мере отголосками книг Несбит о «Псаммиде», Кэрролловской *Алисы в Зазеркалье* и *Сильви и Бруно* и даже Гилберта с Салливаном. Диапазон весьма широк, но Толкин умело сочетал эти разнородные материалы: их взаимная несовместимость редко мешает наслаждаться тем, кто может распознать аллюзии.

В примечаниях к *Ровенланду* мы по возможности кратко идентифицируем и анализируем многие источники Толкина (предположительные и неоспоримые), а также редкие слова, некоторые специфически британские реалии, которые могут быть непонятны жителям других стран, и особо интересные детали. Но здесь, во введении, представляется уместным подробно остановиться на нескольких вопросах.

В своей лекции *О волшебных историях*, прочитанной в 1939 году, Толкин критиковал «крохотность» многих описаний фэери, упоминая, в частности, *Нимфидию* Майкла Драйтона и рыцаря Пигвиогена, который скачет на «вёрткой уховёртке» и назначает свидание на «цветке первоцвета». Однако во времена *Ровенланда* Толкин ещё не расстался с подобной сентиментальщиной: ср. лунных гномов, которые ездят верхом на кроликах и пекут блины из снежинок, а также морских фэери, которые катаются в повозках-раковинах, запряжённых маленькими рыбками. Всего десятью годами ранее Толкин опубликовал ныне знаменитое юношеское стихотворение «Шаги гоблинов» (1915), автору которого слышатся «рожки зачарованных лепрехаунов» и где упоминаются «маленькие одёжки» и «крохотные ножки»; и, как впоследствии каялся Толкин, в 1920—1930 гг. он «всё ещё находился под влиянием общепринятого мнения, что „волшебные сказки“ естественным образом обращены к детям» (*Письма*, с. 297, набросок, датированный апрелем 1959 года). Таким образом, иногда он использовал обычные для волшебных сказок образы и выражения: шаловливые поющие эльфы Ривенделла в *Хоббите*, к примеру; или явственно различимый ав-

торский (или родительский) голос повествователя — как в этой сказке, так и (в ещё большей степени) в *Роверандоме*. Впоследствии Толкин сожалел, что писал, «подстраиваясь» к своим детям, и очень хотел, чтобы «Шаги гоблинов» были забыты и похоронены. Тем не менее фэери (будущие эльфы) созданной им мифологии «Сильмариллиона» высоки и благородны и ничем не напоминают Пигвигтена.

Роверандом неизбежно должен был вступить в реакцию с толкиновской мифологией (или *легендариумом*), над которой к тому времени автор работал уже больше десяти лет и которая оставалась для него основным делом. Связь между этими работами просматривается по нескольким пунктам. Сад на тёмной стороне Луны в *Роверандоме*, к примеру, весьма напоминает Домик Утраченной Игры в *Книге Утраченных Сказаний*, самом раннем прозаическом изводе *легендариума*. Там дети «танцевали или играли..., собирали цветы, гонялись за золотыми пчёлами и бабочками с расцвеченными крыльями» (Часть I [опубликована в 1983 году], с. 19)¹, в то время как в лунном саду они «сонно приплясывали или бродили в полудрёме..., разговаривая сами с собой. Кое-кто встрепенулся, словно пробуждаясь от крепкого сна, некоторые уже проснулись и бежали со смехом по саду; копали землю, рвали цветы, строили шалаши и домики, гонялись за бабочками, играли в мяч, лазили по деревьям, и все при этом пели» (с. 42 ниже).

Человек-с-Луны отказался объяснить, как дети попадают к нему в сад, но когда в один прекрасный момент Роверандом поднимает взгляд к Земле, ему чудится, будто он видит «тонкие и прозрачные очертания маленьких человечков», стремительно плывущих по лунной дорожке (с. 46); и поскольку дети приходят в садик во сне, представляется вероятным, что Толкин имел в виду уже существующий образ *Олорэ Маллэ*, или Тропы Снов, которая ведёт к Дому Утраченной Игры: «стройные мосты..., вздымающиеся в воздухе и серо мерцающие, будто пряди шёлкового тумана в свете тонкого полумесяца», путь, который человек может узреть лишь «в сладостных снах юности сердца» (*Книга Утраченных Сказаний*, Часть I, с. 211).

Однако самая любопытная связка между *Роверандомом* и мифологией Толкина присутствует в эпизоде, когда «старейший из китов», Уин, показывает Роверандому «великий Залив Волшебной страны (как мы её называем) за Волшебными Островами» и далее «на самом далёком Западе Горы Дома эльфов и... свет Фазри на волнах моря», а также «город эль-

¹ Здесь и далее *Книга Утраченных Сказаний* цитируется в переводе ТТТ, Часть I — 2000 г., Часть II — 2002 г.

фов на зелёном холме у подножия Гор» (с. 73—74). Поскольку это в точности география Запада в «Сильмариллионе» — точнее в том её варианте, который существовал в 1920—1930 гг. «Горы Дома эльфов» — это Горы Валинора в Амане, а «город эльфов» — Тун, если использовать имя, данное этому городу одновременно и в мифологии, и в первом варианте *Роверандома* (и только там). Уин тоже позаимствован из *Книги Утраченных Сказаний*, и, хотя он здесь несколько отличается от своего тезки, «старейшего и самого могучего из китов» (*Часть I*, с. 118), всё же он способен довести Роверандома в пределы видимости Западных земель, которые на том этапе развития *легендафиума* от глаз смертных скрывали темнота и опасные воды.

Уин говорит, что ему «попадёт», если станет известно (предположительно валар, или богам, которые живут в Валиноре), что он показывал Аман кому-то (хотя бы и собаке!) родом из Внешних Земель — то есть из Средиземья, мира смертных. Этот мир в *Роверандоме* во многих отношениях наш собственный мир, с реально существующими местами, которые фигурируют здесь под своими именами. Сам Роверандом «в конце концов был английской собакой» (с. 51). Но в других отношениях это явно не наша Земля: к примеру, у мира есть край, с которого низвергаются «прямо в космос» водопады (с. 21). Однако нельзя сказать, что это та самая Земля, которая описана в *легендафиуме*, хотя она тоже плоская; тем не менее Луна в *Роверандоме*, в точности как Луна в *Книге Утраченных Сказаний*, проходит под миром, когда её не видно в небе.

По мере публикации текстов Толкина за ту четверть века, что минула после его смерти, стало очевидно, что практически все его работы взаимосвязаны, хотя бы и в мелочах, и что каждая проливает свет на другие, словно пригласшая обратиться и к ним. *Роверандом* ещё раз иллюстрирует мысль, до какой степени *легендафиум*, труд всей жизни Толкина, повлиял на его истории; *легендафиум* прямо или косвенно связан с теми трудами, на которые мог повлиять сам *Роверандом* — в особенности на *Хоббита*: работа над ним (начатая, возможно, в 1927 году) велась одновременно с переписыванием и переработкой *Роверандома*. Большинство читателей *Хоббита* не преминут заметить (помимо всего прочего) сходство между жутким полётом Роверандома на Мью к скалистому дому последнего и полётом Бильбо в орлиное гнездо, а также между пауками, с которыми Роверандом сталкивается на Луне, и пау-

ками Мирквуда; и что и у Великого Белого Дракона, и у Смауга Эрэборского мягкое подбрюшье; и что три сварливых волшебника из *Роверандома* — Артаксеркс, Песчанид и Человек-с-Луны — каждый в своём роде являются предшественниками Гандалва.



Прежде чем перейти к тексту, остаётся сказать ещё несколько слов о рисунках, которые сопровождают текст. Мы уже подробно останавливались на этих картинах в книге *Дж. Р. Р. Толкин: Художник и Иллюстратор* (1995); однако в этом издании они наконец напечатаны вместе с полным текстом истории, что даёт возможность лучше оценить их достоинства и недостатки. Они не планировались в качестве иллюстраций к печатному тексту, и нельзя сказать, чтобы они равномерно распределялись по темам. Нельзя также сказать, что они выдержаны в одном стиле или созданы одним и тем же инструментом: две — карандаш и чернила, две — акварели и ещё одна — главным образом цветные карандаши. Четыре картинки большие, в особенности акварель, а пятая, изображающая прибытие Ровера на Луну, гораздо меньше, так что Ровера, Мью и Человека-с-Луны трудно рассмотреть.

Что касается этого рисунка, то Толкин был, вероятно, больше заинтересован в том, чтобы изобразить башню и (весьма близко к тексту) пустынный пейзаж, однако никаких лунных лесов, описанных в *Роверандоме*, здесь не видно. Более ранний *Лунный пейзаж* ближе к тексту: здесь изображены деревья с голубыми листьями и широкие бледно-голубые и зеленоватые равнины, «через которые тянулись длинные тени высоких остроконечных гор» (с. 22). Эта картинка предположительно иллюстрирует момент, когда Роверандом и Человек-с-Луны, возвращаясь с тёмной стороны, увидели, как «над уступами Лунных Гор восходил огромный бледно-зелёный и золотой диск Земли» (с. 46). Но на этом рисунке Земля явно не плоская: изображены лишь Северная и Южная Америка, и, таким образом, Англия и другие земные места, упомянутые в рассказе, должны находиться на противоположной стороне земного шара. Название *Лунный пейзаж* написано внизу с использованием ранней формы толкиновского эльфийского алфавита, *тэнгвар*.

Картинка *Белый Дракон преследует Роверандома и лунопса* также соответствует тексту, кроме того, на ней есть кое-что интересное помимо дра-

кона и двух крылатых собак. Над заголовком изображён один из лунных пауков и предположительно стрекомоль; а Земля в небе снова изображена в виде шара. Иллюстрируя *Хоббита*, Толкин нарисовал такого же дракона на карте Диких Земель и такого же паука — на рисунке, изображающем Мирквуд. Вариант «moon-dog» («лунопёс»), как в названии рисунка, использовался только в ранних версиях и наряду с вариантом «moon-dog».

Великолепная акварель *Сады возле дворца Морского Короля* изображает сооружение из «белого и розового» камня, похожее на аквариумное украшение и до некоторой степени напоминающее Королевский Павильон в Брайтоне. Толкин предпочел изобразить скорее дворец и его сады во всей их красе, нежели Роверандома — в тот момент, когда щенок, испуганный, бежит по дорожке; вероятно, предполагается, что мы смотрим на дворец и сады глазами пёсика. В левом верхнем углу изображен кит Уин, весьма напоминающий левиафана с одной из иллюстраций Редьярда Киплинга к сказке «Откуда у Кита большая глотка» в его *Сказках просто так* (1902). Слово «merking», существующее в заглавии рисунка, использовалось только в ранних версиях, чередуясь с «mer-king» (форма без дефиса возникает в финальном варианте один-единственный раз). Толкин весьма непоследователен и в написании остальных сложных слов с корнем «mer»: их мы последовательно писали через дефис, за исключением более привычных слов вроде *mermaid* (*mermaids*, *mermaidens*) и *mermen*.

Картинка *Дом, где «Ровера» превратили в игрушку и откуда начались его приключения*, настолько же совершенная акварель, представляет собой, однако, загадку. Судя по названию, она должна изображать дом, где Ровер впервые встретил Артаксеркса, хотя в тексте не сказано, что это была ферма или что дом находился недалеко от фермы. Кроме того, море на заднем плане и чайка наверху противоречат сказанному в тексте о том, что Ровер «никогда не видел и не чуял моря» — до того как Второй мальчик принес пёсика на пляж — и что «деревня, где он родился, была от моря так далеко, что даже запах не долетал» (с. 9—10). Не похоже это и на дом отца мальчиков, о котором сказано, что он был белым и стоял на скале, а сады его спускались к морю. Мы склоняемся к мысли, что первоначально эта картинка не имела никакого отношения к нашей истории и что детали, такие, как чайка, были добавлены в процессе работы, чтобы придать ей уместность. Чёрно-белый пёс в левом нижнем углу может быть Ровером, а чёрный зверёк перед ним — наполовину, как и Ровер, скрытый за свинь-

ей — может быть кошкой Тинкой, но точно сказать невозможно.

Нижеследующий текст базируется на последней версии *Роверандома*. Толкин так и не отредактировал эту работу для публикации; несомненно, он бы внёс много изменений и исправлений, чтобы сделать её более подходящей для более широкой аудитории, а не только для его родных, если бы «Аллен и Анвин» приняли *Роверандома* к публикации вслед за *Хоббитом*. А так в тексте осталось некоторое количество ошибок и нестыковок. Когда Толкин писал в спешке, он был непоследователен в отношении пунктуации и прописных букв; что касается *Роверандома*, то мы последовали в этом отношении за автором (минималистом во всём, что касается употребления больших букв и знаков препинания) — там, где его намерения были очевидны, — но упорядочили употребление знаков препинания и прописных букв там, где сочли это необходимым, а также исправили несколько явных опечаток. С разрешения Кристофера Толкина мы также поправили совсем небольшое количество неуклюжих фраз (не трогая все остальные); но по большей части текст именно таков, каким оставил его автор.

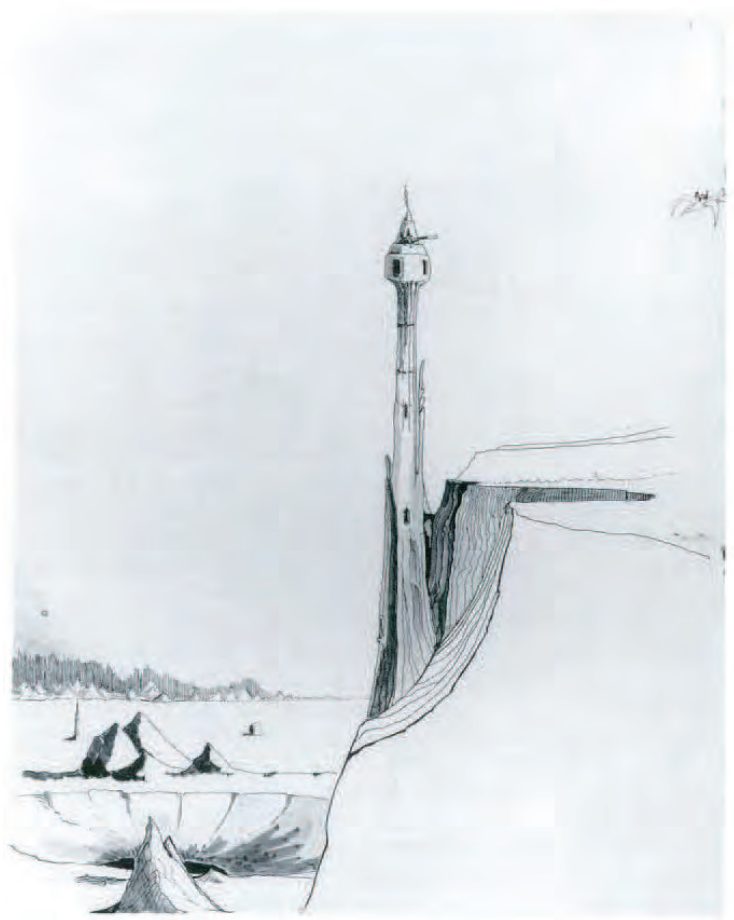
За советы и руководство в работе над этой книгой мы особенно благодарны Кристоферу Толкину, которого мы также благодарим за заметки из дневника его отца, процитированные на стр. X; а также Джону Толкину, который поделился с нами воспоминаниями о пребывании в Файли в 1925 году. Мы также хотели упомянуть о помощи и поддержке Прициллы и Джоанн Толкин; Дугласа Андерсона; Дэвида Дугана; Чарльза Элстона; Майкла Эверсона; Верлин Флигер; Чарльза Фукуа; Кристофера Джилсона; Карла Хостеттера; Алексея Кондратьева; Джона Рэйтлиффа; Арден Смит; Рейнера Анвина; Патрика Винна; Дэвида Брона и Али Бейли из «Харпер-Коллинз»; Джудит Пристман и Колин Харрис из Бодлеянской библиотеки, Оксфорд; а также сотрудников библиотеки Вильямс-колледж, Вильямстаун, Массачусетс.

Кристина Скалл
Вэйн Г. Хэммонд¹

¹ Кристина Скалл — бывший библиотекарь Музея сэра Джона Соуна (Лондон), редактор журнала *Tolkien Collector*. Её муж Вэйн Г. Хэммонд — библиотекарь в Библиотеке редких книг Вильямс-колледжа. Он автор общей библиографии Толкина, а также регулярно пишет на толкиновские темы в журнал *Mythlore*. Супруги живут в Вильямстауне, штат Массачусетс, США. Их общим вкладом в толкинистику является книга Дж. Р. Р. Толкин: *Художник и Иллюстратор* (1995). В настоящее время они работают над книгой J. R. R. Tolkien: *A Companion and Guide*.



*Дж. Р. Р. Толкин
Дом, где «Ровера» превратили в игрушку
и откуда начались его приключения*



Дж. Р. Р. Толкин
Ровер прибывает на Луну



1

ЖИЛ-БЫЛ ОДНАЖДЫ пёсик, звали его Ровер. Был он совсем ещё щенок — иначе соображал бы больше; и играть в солнечном садике с жёлтым мячиком было ему очень весело, иначе он никогда не натворил бы того, что натворил.

Не всякий старик в потрёпанных штанах — злой старик. Бы-вают меж ними старьёвщики — у них и самих есть маленькие со-бачки; бывают и садовники, но встречаются среди них — правда, очень редко — и волшебники, которые рыщут себе вокруг по выходным, выискивая, а чего бы такого натворить. Этот старик — вот этот, который только что явился в сказку прямо по садовой тропинке, — был как раз волшебник. Одет он был в поношенное старое пальто, во рту держал старую трубку, а на голове у него сидела старая зелёная шляпа. Если бы Ровер не гавкал так усердно на мяч, то, пожалуй, заметил бы голубое перо, торчащее сзади из шляпы, и заподозрил бы, как и всякий сообразительный пёсик на его месте, что это волшебник. А так он никакого пера не увидел.

Когда старик наклонился и поднял мячик — он размышлял, не превратить ли его в апельсин, а не то и в косточку или кусочек мяса для Ровера, — Ровер зарычал на него и сказал:

— А ну, положи на место!

И даже не сказал «пожалуйста».

Волшебник, разумеется, прекрасно его понял — на то он и волшебник — и ответил:

— Помалкивай, дурашка!

И даже не сказал «пожалуйста».

Положил он мячик себе в карман, просто так, чтобы подразнить собачку, и отвернулся. И тут, к сожалению моему, Ровер схватил его за штаны и оторвал от них изрядный кус. А возможно, он оттяпал кусочек и от волшебника. Как бы то ни было, старик развернулся, злой-презлой, и закричал:

— Дурак! Быть тебе игрушкой!

И тут произошло что-то очень странное. Ровер и так-то был пёсиком небольшим, но вдруг он почувствовал себя ещё меньше. Трава словно выросла до чудовищных размеров и качалась теперь высоко у него над головой, а вдалеке сквозь траву, как восходящее солнце сквозь лес, виднелся огромный жёлтый мяч — волшебник кинул его обратно. Ровер услышал, как захлопнулась за стариком калитка, но самого его не увидел. Он попробовал залаять, но только пискнул, так тихо, что обычный человек этого не расслышал бы. Я сомневаюсь, что этот писк расслышала бы даже собака.

Ровер стал таким крошечным, что я уверен: если бы проходила мимо кошка, она решила бы, что перед нею мышь, и съела бы Ровера. Тинка бы точно съела. Тинка была большая чёрная кошка, которая жила в одном доме с Ровером.

При мысли о Тинке Ровер страшно испугался, но скоро забыл о котах. Сад внезапно исчез, и щенок почувствовал, что его куда-то несут. Когда пёсик перевёл дух, он обнаружил, что лежит в темноте среди чего-то твёрдого — судя по всему, в какой-то душной коробке — и лежать ему очень неудобно. Не было в коробке ни еды, ни питья, но хуже всего было то, что пёсик не

мог пошевелиться. Сначала Ровер думал, что это из-за тесноты в коробке, но потом оказалось, что при свете дня он мог двигаться с трудом, и только чуть-чуть, да и то лишь тогда, когда никто не видит. Лишь после полуночи он мог кое-как ходить и вилять хвостом. Ровер превратился в игрушку. А оттого что он не сказал волшебнику «пожалуйста», пришлось ему теперь весь день сидеть на задних лапках и служить. Уж в такую игрушку его превратили.

Просидев в темноте, как ему показалось, довольно долго, пёсик снова попытался залаять, чтобы его услышали люди. Потом он попробовал покусать своих соседей по коробке, глупых игрушечных зверей, сделанных просто из дерева или свинца, не то что Ровер — заколдованный настоящий пёсик. Но ничего не вышло: ни лаять, ни кусаться он не мог.

Вдруг кто-то подошёл, снял с коробки крышку, и внутри стало светло.

— Надо бы, Гарри, сегодня утром поставить парочку этих зверюшек в витрину, — произнёс чей-то голос, и в коробку залезла рука. — Смотри-ка, а этот откуда взялся? — сказал голос, и рука ухватила Ровера. — Первый раз его вижу. Уж в трёхпенсовом ящике ему нечего делать, это точно — смотри, мех, глаза, как настоящий!

— Пустим его по шесть пенсов, — сказал Гарри. — Поставь-ка его на видное место.

Вот там, на видном месте, под палящим солнцем, бедняжка Ровер и должен был теперь сидеть всё утро и весь день, почти до чая. И хотя он сидел на задних лапках и делал вид, что служит, про себя он ужасно злился.

— Убегу от первых же покупателей, — сказал он остальным игрушкам. — Я настоящий. Я не игрушка и игрушкой не буду! Только побыстрее бы меня купили. Терпеть не могу этот магазин. А в этой витрине мне даже не пошевелиться.

— На что тебе шевелиться? — говорили другие игрушки. — Мы же не шевелимся. Куда удобнее стоять и ни о чём не думать. Больше отдохнёшь, дольше проживёшь. Так что замолчи! Ты нам спать не даёшь своими разговорами, а нас и так многих ждут тяжёлые времена в беспокойных детских!

А больше они ничего не говорили, и бедному Роверу даже поболтать стало не с кем. Было ему грустно и печально, и он очень жалел, что цапнул волшебника за штаны.

Не знаю уж, волшебник или кто другой послал маму забрать маленького пёсика из магазина. Но как раз когда Роверу было уже совсем печально-препечально, она зашла в магазин с корзиной для покупок. Мама увидела Ровера в витрине и сразу подумала: какая замечательная собачка для её мальчика! У неё было три мальчика, и один очень любил собак, особенно маленьких чёрно-белых щенков. Вот она и купила Ровера, и его завернули в бумагу и сунули в корзину среди всякой всячины, которую мама несла домой к чаю.

Вскоре Ровер ухитрился высунуть голову из бумаги и тут же почуял кекс. Достать его он не смог и по-игрушечному зарычал под бумажными свёртками, но услышали его одни креветки и спросили, в чём дело. Ровер рассказал им, что с ним произошло, и думал, что его пожалеют, но они только сказали:

— А если бы тебя сварили? Тебя варили когда-нибудь?

— Варить меня никогда не варили, — ответил пёсик, — хотя купали не раз, и это не очень-то приятно. Но по-моему, быть за-колдованным куда как хуже, чем сваренным.

— Ну, тогда тебя и вправду никогда не варили, — отвечали креветки. — Ты ничего в этом не смыслишь. Ничего ужаснее и представить себе нельзя. Мы до сих пор все красные от возмущения.

Роверу креветки не понравились, и он проворчал:

— Ну и ладно, вот вас скоро съедят, а я буду сидеть и смот-реть.

После этого креветкам уже было с Ровером говорить не о чем, и осталось ему лежать и раздумывать, что же за люди его купили.

Вскоре он это узнал. Его принесли в дом, корзину поставили на стол и всё из неё вытащили. Креветок забрали в кладовую, а Ровера отдали прямо в руки мальчику, для которого его купили, а тот унёс щенка в детскую и стал с ним разговаривать.

Если бы Ровер не так сердился и послушал, мальчик бы ему, пожалуй, понравился. Мальчик гавкал на пёсика на вполне себе сносном собачьем языке, но Ровер и не думал отвечать. А думал он, что дал себе слово сбегать от первых же людей, которые его купят, и прикидывал, как бы ему это устроить. Всё это время он волей-неволей сидел на задних лапках и делал вид, что служит, а маленький мальчик гладил его и возил по столу и по полу.

Наступил вечер, и мальчик пошёл спать, а Ровера поставил на стул рядом с кроватью, где тот и прослужил до самой темноты. Жалюзи были закрыты, но снаружи из моря поднялась луна и проложила на воде серебристую тропинку, по которой, если умеешь, можно дойти и до края света, и дальше. Папа с мамой и три мальчика жили у самого моря в белом доме, окна которого смотрели прямо в никуда через солёные волны.

Когда мальчики уснули, Ровер размял затёкшие лапы и тявкнул, но никто, кроме злющего паука в углу, его не услышал. Потом он спрыгнул со стула на кровать, с кровати скатился на ковёр и кинулся из комнаты вниз по лестнице — побегать по дому.

Хоть и радовался Ровер, что снова может двигаться (а поскольку раньше он был настоящий и живой, бегать и прыгать по ночам он умел куда лучше обычных игрушек), передвигаться по дому оказалось очень непросто, да и опасно вдобавок. Ровер стал такой маленький, что бежать вниз по лестнице для него было всё равно что прыгать со стен, а забираться обратно ну совсем тяжело и неудобно. И к тому же всё оказалось напрасно. Все двери, конечно же, были закрыты и заперты, и в них не нашлось ни щёлочки. Так бедняга Ровер и не смог сбежать той ночью, и наутро сидел, очень усталый, притворяясь, что служит, на стуле, там, где его и оставили.

Двое старших мальчиков любили перед завтраком побегать по пляжу, если утро было ясным. Этим утром, проснувшись и подняв жалюзи, они увидели, как из моря выскакивает солнце, всё такое огненно-красное и с облаками вокруг головы, будто оно только что выкупалось в холодной воде и теперь вытиралось полотенцем. Вскоре мальчики встали, оделись и отправились гулять, вниз по откосу и на пляж, а Ровера взяли с собой.

Только Второй мальчик (тот самый, которому принадлежал Ровер) собрался выйти из спальни, как увидел Ровера на комодe: он сам поставил щенка туда, когда одевался.

— Он просится гулять! — воскликнул мальчик и сунул пёсика в карман брюк.

Но Ровер вовсе не просился гулять, тем более в брючном кармане. Он хотел отдохнуть и подготовиться к ночи, думая, что на этот-то раз разыщет выход и убежит обратно, к своему дому и саду и жёлтому мячику на лужайке. Пёсик думал с надеждой, что, если он доберётся до своей лужайки, всё исправится: либо заклятье спадёт, либо он проснётся и обнаружит, что всё это сон. Поэтому, пока мальчишки осторожно спускались по крутой тропинке вниз с откоса и носились по песку, он пытался лаять, вертеться и ворочаться в кармане. Двигаться он мог только чуть-чуть, даже когда его никто не видел, но всё же ему повезло: в кармане лежал мятый носовой платок и поэтому Ровер сидел не очень глубоко. Он очень старался, да и хозяин его скакал резво, и скоро пёсик смог высунуть нос из кармана и принюхаться.

Он очень удивился тому, что увидел и учуял. Раньше он никогда не видел и не чуял моря: деревня, где он родился, была от моря так далеко, что даже запах не долетал.

Внезапно, когда Ровер высунулся наружу, преобладающая серо-белая птица пронеслась прямо над головами мальчиков, закричав, как огромная крылатая кошка. Пёсик так испугался, что вывалился из кармана прямо на мягкий песок, и никто этого не заметил. Птица улетела прочь, не услышав его тоненького лая, а мальчики уходили вдоль берега всё дальше и дальше, а о Ровере и думать забыли.

Сначала Ровер был весьма собой доволен.

— Я убежал! Убежал! — залаял он, залаял по-игрушечно-му, но услышать его смогли бы только игрушки, а их вокруг не было. Потом он перевернулся и лёг в чистый сухой песок, всё ещё прохладный после ночи под звёздами.

Но когда мальчики ушли домой, не заметив Ровера, и он остался один-одинёшенек на пустом берегу, пёсик уже не так радовался. На пляже никого не было, одни чайки. Кроме следов их лап на песке Ровер заметил только отпечатки ног мальчиков. Этим утром они забрели в безлюдный уголок пляжа, куда ходили редко. Да и вообще тут мало кто бывал, потому что, несмотря на здешний чистый и жёлтый песок, белую гальку и синюю с серебристой пеной воду в маленькой бухточке под серым обрывом, чувствовалось здесь что-то странное. Правда, не ранним солнечным утром. Поговаривали ещё, что

даже днём появляются здесь странные создания, а по вечерам в бухте полно водяных и русалок, не говоря уже о мелких морских гоблинах, что приезжают на морских коньках с удилами из водорослей к самому обрыву и оставляют их лежать в пене у самого берега.

А причина этих странностей была простая: в бухте обитал старейший из всех песчаных волшебников, Песчанологов, как называет их морской народ на своём булькающем языке. Этот представлялся как Песчанес Песчанид и очень сердился, если его имя произносили неправильно, через «щ». Был он, однако, старичиной мудрым, и к нему приходило много диковинного народа, ибо Песчанес пользовался репутацией замечательного и очень доброго (к кому надо) волшебника, хоть на первый взгляд и казался ворчливым. Морские жители неделями хохотали над его шутками после очередной полночной вечеринки. Но найти его днём было весьма и весьма непросто. Он любил нежиться на солнышке, зарывшись в тёплый песок и выставив наружу только кончик длинного уха, а если даже оба уха торчали из песка, люди вроде нас с вами принимали их обычно просто за какие-то палочки.

Возможно, что старый Песчанес знал про Ровера. Старого колдуна, зачаровавшего щенка, он точно знал: на свете волшебников и чародеев очень мало, и они хорошо осведомлены друг о друге и следят за делами друг друга, потому что частным порядком они меж собой ладят не всегда. В общем, вот здесь лежал на мягком песке Ровер, которому уже стало одиноко и как-то не по себе, а вот тут был Песчанес, которого Ровер не

видел: тот подглядывал за ним из-под кучи песка, которую прошлой ночью насыпали для волшебника русалки.

Но песчаный маг ничего не сказал. И Ровер тоже ничего не сказал. Прошло время завтрака, и солнце начало припекать с высоты. Ровер взглянул на так прохладно шумящее море — и ужасно перепугался. Сначала он подумал, что в глаза ему попал песок, но вскоре понял, что не ошибся: море придвигалось ближе и ближе, заглатывая всё больше песка, а волны вздымались всё выше и пенились всё сильнее.

Надвигался прилив, а Ровер лежал как раз чуть ниже его границы, но ничего об этом не знал. Ему было всё страшнее и страшнее; он думал, что сейчас бурлящая вода нахлынет к самым утёсам и смочит его в это пенное море (куда хуже мыльной лоханки для купания), и всё это время он продолжал с жалким видом служить.

Так бы оно и могло случиться, но не случилось. Я бы сказал, что здесь не обошлось без Песчанеса; по крайней мере я полагаю, что заклинание колдуна ослабло в этой странной бухте, так близко к обиталищу другого волшебника. Верно одно: когда волны подступили совсем близко и Ровер чуть не умер со страха, пытаясь откатиться подальше от воды, он вдруг обнаружил, что может двигаться.

Размеры его не изменились, но он больше не был игрушкой. Он мог совершенно нормально двигать всеми лапами, хоть на дворе и стоял день. И служить ему больше не надо было, он мог убежать на более плотный песок и мог лаять — не игрушечным

лаем, а самым настоящим, только тоненьким, как раз под его размер. И так он обрадовался, так громко загавкал, что, окажись вы там, вы бы его услышали, чётко и как бы издали, будто из холмов донесло ветром лай пастушьей собаки.

И тут песчаный маг внезапно высунул из песка голову. Был волшебник весьма безобразен, а размером с очень крупную собаку; но крошечному заколдованному Роверу он и вообще показался кошмарным чудовищем. Ровер тут же сел и перестал лаять.

— Чего это ты расшумелся, собачонок? — поинтересовался Песчанес Песчанид. — Мне спать пора!

Надо сказать, что спать ему было пора всегда, если, конечно, вокруг не происходило ничего забавного, вроде танца русалок в бухте (по его приглашению). Тогда он выползал из песка и усаживался на скале посмотреть на веселье. Русалки в воде очень грациозны, но, когда они вылезали на берег и танцевали на хвостах, получалось весьма комично — на взгляд Песчанида.

— Мне спать пора! — повторил он, не дождавшись ответа. Но Ровер не произнёс ни слова, а только виновато вилял хвостом.

— Да ты знаешь ли, кто я такой? — спросил маг. — Я Песчанес Песчанид, самый главный Песчанолог!

Он повторил это несколько раз, гордо и напыщенно, тщательно проговаривая каждое слово, и с каждым «сч» из носа его вылетало облако песка.

Ровера этим песком почти засыпало, и он сидел там такой напуганный и несчастный, что песчаный маг пожалел его. Он перестал притворяться свирепым и рассмеялся:

— Ты смешной маленький собачонок, Собачонок! Я в жизни не видел такого маленького собачонка, Собачонок!

Тут он снова рассмеялся, а затем вдруг разом посерьёзnel.

— Уж не ссорился ли ты в последнее время с волшебника-ми? — спросил он почти шёпотом. Один его глаз был прикрыт, а другой смотрел так дружелюбно и знающе, что Ровер всё ему рассказал. Это было скорее всего лишним, поскольку Песчанес, как я уже говорил, скорее всего всё знал и так, но Ровер почувствовал себя куда лучше, поделившись своими заботами с тем, кто понимал его и был явно поумнее игрушек.

— Волшебник, точно так, — кивнул маг, когда Ровер закончил свою историю. — Старик Артаксеркс, судя по описанию. Он из Персии. В один прекрасный день он заблудился (что, впрочем, и с самым лучшим волшебником может случиться, если он не сидит постоянно дома, как я), и первый встречный показал ему вместо Персии дорогу на Першор. Вот с тех пор он там и живёт — всегда, кроме праздников. Говорят, что он вполне крепкий старик для своего возраста — две тыщи лет в обед — и очень ловок снимать сливки, собирать сливы и пить сливовый сидр. Но я не об этом... — Песчанес имел в виду, что отвлёкся. — Короче, что я для тебя могу сделать?

— Не знаю, — сказал Ровер.

— Хочешь домой? Боюсь, что увеличить тебя обратно я не смогу — по крайней мере без разрешения Артаксеркса, потому что не хочу с ним сейчас ссориться. А вот домой тебя отправить попробую. В конце концов Артаксеркс, если захочет, просто пошлёт те-

бя обратно. Хотя, конечно, он может закинуть тебя куда-нибудь и похуже магазина игрушек, если его как следует разозлить.

Роверу это всё совсем не понравилось, и он робко заявил, что, если он попадёт домой таким крошечным, его никто не узнает, кроме разве Тинки, кошки; а в таком виде ему меньше всего хочется, чтобы его узнала Тинка.

— Ну ладно, — сказал Песчанес. — Будем думать дальше. Кстати, поскольку ты уже настоящий, поесть хочешь?

Не успел Ровер затыкать «Да, пожалуйста! КОНЕЧНО, ПОЖАЛУЙСТА!», как на песке перед ним появилось блюдо с хлебом в подливке и двумя косточками как раз нужного размера, а также мисочка с водой, а по ободку мисочки синими буквами шла надпись «пей, щеня, пей». Он всё выпил и съел, а потом спросил:

— Как вы это сделали? Спасибо!

Ровер решил добавить «спасибо» в последний момент, поскольку вспомнил, что волшебники и им подобные — народ обидчивый. Песчанес только усмехнулся, и Ровер лёг на горячий песок и уснул, и снились ему кости и кошки, которых он загонял на сливовые деревья, а они превращались в волшебников в зелёных шляпах и кидались в него огромными, с кабачок, сливами. А ветер всё дул себе и дул и скоро совсем засыпал Ровера песком — только голова осталась торчать.

Поэтому мальчики так его и не нашли, хотя нарочно вернулись к бухте, чтобы поискать его, как только Второй мальчик обнаружил, что пёсик пропал. На этот раз они пришли с отцом и искали все вместе, пока солнце не начало клониться к закату и не подо-

шло время чая. Тогда отец увёл их домой и задержаться не разрешил: слишком много странных историй он слышал об этом месте. Второму мальчику пришлось на время удовольствоваться обычной трёхпенсовой игрушечной собакой из того же магазина, но почему-то он не забыл маленького пёсика, сидевшего на задних лапках, хотя и владел им так недолго.

Сейчас, впрочем, вы можете представить, что мальчик, оставшись без всякой собаки, грустно пил чай; а в это самое время далеко отсюда старушка, хозяйка Ровера, которая так его баловала, когда он был обычным пёсиком подходящего размера, писала объявление о пропаже щенка — «белый с чёрными ушами, отзывается на кличку „Ровер“»; а сам Ровер спал в песке, а ря-

дом с ним дремал Песчанес, сложив коротенькие ручки на толстом пузе.

2

КОГДА РОВЕР ПРОСНУЛСЯ, солнце опустилось уже совсем низко; тень от утёсов полностью покрывала пляж, а Песчанеса нигде видно не было. Рядом с пёсиком стояла, глядя на него, большая чайка, и на какой-то миг Ровер испугался, что она его съест.

Но чайка сказала:

— Добрый вечер! Долго же я ждал, пока ты выспишься. Песчанес уверял, что ты проснёшься где-то к чаю, но сейчас уже гораздо позже.

— Скажите, пожалуйста, господин Птица, а зачем вы меня ждёте? — очень вежливо осведомился Ровер.

— Меня зовут Мью, — ответила чайка, — и я жду, чтобы унести тебя, как только взойдёт луна, над лунной дорожкой. Но нам ещё надо кое-что обстряпать. Садись мне на спину — посмотрим, как тебе понравится летать!

Сначала Роверу совсем не понравилось. Когда Мью скользил над самой землёй, раскинув неподвижные крылья, это было ещё туда-сюда, но когда он взмывал в воздух, или резко поворачивал, накрываясь то в одну, то в другую сторону, или неожиданно и резко нырял, будто хотел окунуться в море, маленький пёсик, в ушках которого так и свистел ветер, всеми силами желал снова очутиться на твёрдой земле.

Он так и сказал несколько раз, но Мью отвечал лишь:

— Держись, то ли ещё будет!

Они немного полетали вокруг, и только Ровер начал привывать (и ему даже поднадоело), как Мью вдруг закричал «Летим!» — и Ровер чуть не слетел с его спины. Мью ракетой взвился вертикально в воздух и помчался на огромной скорости, подгоняемый ветром. Вскоре они взмыли так высоко над землёй, что Ровер увидел, как солнце садится за далёкие тёмные холмы. Мью и Ровер летели туда, где возвышались отвесные — не заберёшься — чёрные скалы. Внизу, облизывая каменные подножья утёсов, плескалось и шумело море. На скалах ничего не росло — только какие-то крапинки тускло белели в сумерках. Сотни морских птиц сидели там на узких уступах, то перекликаясь то-скливыми голосами, то умолкая; а порой соскальзывали с карниза и, покружившись в воздухе, ныряли далеко вниз, в море, где волны казались маленькими морщинками.

Мью здесь жил и теперь прилетел повидаться кое с кем, включая самого важного старейшину Черноспинных Чаек, и забрать несколько посланий, прежде чем отправиться в путь. Поэтому он посадил Ровера на узенький уступ, куда уже дверного порога, и велел ему ждать здесь и не падать.

Уж не падать-то Ровер старался изо всех сил, можете не сомневаться. Сильный ветер дул ему в бок, и он съёжился, прижимаясь к скале и поскуливая, и всё это ему совершенно не нравилось. В общем, было это очень скверное и неприятное место для заколдованного и перепуганного пса. Последний луч солнца на небе померк, и поднялся туман, и в сгущающейся тьме загорелись первые звёзды.

Вдалеке из-за моря поднялась над туманом круглая жёлтая луна, и от неё протянулась по воде сияющая дорожка.

Вскоре вернулся Мью и подобрал дрожащего от холода Ровера. Птичьи перья и пух показались пёсику очень тёплыми и уютными после холодного камня, и он зарылся в них как можно глубже. Тогда Мью взмыл в воздух, и все остальные чайки сорвались с уступов и закричали и заголосили, прощаясь с ними. Вдаль помчались Мью с Ровером по-над лунной дорожкой, что протянулась теперь прямо от берега до самого тёмного провала в никуда.

Ровер понятия не имел, куда ведёт лунная тропа, и был сейчас слишком возбуждён и напуган, чтобы спрашивать, да и вообще уже начал привыкать к тому, что с ним происходят удивительные события.

Они летели над серебристо сверкающим морем, а луна поднималась всё выше и делалась белее и ярче; теперь у звёзд не хватало духа оставаться рядом с ней, и вот уже она одна сияла на восточном небе. Ясно было, что Мью летел по приказу Песчанеса туда, куда хотел Песчанес, и маг, без сомнения, помогал ему колдовством, так как летел Мью быстрее и ровнее, чем обычно летают большие чайки, даже по ветру или в спешке. Однако прошли, казалось, века, прежде чем Ровер увидел что-нибудь кроме лунного света да моря внизу; и всё это время луна становилась всё больше и больше, а воздух — всё холоднее и холоднее.

Вдруг на горизонте Ровер разглядел какое-то тёмное пятно, которое росло по мере приближения. Это оказался остров. Над морем разносился громогласный лай, будто составленный из

самых разных и всевозможных собачьих звуков: гавканья, тьяканья и вяканья, визгов и повизгиваний, рычания, ворчания и порывивания, воя, завывания и подвывания, облаиванья, скулежа, подскуливания и скуления, огрызания, оскаливания и щёлканья зубами, и, наконец, чудовищного рёва, как будто лаял гигантский волкодав во дворе у гиганта-людоеда. Шерсть на загривке у Ровера стала совсем-совсем настоящей; пёсик ошетинился и подумал, как славно было бы спуститься и подраться со всеми этими собаками разом, — пока не вспомнил, какой он теперь маленький.

— Это Остров Псов, — объявил Мью, — или, точнее, Остров Потерянных Псов, куда попадают все потерявшиеся собаки, если того заслуживают или им повезёт. Говорят, это неплохое место для псов; они могут шуметь, сколько захотят, и никто на них не кричит, чтобы они заткнулись, и ничем в них не кидается. Они порой устраивают славные концерты: все вместе лают, кто во что горазд, на луну, когда она яркая. Ещё я слышал, что растут там костевые деревья, с плодами в виде мясных костей, которые опадают с веток, как только созреют. Нет! Мы сейчас туда не полетим! Ты, понимаешь ли, не вполне собака, хотя вроде и не то чтобы игрушка. Песчанес, надо сказать, был не совсем уверен, что с тобой делать, когда ты заявил, что не хочешь домой.

— Куда же мы тогда направляемся? — спросил Ровер. Его огорчило то, что взглянуть поближе на Псовый Остров и особенно на костевые деревья не получится.

— Прямо по лунной тропе до края света, потом через край и на Луну. Так сказал старик Песчанес.

Роверу совсем не понравилась идея лететь за край света, да и Луна выглядела как-то холодновато.

— Для чего же на Луну? — заскулил он. — Есть много мест в мире, где я никогда не был. Да и костей на Луне, по-моему, нет, и собак тоже.

— Одна собака по крайней мере там есть — у Человека-с-Луны. А поскольку он старикан правильный, а кроме того, — величайший из всех волшебников, там наверняка есть кости для собаки, а может, и для гостей. А для чего на Луну, об этом ты, скажу я тебе, сам со временем узнаешь, если возьмёшь себя в лапы и перестанешь ворчать. По-моему, Песчанес и так к тебе слишком добр. Не пойму, зачем он с тобой возится. Обычно он ничего не делает без хорошей, веской причины, а ты мне не кажешься ни увесистым, ни шибко хорошим.

— Ну спасибо, — сокрушённо ответил Ровер. — Это, конечно, очень славно со стороны всех этих волшебников, что они так обо мне пекутся, но от этого же одно сплошное беспокойство! Никогда не знаешь, чего ожидать, когда свяжешься с колдунами и их приятелями.

— Скажу я тебе, это неплохая судьба, куда лучше, чем заслуживает какой-то щенок-пустолайка, — ответила чайка, и после этого они долго не разговаривали.

Луна стала больше и ярче, а мир внизу темнел, исчезая вдали. И вдруг мир кончился, и Ровер увидел звёзды, сияющие из бездонной черноты. Далеко под собой он разглядел белеющую в лунном свете пену, там, где вода переливалась через край света и водопадами стекала прямо в космос. У пёсика закружилась голова, он зарылся в перья Мью и надолго зажмурился.

Когда он вновь открыл глаза, внизу простиралась Луна — новый мир, белый и сияющий, как снег, с широкими бледно-голубыми и зеленоватыми равнинами, через которые тянулись длинные тени высоких остроконечных гор.

Когда Мью снизился, то на вершине самой высокой из этих гор, настолько высокой, что она словно сама вздымалась им на-встречу, Ровер различил белую башню. Белая с розовыми и зелёными прожилками, она сверкала и переливалась, словно была сделана из миллионов всё ещё блестящих от пены ракушек. Стояла она на краю обрыва, белого, как меловая скала, который сиял лунным светом ярче, чем оконное стекло издалика в ясную ночь.

Насколько видел Ровер, вниз с утёса не вело никакой тропинки, но сейчас это было неважно, потому что Мью, стремительно снизившись, опустился на крышу башни, так высоко над лунным миром, что по сравнению с ней даже скалы у моря, где жил Мью, казались низенькими и совсем не опасными.

К большому удивлению Ровера рядом с ними в крыше не-медленно открылся люк, а из него высунул голову старик с длинной серебристой бородой.

— Неплохо летаем! — сказал он. — Я засёк время, когда ты перевалил через край — получается где-то, я полагаю, тысяча миль в минуту. Торопись ты сегодня. Хорошо ещё с псом моим не столкнулся. Кстати говоря, где же он?

Он достал длиннющий телескоп и прищурился в него.

— Вот он! Вот он! — закричал старик. — Снова лунные блики гоняет, так его и растак! Спускайтесь, сударь! Спускайтесь! — заорал он в воздух и высвистел длинную серебристую трель.

Ровер посмотрел вверх, думая, что забавный старичок, верно, помешался: виданое ли дело свистеть с неба собак? — но, к своему изумлению, увидел высоко над башней маленькую белую собачку с белыми крыльями, гонявшуюся за чем-то вроде прозрачных бабочек.

— Ровер! Ровер! — закричал старик; и только наш Ровер под-скочил на спине Мью, чтобы тявкнуть «Здесь я!», не успев даже удивиться, откуда старик знает его имя, как увидел, что летучая собачка спикировала сверху и опустилась на стариково плечо.

Тут он понял, что пёс Человека-с-Луны, наверное, тоже носит имя «Ровер». Нашему пёсику это совсем не понравилось, но так как внимания на него никто не обращал, он улёгся на место, тихонько рыча себе под нос.

Ровер Человека-с-Луны хорошо слышал; он тут же спрыгнул на крышу башни и яростно залаял, а потом сел и прорычал:

— Кто притащил сюда другую собаку?

— Какую-такую другую собаку? — спросил Человек.

— Во-от эту вот глупую шавку на спине у чайки, — ответил лунопёс.

Ну тогда, конечно, Ровер опять подпрыгнул и гавкнул изо всех сил:

— Сам ты глупая шавка! Ты, да ты и вовсе не собака, а кошка или мышь летучая, а тоже мне, Ровером зовёшься, туда же!

Из чего нам становится ясно, что два Ровера очень скоро по-дружатся. Так небольшие собачки всегда разговаривают с незнакомцами своей породы.

— Летели бы вы оба отсюда! Не шумите так, мне нужно с почтальоном поговорить! — шуганул их Человек.

— Пошли, малявка! — позвал лунный пёс, и тут Ровер вспомнил, какая он действительно малявка, даже рядом с лунопсом, который был просто небольшой собачкой, и вместо того, чтобы огрызнуться, сказал:

— Я бы рад, если бы только у меня были крылья и я умел летать...

— Крылья? — засмеялся Человек-с-Луны. — Это просто! Получай пару и проваливай!

Мью расхохотался, а потом взял да и скинул Ровера со спины прямо через край крыши! Но только у пёсика захватило дыхание и он представил, как падает мили и мили, падает, как камень, на белые валуны внизу, как обнаружил, что обзавёлся парой великолепных белых с чёрными пятнами (как раз себе под цвет) крыльев. Привыкнуть к ним он смог не сразу и пролетел вниз довольно далеко. Но задолго до того, как Человек закончил беседовать с Мью, Ровер уже пытался гонять лунопса вокруг башни. Только-только он начал уставать от своего первого самостоятельного полёта, когда лунопёс спустился на вершину горы и примостился на краю скалистого уступа, под стеной башни. Ровер полетел следом за ним, и вот они уже сидели рядом, высунув языки и переводя дух.

— Так ты носишь имя Ровер вслед за мной? — спросил лунопёс.

— Ничего я вслед за тобой не ношу, — возразил Ровер. — Имя у меня собственное, от хозяйки, а она про тебя и слыхом никогда не слыхивала.

— Это неважно. Я был самой первой собакой, которую называли Ровером, тысячи лет назад, так что тебя уж точно называли так после меня. Знаешь, что значит «Ровер»? Это значит «бродяга, скиталец». О, какой я был скиталец! Я нигде не останавливался, никому не принадлежал, пока не попал сюда. С самого щенячества я только и делал, что убегал прочь, и я бежал и скитался, и одним прекрасным утром — замечательным утром, когда солнышко светило мне прямо в глаза, — я свалился с края света, когда гнался за бабочкой.

Ну и отвратительное это ощущение, скажу я тебе! К счастью, Луна как раз проходила с другой стороны Земли. Я пролетел сквозь облака, дрожа от ужаса, задевая по дороге падающие звёзды и всякое такое, и шлёпнулся туда. Прямохонько в большую серебристую сеть: их тут сплетают гигантские пауки и протягивают от горы к горе. Паук уже сползал ко мне по паутинной лесенке, чтобы замариновать и положить в кладовую, но тут появился Человек-с-Луны.

Он видит в свой телескоп абсолютно всё, что происходит на этой стороне Луны. Пауки его боятся — он их не трогает только потому, что они ткут для него верёвки и серебряную канитель. А так он сильно подозревает и почти уверен, что они ловят лунные блики — а этого делать нельзя, хотя пауки, конечно, притворяются, что едят только стрекомолей и тенетопырей. В общем, он обнаружил в кладовой у этого паука крылья бликов и тут же — бац! — превратил его в камень. Потом он взял меня на руки, погладил и сказал: «Вот это ты грохнулся! Держи-ка пару крыльев, чтобы больше такого не было, и пойди полетай

в своё удовольствие. Только не тронь лунных бликов и не дави моих белых лунных кроликов! А когда засосёт под ложечкой, прилетай домой — чердачное окно в башне обычно открыто!»

Я решил, что он ничего парень, но немного с приветом. Но ты моей ошибки не повторяй: он вовсе не с приветом. Я бы не посмел всерьёз цапнуть его бликов и зайчиков — запросто пре-вратит во что-нибудь неудобосказуемое. А теперь расскажи, почему ты прибыл с почтальоном?

— С почтальоном? — переспросил Ровер.

— Ну да, с Мью, почтальоном старого песочного мага, — пояснил лунопёс.

Ровер едва успел рассказать историю своих приключений, когда они услышали свист Человека и рванулись вверх, на крышу. Старичок восседал на краю, болтая ногами, вытаскивал из конвертов письма, а конверты швырял на ветер. Ветер подхватывал их и, завертев, уносил прочь, но Мью догонял их и укладывал обратно в сумку.

— Я как раз читал про тебя, Роверандом, пёсик мой, — сказал Человек. — Я тебя стану звать Роверандомом, так и заруби себе на носу, — потому что не может же у меня быть два Ровера. И я совершенно согласен с моим другом Пещанцем (не собираюсь произносить это дурацкое «сч» ради его прихоти), что тебе лучше посидеть некоторое время здесь. Ещё я получил письмо от Артаксеркса, если ты знаешь, кто это такой, и даже если не знаешь: он велит мне отправить тебя назад. Он очень сердит на тебя за твой побег, а также на Пещанца за то, что тот помог тебе. Но нам он побоку, да и тебе тоже, пока ты здесь.

А теперь иди полетай в своё удовольствие. Не трогай только лунных бликов и не дави моих лунных кроликов! А когда про-

го-лодаешься, прилетай домой — чердачное окно в башне обычно открыто! Пока!

И он растворился в воздухе; а даже те, кто на Луне никогда не был, могут вам рассказать, как мало там воздуха.

— Ну, до встречи, Роверандом! — сказал Мью. — Надеюсь, тебе понравится ссорить волшебников. Пока что — до свиданья. Не дави только лунных кроликов, и вернёшься домой в целости и сохранности, хочешь ты этого или нет.

И Мью сорвался с места с такой скоростью, что не успели бы вы сказать «вжик», а он уже превратился в точку на небе, а потом и вовсе исчез. Ровера не только превратили в игрушку — ему поменяли имя и оставили на Луне одного-единёшенького, если не считать Человека-с-Луны и его собаки.

Но Роверандом — так пока станем звать его и мы, чтобы избежать путаницы, — не унывал. С новообретёнными крыльями было весело, да и Луна оказалась замечательно интересным местом, так что он совсем бросил размышлять, зачем Песчанес послал его сюда. Прошло много времени, прежде чем он это узнал.

А пока их с лунным Ровером, а иногда и одного Роверандома ждали разнообразные приключения. Роверандом редко отлучался далеко от башни; на Луне, особенно на белой стороне, насекомые очень большие и злые, и иногда такие бледные, тихие и прозрачные, что их и не слышно, пока они не подберутся близко. Лунные блики только порхают и блестят, их пёсик не боялся. Гораздо страшней были крупные белые стрекомоли с огненными глазами, а также мечемухи, и стекляки с челюстями как стальные

капканы, и бледные единорожки с жалами как копыта, и пятьдесят семь разновидностей пауков, готовых сожрать всё, что попадётся. А ещё хуже пауков и насекомых были тенетопыри.

Роверандом поступал, как птицы на этой стороне Луны: старался летать рядом с домом или на открытом месте с хорошим обзором, подальше от укывищ насекомых; а ходил он очень осторожно и тихо, особенно в лесу. Большинство существ здесь двигалось почти бесшумно, и даже птицы чирикали очень редко. В основном звуки здесь издавали растения. Цветы — белозвоны, красозвоны и среброзвоны, бренькозвыны и колоко-розы, рифмоцари и свистульки, жеструбы и сливочные горны (белые-белые, словно лучшие сливки), и многие другие с непере-водимыми именами — играли музыку весь день напролёт. А хво-щи и папоротники — феины струны, полифонии и медные язы-ки, и папоротник-хрустяк, и всякие камыши на молочно-белых прудах — тихонько наигрывали даже по ночам. Вообще, лёгкая, еле слышная мелодия звучала здесь постоянно.

А птицы молчали; по большей части крошечные, они прыга-ли в серой траве под сенью деревьев, уворачиваясь от мух и сле-дя, чтобы сверху не спикировал лётимок. Многие из них давно утратили крылья или позабыли, как ими пользоваться. Роверан-дом часто спугивал птиц с гнёзд, когда крался сквозь бледную траву, охотясь на белых мышей или вынюхивая на опушках леса серых белок.

В лесу было полно среброзвонов, и все они тихо перезвани-вались, когда Роверандом увидел их в первый раз. Высоченные прямые чёрные стволы вздымались кверху, точно церковные шпили, над серебристым ковром, а бледно-голубые листья их

крон никогда не опадали; так что ни один, даже самый длинный земной телескоп не видел ни этих стволов, ни среброзвонов под ними. Когда сменялись времена года, деревья все разом распускались бледно-золотистыми цветами; а поскольку Луна практически вся покрыта лесом, это, несомненно, меняет её вид для земного наблюдателя.

Но не думайте, что Роверандом всё время хоронился да прятался. В конце концов псы знали, что за ними присматривает Человек, и без страха летали на поиски приключений — и находили, и было им очень весело.

Иногда они вдвоём удалялись на многие мили и не возвращались в башню целыми днями. Пару раз они забрались высоко в горы, так далеко, что башня казалась оттуда лишь сияющей иглой на горизонте. Там они сидели на белых скалах и наблюдали за маленькими (не больше Ровера Человека-с-Луны) овцами, стада которых паслись на склонах холмов. Каждая овечка носила на шее золотой бубенчик, который звенел, когда она делала шаг, чтобы сорвать ещё один пучок серой травы. Все бубенцы звенели согласно, и никто никогда не тревожил белоснежных овец. Роверы были для этого слишком воспитанны (и слишком боялись Человека), а больше собак на Луне не жило. Не водилось там ни коров, ни лошадей, ни волков, ни тигров, ни львов; и вообще никаких четвероногих крупнее белок и зайчиков (да и те по размерам были игрушечные). Иногда лишь случалось встретить в лунных лесах задумчивого огромного слона, ростом чуть ли не с осла. Про драконов я не упомянул, потому что их черёд в сказке еще не пришёл, да и жили они далеко-далеко от

башни: все они боялись Человека-с-Луны, кроме одного-единственного (да и тот наполовину побаивался).

Когда собаки возвращались в башню через верхнее окно, их всегда ждал обед, словно они вернулись в специально назначенное время, но Человека они видели или слышали редко. В подвале у него была мастерская, откуда порой поднимались по лестнице и выплывали сквозь верхние окна облака белого пара и серого тумана.

— Что он там всё время один делает? — спросил Ровера Роверандом.

— Что делает? — переспросил лунопёс. — О, он всегда очень занят, особенно с тех пор, как ты появился. Я полагаю, он готовит сны.

— А для чего он готовит сны?

— О, для обратной стороны Луны, конечно. На этой стороне никто снов не видит: все ходят смотреть сны туда, на заднюю сторону.

Роверандом сел и почесался; ему показалось, что разъяснение вышло неразъяснительное. Но лунопёс всё равно отказался рассказывать подробнее. Если вы меня спросите, то я так полагаю, что он и сам не особенно в этом разбирался.

Впрочем, то, что вскоре случилось, надолго отвлекло Роверандома от всех этих вопросов. С двумя псами приключилось приключение — интересное, даже слишком, но уж в этом они были сами виноваты. Они улетели на несколько дней, гораздо дальше, чем когда-либо с тех пор, как Роверандом появился на Луне; а куда именно — о том они и подумать не удосужились. По правде сказать, они попросту заблудились и забирались всё дальше и дальше от башни, спутав направления и считая, что

возвращаются. Лунопёс заявлял, что обрыскал всю белую сторону Луны вдоль и поперёк и знает здесь каждую травинку (он любил преувеличивать), но наконец и он признал, что окрестности ему вроде как незнакомы.

— Боюсь, что последний раз я тут был довольно давно, — промолвил он, — и уже начинаю подзабывать эти места.

На самом-то деле он ни разу здесь не бывал. Случайно они забрели слишком близко к сумрачному краю тёмной стороны, где меркнет память, и теряются тропы, и где бродят всякие полузабытые твари. Только лишь псы решили, что наконец-то вышли на правильную дорогу домой, как увидели перед собой высокие горы, молчаливые, голые и зловещие; даже лунопёс не стал заявлять, что видел их раньше. Они были не белые, а серые, на вид словно из давно остывшего пепла; а между ними протянулись длинные сумрачные долины без единого признака жизни.

И тут пошёл снег. На Луне часты снегопады, но снег (как его там называют) обычно бывает славный и тёплый, совсем сухой, а потом превращается в тонкий белый песок и улетает по ветру. А этот был больше похож на наш: холодный, мокрый, да к тому же ещё и грязный.

— Я даже начал по дому скучать, — сказал лунопёс. — Вот точно такое же сыпалось с неба в нашем городе, когда я был щенком — ещё, разумеется, на Земле. О, какие там были трубы на крышах, высоченные, как лунные деревья; а чёрный дым, а красный огонь в топках! Белое порой надоедает. На Луне так трудно как следует извозюкаться.

Такие рассуждения как нельзя лучше свидетельствуют о дурном вкусе лунопса; а поскольку сотни лет назад таких городов ещё на свете не было, вы можете понять, что время, проведённое на Луне, он тоже весьма преувеличил.

Но в этот самый миг здоровенная и очень грязная снежинка угодила ему в левый глаз, и он тут же переменял мнение.

— По-моему, эта гадость сбилась с пути и упала со старого противного мира, — сказал лунный Ровер. — Крысы её раздери к кроликам! Да и мы, похоже, совершенно сбились с пути. Тьфу, какое летучемышество! Давай-ка поищем себе нору!

Поиски норы отняли немало времени, и прежде, чем хоть что-то найти, оба они промокли и продрогли. Озябшие и несчастные, псы забрались в первое же попавшееся укрытие, даже не оглядевшись, — а вот уж что надо первым делом сделать в незнакомом месте на краю Луны, так это хорошенько оглядеться. Укрытие оказалось не норой, а пещерой, и очень большой; там было темно, но сухо.

— Хорошо и тепло, — изрёк лунопёс, закрыл глаза и тут же погрузился в дрему.

— Ай! — вскорости взвизгнул он, мгновенно, по-собачьи страшивая с себя уютный сон. — Слишком тепло!

Вскочив, он услышал, как лает в глубине пещеры маленький Роверандом, и побежал узнать, в чём дело. Прямо на них по ка-менному полу струился ручеёк огня. Вся тоска Ровера по горячим топкам родного города пропала бесследно; он схватил Роверандома за шкурку, молнией рванулся из пещеры и взлетел на ближайший утёс снаружи.

Там они оба уселись, дрожа, в снег и принялись смотреть, что происходит, по изрядной своей глупости. Им бы лететь быстрее ветра домой или просто куда угодно.

Лунопёс, как вы уже поняли, знал о Луне далеко не всё, иначе бы сразу сообразил, что они попали в логово Великого Белого Дракона — того самого, что не боялся Человека, а только побаивался наполовину (а когда бывал зол — и того меньше). Сам Человек этого дракона не любил. «Эта клятая скотина», — говорил он о нём, когда говорил вообще.

Все белые драконы, как вам, вероятно, известно, происходят с Луны; но этот побывал на Земле и вернулся, набравшись там кое-какого опыта. Во времена Мерлина он сражался с Красным Драконом в Каэдрагоне, как описано во всех приличных учебниках истории, и с тех пор его противник стал называться Очень Красным Драконом. После того он учинил большое разорение на Трёх Островах и отправился пожить на вершине горы Сноудон в Уэльсе. В ту пору никто туда не лазал — кроме одного человека, которого дракон обнаружил, когда тот пил из бутылки. Так быстро пришлось ему допивать, что он даже бутылку бросил на вершине. Потом многие, в подражание ему, поступали так же, но только когда дракон уже улетел в Гвинву: случилось это некоторое время спустя после исчезновения короля Артура, в те времена, когда драконий хвост считался у саксонских королей великим деликатесом.

Гвинва находится совсем недалеко от края мира, и долететь оттуда до Луны — раз плюнуть, тем более такому огромному и злобному дракону, как этот. Теперь он обитал на краю Луны, потому что не знал точно, на что способны заклинания и вол-

шебные устройства Человека-с-Луны. Несмотря на это, он порою осмеливался смешивать палитру лунных красок. Иногда, чтобы отметить хороший обед или сорвать раздражение, он выпускал из своей пещеры зелёное и красное пламя; а дымил ещё чаще. Пару раз он даже окрашивал всю Луну красным или вообще гасил её. В таких прискорбных случаях Человек-с-Луны запырался (вместе с собакой) в башне, ворча: «Снова эта клятая скотина». Что за скотина и откуда — этого он не говорил; он просто спускался в подвал, распечатывал самые лучшие заклинания и приводил всё в порядок как можно быстрее.

Теперь вы знаете про этого дракона всё, а если бы собаки знали хоть половину, то никогда бы не остановились возле пещеры. Но они остановились по крайней мере на столько времени, сколько мне потребовалось, чтобы рассказать вам про Белого Дракона, — а тут и он сам, белый с зелёными глазами, дымя, как паровоз, и пылая зелёным огнём из всех щелей в чешуе, вылез из пещеры и страшно заревел. Горы содрогнулись и отдались эхом, снег высох, обрушились лавины, и водопады застыли.

Крылья дракона походили на паруса, как у кораблей в те времена, когда они были кораблями, а не пароходами, и растерзать он сейчас не побрезговал бы кого угодно, от полевой мыши до императорской дочки. Он собирался убить этих двух псов и, прежде чем подняться в воздух, неоднократно осведомил их об этом. Вот тут он дал маху. Обе собаки взвились со своего утёса, как ракеты, и понеслись по ветру со скоростью, которая сделала бы честь даже Мью. Дракон устремился за ними, хлопая крыльями, как хлопушка, и распахнув свой зев, как лев,

и сшибал по дороге вершины гор. Все овечьи бубенцы зазвенели одновременно, словно пожарный набат (видите, для чего им были нужны бубенцы).

К счастью, ветер дул именно туда, куда надо. А кроме того, как только бубенцы зашлись в отчаянном звоне, с башни взвилась великолепнейшая ракета. Она походила на золотой зонтик, рассыпающийся на тысячу серебряных кистей так, что видно было по всей Луне, а на Земле вскоре после этого неожиданно случился сильный звездопад. Ракета послужила для собак сигналом, а дракону — предупреждением, но он слишком кипятился, чтобы обратить на него внимание.

Яростная погоня между тем продолжалась. Если вы когда-нибудь видели, как птица гоняется за бабочкой, и можете себе представить огромную-преогромную птицу, гонящуюся за двумя совершенно крошечными бабочками между белыми горами, тогда вы едва-едва сумеете вообразить, как собаки изворачивались, увиливали и мчались бешеными зигзагами, чудом спасаясь от гибели на пути домой. Они ещё и полдороги не пролетели, а хвост Роверандома уже пару раз успело опалить драконьим дыханием.

А где же был Человек-с-Луны? Ну, он запустил свою превосходную ракету, а потом сказал: «Ух, клятая скотина!», а ещё: «Ух, клятые щенки! Они мне тут до срока затмение устроят!» Потом он спустился в подвал и откупорил тёмное, если не сказать чёрное заклятье, по виду похожее на смесь дёгтя с мёдом (а по запаху — на день Гая Фокса и убежавшие щи).

В эту самую минуту дракон взмыл прямо над башней и занёс огромную лапу, чтобы сбить Роверандома на лету — за-

швырнуть его прямо в пустое никуда. Но не тут-то было. Человек-с-Луны запустил заклинание из нижнего окна, попал дракону прямёхонько в брюхо (поразительно нежное, как у всех драконов) и развернул его в воздухе. Дракон просто обалдел и с грохотом врезался в гору, не справившись с управлением; и я, пожалуй, затруднюсь сказать, что пострадало больше — его нос или гора: оба были не в лучшей форме.

Два пса нырнули внутрь сквозь верхнее окно и там отпыхивались целую неделю, а скособоченный дракон кое-как добрался домой, где тёр себе нос целый месяц. Следующее лунное затмение совершенно провалилось: дракон был занят зализыванием своего живота и пропустил его. Да, а на том месте, куда по-

пало заклинание, остались чёрные кляксы, и я боюсь, что навсегда. Дракона с тех пор прозвали Чумазым Чудищем.

3

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ Человек-с-Луны взглянул на Роверандома и сказал:

— Это был крупный переплёт! Ты, похоже, неплохо для молодого пса изучил светлую сторону. Я думаю, что, когда ты отдышишься, тебе пора заглянуть и на обратную.

— А мне? — спросил лунопёс.

— А тебе я не советую, — ответил Человек, — ничего там для тебя хорошего нет. Ещё увидишь что-нибудь, о чём затоскуешь сильнее, чем об огнях и дымных трубах, — хуже всяких драконов получится.

Лунопёс не покраснел — он не умел — и ничего не сказал, но отошёл в уголок и задумался о том, как много старик знает о том, что случилось и происносилось. Ещё он гадал, что именно старик имел в виду, но мучился недолго: он был созданием легкомысленным.

Что же касается Роверандома, то, когда через несколько дней он пришёл в себя, его свистнул за собой Человек-с-Луны. Они пошли всё вниз и вниз по ступеням в вырубленные в скале подвалы с окошками, выходящими на лунную равнину, а потом

по потайной лестнице, ведущей, казалось, прямо под горы, и наконец пришли в какое-то совершенно тёмное место, где и оставались, хотя голова у Роверандома всё ещё кружилась после многих миль спуска по винтовой лестнице.

В полной темноте Человек-с-Луны светился сам собой, наподобие светлячка, а больше там никакого света не было. Но и этого хватало, чтобы разглядеть дверь — даже не дверь, а крышку большого люка в полу. Старик потянул за ручку, и по мере того, как крышка поднималась, из люка повалила, словно туман, темнота, так что Роверандом не мог разглядеть сквозь неё слабое мерцание Человека.

— А теперь вниз, вниз, хороший пёсик! — произнес голос из черноты.

Ну, вас, я полагаю, не удивить тем, что Роверандом решил не быть хорошим пёсиком и не сделал ни шага в направлении двери. Он забился в самый дальний уголок комнатёнки и прижал уши. Он боялся дыры куда сильнее, чем старика.

Но и это ему не помогло. Человек-с-Луны просто взял его за шкурку и уронил прямёхонько в чёрную дыру, и, проваливаясь всё глубже и глубже в ничто, Роверандом услышал его далёкий уже голос:

— Падай прямо, а потом лети вместе с ветром! Подожди меня с другой стороны!

Эти слова ничуть не успокоили его, хотя должны были бы. Роверандом всегда потом рассказывал, что, по его мнению, это самый жуткий момент в его приключениях, даже упасть с края света было бы лучше, и что он до сих пор чувствует пустоту в животе, когда вспоминает о чёрной дыре. Когда он во сне скулит и сучит лапами — значит, ему приснилось, как он падает.

Но как бы то ни было, полёту настал конец. Падение постепенно замедлилось, и Роверандом едва не завис в воздухе. Остаток пути ему пришлось пролететь на собственных крыльях, как будто сквозь длинный дымоход — хорошо ещё, ему помогал сильный сквозняк. Ох и рад же он был, добравшись до верха!

Пёсик лежал, отпыхиваясь, на краю дыры с обратной её стороны, послушно, но вместе с тем нетерпеливо дожидаясь Человека-с-Луны. Его не было долго, и Роверандом успел рассмотреть, что угодил в тёмную глубокую долину, окружённую кольцом невысоких тёмных холмов. На их вершинах, казалось, отдыхали чёрные тучи, а за тучами виднелась одна-единственная звезда.

Неожиданно пёсику очень захотелось спать; где-то неподалёку в полумраке кустов какая-то птица запела дремотную песню, показавшуюся ему странной и чудесной, особенно после немых пичужек с другой стороны, к которым он привык. Он закрыл глаза.

— Просыпайся, щенёнок! — прозвучал голос, и Роверандом, подскочив, увидел Человека, выбирающегося из дыры по серебряной верёвке, а верёвку привязывал к близстоящему дереву большой (гораздо больше самого Человека) серый паук.

Человек выкарабкался.

— Ну, спасибо! — обратился он к пауку. — А теперь сгинь!

И паук побежал обратно, и был очень рад, что его отпустили. На тёмной стороне обитают чёрные пауки, поменьше чудовищ светлой стороны, но зато ядовитые. Они ненавидят всё белое, бледное или светлое, а особенно бледных пауков. Их они ненавидят, как богатых родственников, которые время от времени заявляются в гости.

Серый паук соскользнул в дыру по верёвке, и тут же с дерева прыгнул чёрный паук.

— А ну-ка! — прикрикнул старик на чёрного паука. — Вернись-ка сюда! Это мой личный ход, и запомни это хорошенько. Вот сделай-ка мне гамак между тех двух тисов, тогда я тебя помилую.

— Лезть вниз, а потом вверх сквозь середину Луны довольно утомительно, — обратился он к Роверандому, — и я думаю, что не мешало бы передохнуть, пока они не явились. Они, конечно, очень милые, но энергии требуют массу. Я, скажем, мог бы взять крылья, но крылья я слишком быстро снашиваю; да еще пришлось бы расширять дыру — крылья моего размера не пролезут, а по верёвке я карабкаюсь превосходно.

— Что ты, кстати, думаешь об этой стороне? — продолжал Человек. — Тёмная со светлым небом, а другая была светлая с тёмным небом, а? Большая разница, только ни там, ни тут настоящего цвета не особенно много, я имею в виду настоящего, сочного, и чтобы все краски вперемешку. Ну, тут, если присмотреться, кое-что блестит под деревьями: светлячки, жуки-ал-мазники и всякие там бабочки-рубинницы. Но они, конечно, слишком малы, как и всё яркое на этой стороне. И живётся им здесь ужасно, тут же кругом совы размером с орлов и чёрные как уголь, а ворон-стервятников — что воробьёв, уже не говоря об этих вот пауках. А хуже всего, по-моему, чёрные бархатные бабочки-совки, которые летают тучами. Они даже с моей дороги не убираются; я не смею даже на миг блеснуть, не то они все запутаются в моей борде.

Но у этой стороны, молодой пёс, есть свои прелести; к примеру, одна из них — это то, что ни один человек и ни одна собака на Земле не видели её — наяву — кроме тебя!

Тут Человек вдруг прыгнул в гамак, сплетённый для него за время разговора чёрным пауком, и в мгновение ока заснул.

Роверандом сидел один-одинёшенек и смотрел на спящего, не забывая и по сторонам поглядывать: нет ли поблизости чёрных пауков. Огненные искорки, красные, зелёные, золотые и синие, сверкали и роились под тёмными, недвижимыми деревьями. Сквозь обрывки бархатных туч с бледного неба сияли странные звёзды. Откуда-то из другой долины, приглушённое холмами, доносилось как бы пение тысяч соловьёв. А потом Роверандом услышал детские голоса или только многожды отражённое эхо детских голосов, принесённое дуновением тихого ветра. Он вскочил и гавкнул так громко, как ещё не гавкал с самого начала сказки.

— Чур меня! — возопил Человек-с-Луны, просыпаясь и выскакивая из гамака только что не на хвост Роверандому. — Они что, уже здесь?

— Кто? — спросил Роверандом.

— Ну, если ты их не слышал, что ж ты тогда тьякаешь? — спросил старик. — Пошли! Вот напрямик сюда.

Человек и Ровер прошли по длинной серой тропе: над ней нависали кусты, а по краям лежали слабо светящиеся камни. Тропа вела всё вперёд и вперёд, и кусты сменились соснами, и в воздухе запахло ночной хвоей. Потом тропа ушла вверх, и спустя некоторое время Человек и пёсик поднялись на перевал в кольце холмов.

Роверандом заглянул в соседнюю долину; и тут же соловьи замолкли, как если бы кто-то завернул кран, а голоса детей зазвучали чище и звонче, сливаясь в единое многозвучье прекрасной песни.

Старик и собака поскакали наперегонки вниз по холму.

Ух, как Человек-с-Луны прыгал с камня на камень!

— Ну же, давай! — звал он. — Я, может быть, и старый козёл, бородатый, горный козёл или козёл в огороде — только ты меня не поймаешь!

И правда, Роверандому пришлось лететь, чтобы угнаться за ним.

И вдруг они очутились у отвесного обрыва, не очень высокого, но тёмного и гладкого, как чёрный гагат. Внизу Роверандом разглядел сумеречный сад; и пока он смотрел, сумерки сменились мягким светом вечернего солнца, хотя было неясно, откуда появился свет, озарявший только сад и ничего вокруг. На протяжённых лужайках сада били серые фонтаны, и повсюду сонно приплясывали или бродили в полудрёме дети, разговаривая сами с собой. Кое-кто вострепнулся, словно пробуждаясь от крепкого сна, некоторые уже проснулись и бегали со смехом по саду; копали землю, рвали цветы, строили шалаши и домики, гонялись за бабочками, играли в мяч, лазили по деревьям, и все при этом пели.

— Откуда они все взялись? — удивился восхищённый Роверандом.

— Из дому, из своих кроваток, конечно же, — отвечал Человек.

— А как они здесь оказались?

— Ну, этого я тебе не скажу, а сам ты и подавно не додумаешься. Тебе, да и всем другим, очень повезло, что вы сюда хоть

как-то угодили; но дети-то сюда прибыли не твоим способом. Иные приходят часто, иные редко, а сны для них в основном делаю я. Они, бывает, и сами приносят с собой немного, вроде как завтрак в школу, а некоторые сны (как ни жаль) делают пауки — в другой долине, и только не у меня на глазах. А теперь — айда веселиться!

Обрыв из чёрного гагата отвесно уходил вниз. Даже паук не смог бы забраться по гладкому склону. Впрочем, ни один паук никогда и не пробовал; потому что вниз-то он бы съехал, но наверх уж нипочём бы не забрался, как, впрочем, и кто угодно другой. А в саду таились незримые стражи, не говоря уже о Человеке-с-Луны, без которого праздник был не праздник: он же сам их устраивал.

Вот сейчас он и ворвался в самую серёдку праздника. Просто сел да и съехал, как на санках, вжииииххх! — прямо в толпу детей, а Роверандом скатился следом ему на голову, совершенно забыв, что умеет летать. Или, скорее, умел летать: очутившись внизу, он обнаружил, что крылья его исчезли.

— А что делает собачка? — спросил у Человека маленький мальчик. Роверандом вертелся, словно волчок, пытаясь заглянуть себе за спину.

— Ищет крылья, мой малыш. Он думает, он их потерял, пока ехал с горки, но на самом деле они у меня в кармане. Тут нельзя носить крылья, ведь отсюда без разрешения не уходят, так?

— Так, дедушка Долгобород! — хором закричало десятка два детей, а один мальчуган ухватился за старикову бороду и вскарабкался ему на плечо. Роверандом подумал, что вот тут-то Человек и превратит мальчишку в бабочку или там в кусок ластика.

Но Человек только засмеялся:

— Да ты, мой мальчик, просто верхолаз! — сказал он. — Дам-ка я тебе урок-другой!

И подкинул мальчика высоко в воздух. Но тот не упал — нет, нисколечки. Он повис в воздухе, а Человек-с-Луны кинул ему добытую из кармана серебристую верёвку.

— А ну-ка, спустись по ней! — велел он, и мальчик соскользнул по верёвке прямо на руки к старику, который тут же его защекотал.

— Смотри, не смейся так громко, а то проснешься, — сказал Человек, опуская его на траву, и отправился в толпу.

Роверандому пришлось самому искать себе развлечение, и только он нацелился на красивый жёлтенький мячик («Ну просто как мой, что остался дома», — подумал он), как услышал знакомый голос.

— Вот она, моя собачка! — прозвучал голос. — Вот он, мой пёсик! Я всегда думал, что он живой! Смотри-ка, я каждый день его звал, и свистел, и искал по всему пляжу, а он вот где!

Как только Роверандом услышал это, он сел на задние лапки и принялся служить.

— Точно мой пёсик! — закричал Второй мальчик (ну конечно же!); подбежал к Роверандому и начал его гладить. — Где ты пропадал?

Но сперва Роверандом смог только спросить:

— Ты понимаешь, что я говорю?

— Конечно! — ответил мальчик. — А вот когда мама тебя только принесла, ты меня совсем не слушал, а я так усердно с тобой разлаивал! Да ты, по-моему, и отвечать не пытался; всё думал о чём-то своём.

Роверандом попросил прощения и рассказал Второму мальчику, как выпал у него из кармана, и про Песчанеса, и про Мью, и какие с ним случались за это время приключения. Так мальчик и его братья узнали про странного обитателя песка и ещё много всяких полезных вещей, о которых иначе и ведать бы не ведали. Мальчику очень понравилось имя «Роверандом».

— Я тебя тоже буду так звать, — сказал он. — И не забывай, что ты всё равно мой пёсик!

А потом они играли с мячиком, а потом в прятки, а потом гуляли, и бегали, и охотились на зайчиков (охота, конечно, оказалась безрезультатной, хотя и очень увлекательной: зайчики-то были сделаны в основном из теней), и вволю плескались в прудах, и вообще веселились целую вечность, и нравились друг другу всё больше и больше. Мальчик кувыркался по росистой траве (дело, судя по солнцу, шло к вечеру, но никто здесь не обращал особого внимания ни на то, что трава мокрая, ни на то, что пора спать), а пёсик кувыркался и катался вместе с ним, и даже на голове стоял, чего ни одна собака со времён того самого пса, который жил у старушки, не делала; и маленький мальчик смеялся, а потом вдруг взял да и исчез, оставив Роверандома одного на поляне!

— Он просто-напросто проснулся, — сказал внезапно появившийся Человек-с-Луны. — Домой отправился, и как раз во-время. Ого, ему всего-то осталось четверть часа до завтрака. Проспал он сегодня прогулку по пляжу. Ну, ладненько. Боюсь, что и нам пора назад отправляться.

Очень неохотно Роверандом возвратился вместе со стариком на светлую сторону. Они пошли пешком и шли долго, но Роверандому эта дорога понравилась куда меньше, чем должна бы, хоть они и видели по пути много всяких диковин и попадали в различные приключения — конечно, вполне безопасные, ведь Человек-с-Луны был рядом. Оно и к лучшему, потому что в болотах обитало много ползучих и мерзких созданий, которые иначе быстренько бы сцапали пёсика. Тёмная сторона была настолько же мокрой, как светлая сторона — сухой, и кишела всевозможными растениями и животными, о которых я бы вам рассказал, если бы Роверандом обращал на них хоть какое-то внимание. Но он не обращал; он всё время вспоминал сад и маленького мальчика.

Наконец они пришли на серую кромку и там, за пепельными долинами, где обитало немало драконов, сквозь ущелье в горах, увидели великую белую равнину и сияющие утёсы. Над уступами Лунных Гор восходил огромный бледно-зелёный и золотой диск Земли, и Роверандом подумал: «Вот там мой мальчик живёт». Казалось, это так ужасно далеко!

— А сны сбываются? — спросил он.

— Мои временами сбываются, — ответил старик. — Не все, правда, и очень редко — сразу, и почти всегда не совсем так, как было во сне. А зачем тебе знать про сны?

— Просто любопытно, — сказал Роверандом.

— А, ты про того мальчика, — кивнул Человек. — Я так и ду-мал, — тут он извлёк из кармана телескоп и раздвинул его до громадной длины. — Ну, взгляни, по-моему, хуже не будет.

Роверандом заглянул в телескоп — когда наконец ухитрился зажмурить один глаз и оставить другой открытым. Он ясно увидел мир. Сначала он рассмотрел дальний конец лунной тропы, бежавшей по морю; и показалось ему, что он видит тонкие и прозрачные очертания маленьких человечков, плывущих по ней, но уверен он не был. Лунный свет скоро пошёл. Начало светать; появилась бухта песочного мага (но Песчанеса видно не было: Песчанес не позволял за собой подглядывать); и вскоре в круглую картинку вошли, держась за руки, два мальчика и пошли вдоль берега. «Ракушки ищут или меня?» — подумал пёс.

Почти сразу картинка сменилась, и он увидел белый дом на обрыве, принадлежавший отцу мальчиков, с садом, сбегаящим к морю, а у калитки — вот неприятный сюрприз! — сидел на камне старый волшебник и дымил трубкой, как будто ему было больше нечего делать, кроме как торчать на одном месте. На затылке волшебника красовалась старая зелёная шляпа, а жилетка его была расстёгнута.

— А что там, у ворот, делает старый Арта-как-его-там? — спросил Роверандом. — Я уж думал, что он про меня забыл давно. Разве у него всё ещё отпуск?

— Нет, мой собачонок, он тебя ждёт. Он не забыл. Если ты там сейчас появишься, игрушечным или настоящим, он тут же тебя заколдует как-нибудь по-новому. Не то чтобы ему было так уж жалко штанов — он их уже залатал — но он очень сер-

дит на Пещанца за то, что тот вмешался, а Пещанец не всё ещё приготовил для того, чтобы разобраться с Артаксерксом.

В этот момент Роверандом увидел, как с Артаксеркса ветром сорвало шляпу и волшебник припустил за ней следом. На брюках у него виднелась роскошная заплата — оранжевая в чёрный горошек.

— Я уж думал, что волшебник-то мог и получше штаны себе зашить! — хмыкнул Роверандом.

— С его точки зрения он отлично справился! — возразил старик. — Он у кого-то сколдовал занавеску с окна, хозяева получили пожарную страховку, а он — цветной лоскут, и все остались довольны. Но ты прав, как я погляжу; он начал сдавать. Печально, когда человек после стольких веков сходит с магии, но для тебя, может, и к лучшему.

Тут Человек-с-Луны с треском сложил телескоп, и они пошли дальше.

— Ну, вот тебе назад твои крылья, — сказал Человек, когда они добрались до башни. — Теперь иди летай в своё удовольствие. Не трогай только лунных бликов, не дави моих белых кроликов и возвращайся, когда засосёт под ложечкой или где-ни-будь ещё заноеет.

Роверандом тут же улетел на поиски лунопса, чтобы всё ему рассказать про обратную сторону, но тому было завидно, что гостю позволили посмотреть на то, что ему не показывали, и он притворился, что ему неинтересно.

— Да уж, неприятное местечко, — проворчал он. — Не больно-то мне туда и охота. А тебе, наверное, будет теперь

скучно на светлой стороне, с одним мной вместо всех твоих двуногих приятелей. Жалко, что персидский волшебник такая зануда и не даёт тебе вернуться домой.

Роверандом обиделся; он снова и снова убеждал лунопса, что ужасно рад вернуться в башню и светлая сторона ему никогда не наскучит. Вскоре они вновь крепко сдружились и принялись развлекаться в своё удовольствие; но всё же то, что сказал расстроенный лунопёс, оказалось правдой. Роверандом был в этом совсем не виноват и очень старался виду не подавать, но почему-то путешествия и приключения перестали его радовать, и всё время вспоминались ему игры в саду со Вторым мальчиком.

Они побывали в долине белых лунных гномов (сокращённо лунномов), которые ездят верхом на кроликах, пекут блины из снежинок и выращивают в аккуратных садиках золотые яблоньки не больше лютиков. Они рассыпали битое стекло и кнопки на порогах логовищ нескольких мелких драконов (пока те спали) и ждали до глубокой ночи, пока дракон выползет и взревёт от ярости: как я уже говорил, живот у драконов частенько очень чувствителен, а каждую полночь, а иногда и почаще, они вылезают из логова попить водички. Порою псы отваживались даже на паукодразнение: перекусывали паутину, выпускали на свободу лунные блики и тут же улетали, едва уворачиваясь от летящих с вершины холма паучьих арканов. Но всё это время Роверандом с нетерпением ждал Почтальона Мью с газетой «Всемирные Новости» (в основном, как даже пёсику ясно, убийства и футбол, но иногда в уголке попадаетеся и кое-что интересное).

Следующий визит Мью он пропустил, так как забрёл куда-то далеко, но, вернувшись, обнаружил, что Человек всё ещё читает письма и новости (и выглядел старик предовольным, сидя на стене и болтая ногами; он дымил, словно паровоз, огромной белой трубкой и улыбался во всю свою круглую физиономию).

Роверандом ощутил, что больше ему не выдержать.

— У меня в нутре ноет, — пожаловался он. — Я хочу обратно к мальчику, чтобы его сон сбылся.

Старик отложил письмо (оно было про Артаксеркса и забавное) и вынул изо рта трубку.

— Ты точно решил? Может, останешься? Так неожиданно! Приятно было познакомиться! Забегай как-нибудь ещё! Пррррсто сча-а-астлив буду тебя увидеть! — выдал он на одном дыхании.

— Замечательно! — продолжил он более спокойно. — С Ар-таксерксом всё устроено.

— А как именно? — возбуждённо спросил Роверандом.

— Он женился на русалке и переехал жить на дно Глубокого Синего Моря.

— Ну, надеюсь, она ему хоть штаны зашьёт! Заплата из водорослей очень бы ему пошла под цвет шляпы.

— Любезный мой пёс! Да на свадьбе он был в новёхоньком костюме цвета ряски, с пуговицами розового коралла и эполетамми из актиний; а старую его шляпу сожгли на песчаном берегу! Всё устроил Пещанец. О! Пещанец полон глубоких мыслей, глубже, чем Глубокое Синее Море, и я думаю, что он таким образом много чего уладил по своему хотению, не только твой случай, пёсик мой.

Любопытно, что из этого выйдет! Артаксеркс, мне кажется, сейчас в двадцатый или двадцать первый раз впадает в детство; и постоянно занудствует по мелочам. Упрямец редкостный. Был когда-то неплохим волшебником, но становится всё вреднее и вреднее, просто беда. Когда он явился и вырыл Пещанца деревянной лопаткой посреди бела дня, а потом вытащил его из норы за уши, пещанолог решил, что Артаксеркс зарывается, и я не удивляюсь. «Столько беспокойства, в самое лучшее время для сна, и всё из-за несчастного собачонка!» — вот что он мне пишет, и краснеть тебе нечего.

Вот он и пригласил Артаксеркса на русалочьи пляски, когда оба чуток поостыли — так всё и случилось. Русалки позвали Артаксеркса поплавать при луне, и он теперь не вернётся ни в Персию, ни даже в Першор. Он влюбился в немолодую, но очаровательную дочь богатого морского короля и на следующую ночь женился на ней.

Оно и к лучшему. Давненько в Океане не было постоянно проживающего Волшебника. Всякие там Протеи, Посейдоны, Тритоны, Нептуны — они давно уже превратились в угрей да устриц, да и раньше-то не занимались и не интересовались ничем, кроме Средиземного моря: очень уж любили сардины. Да и старик Ньёрд давно вышел на пенсию. Он, конечно, тоже не мог уделять делам достаточно времени после своей дурацкой женитьбы на великанше: помнишь, она его полюбила за чистые ноги (очень способствует порядку в доме), а потом разлюбила, хоть и с опозданием, потому что ноги-то у него были мокрые. Он уже на ладан дышит, как я слыхал, и совсем, бедолага, выжил из ума на старости лет. От мазута с ним приключился ужас-

ный кашель, и он переселился на побережье Исландии и греется там на солнышке.

Был, конечно же, ещё и Морской Шейх, мой двоюродный брат, не могу сказать, что любимый. Он был тяжкой обузой: не желал сам ходить, всё требовал, чтобы его возили на себе, как ты, наверное, слышал. Это его и доконало. Пару лет назад старик оседлал плавучую мину (если ты в курсе, о чём я); прямо на кнопку сел. Тут даже моя магия не помогла. Хуже Шалтая-Болтая.

— А Британия-то что? — спросил Роверандом, который в конце концов был английской собакой; он, правда, уже устал от этих разъяснений и хотел узнать побольше про своего волшебника. — Я думал, Британия правит волнами.

— Нет, она даже ног никогда не замочит. Гладит себе львов на пляже или на пенсе сидит с вилкой для угрей. Так или иначе, в море нужно править не только волнами, но и много чем ещё. Ну, теперь у них есть Артаксеркс, и я надеюсь, что он им пригодится. Первые несколько лет он, наверное, станет сливы на полипах выращивать — если ему, конечно, позволят; и это будет легче, чем следить за порядком среди морского народа.

М-да... Да. Ага. О чём это я? А, конечно: теперь ты можешь отправиться назад, если хочешь. На самом деле, мягко выражаясь, тебе пора обратно и как можно скорее. Сначала посети старого Пещанца — да смотри, не бери с меня дурного примера и произноси «сч» как следует!

На следующий день вновь появился Мью с дополнительной почтой — огромным количеством писем Человеку-с-Луны и пачками газет и журналов: «Иллюстрированные еженедельные водо-

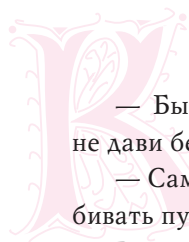
росли», «Вечерний Планктон», «Нью-Морж Таймс», «Русалки-Инфо» и «Тюленинские Брызги». На каждой обложке красовались совершенно одинаковые (полученные в эксклюзивном порядке) фотографии с Артаксерксовой свадьбы на пляже при свете полной луны, с ухмыляющимся господином Песчанесом Песчанидом, известным меценатом и спонсором (так его именовали исключительно в знак уважения) на заднем плане. Фотографии были, правда, красивее наших — потому как цветные, и русалка действительно выглядела очаровательной (хвост её скрывался в пене).

Пришло время прощаться. Человек-с-Луны провожал Роверан-дома сияющей улыбкой, а лунопёс притворялся безразличным. У самого Роверандома печально опустился хвост, но он только сказал:



Дж. Р. Р. Толкин

Белый Дракон преследует Роверандома и лунопса



— Бывай, щенок! Не пропадай, не трогай лунных бликов, не дави белых кроликов и не набивай себе пузо за ужином!

— Сам ты щенок! — ответил лунный Ровер. — Перестань набивать пузо штанами волшебников!

Вот и всё; но я уверен, что он потом постоянно кланчил у Че-ловека-с-Луны, чтобы тот позволил ему уйти в отпуск на Землю повидаться с Роверандомом, и старик его вот уже несколько раз с тех пор отпускал.

А потом Роверандом отправился назад на спине Мью, Человек ушёл обратно в свой погреб, а лунопёс сидел на крыше и смотрел вслед улетающим, пока они не скрылись из вида.

4

КОГДА ОНИ ПОДЛЕТЕЛИ к краю света, с Полярной звезды подул холодный ветер и водопад окатил их ледяными брызгами пены. На обратном пути Мью летелось труднее, ведь магия старого Песчанеса теперь не спешила им на помощь, и они были рады отдохнуть на Псовом Острове. Но поскольку заколдованный Роверандом по-прежнему оставался размером с игрушку, ему там не очень понравилось. Остальные собаки были слишком большие, громкие и спесивые; а кости на костевых деревьях оказались слишком крупными и костлявыми.

Когда впереди показались чёрные скалы, где жил Мью, начался рассвет послеполезавтрашнего дня. Спины им согрело тёплое солнышко, и вершины песчаных дюн уже совсем просохли и посветлели к тому времени, когда Мью и Роверандом приземлились в бухте Песчанеса.

Мью издал негромкий крик и клюнул какую-то палочку, ва-лявшуюся на земле. Палочка тотчас же встала торчком и okaza-лась левым ухом Песчанеса, а за ней появилось и второе ухо, а затем и вся уродливая голова волшебника вместе с шеей.

— Чего вам от меня надо в такой час? — зарычал Песчанес. — У меня как раз лучшее время для сна!

— Мы вернулись! — заявила чайка.

— А ты, я вижу, дал-таки себя на закорках притащить, — хмыкнул Песчанес, поворачиваясь к пёсику. — Я думал, после охоты на драконов ты и сам сюда долетел бы как раз плюнуть.

— Но позвольте, сударь, — начал оправдываться Роверандом, — я не взял с собой крыльев, они же всё-таки не мои. И я очень хотел бы снова стать обычной собакой.

— Ну и славно. Надеюсь, впрочем, тебе понравилось быть Роверандомом. Просто не могло не понравиться. А теперь ты можешь снова стать Ровером, раз уж тебе так хочется, и отправиться домой играть с жёлтым мячиком, и спать на креслах, когда повезёт, и сидеть у людей на коленях, и вообще быть приличной маленькой псинкой.

— А как же маленький мальчик? — спросил Ровер.

— Да ты же, по-моему, удрал от него аж на Луну, дурашка! — вскричал Песчанес в притворном возмущении и заговорщицки сверкнул на Ровера глазом. — Я сказал «домой», значит, домой. И нечего шипеть и спорить!

Бедняга Ровер шипел только оттого, что пытался вставить вежливое «господин ПеСЧанес». Наконец, ему это удалось.

— Пос-с-сч-чадите, господин Пес-с-сч-чанес, — взмолился он. — Прошу прос-с-сч-чения, но я с ним опять повстречался; и я не буду больше убегать; ведь я же его пёсик, правда? Мне нужно обратно к нему!

— Чепуха и дребедень! Конечно же, нет! Твоя хозяйка — старушка, она первая тебя купила, и ты должен к ней вернуться. Краденое покупать нельзя, равно как и наколдованное, и ты бы это знал, собачонок, если бы учил Закон. Мама Второго мальчика потеряла на тебе шестипенсовик, и вся недолга. Да и чего стоит встреча во сне? — закончил Песчанес и снова подмигнул.

— А я думал, сны Человека-с-Луны иногда сбываются... — печально вздохнул маленький Ровер.

— Правда? Ну, это забота Человека-с-Луны. А моё дело — увеличить тебя до прежнего размера и отправить тебя на место. Артаксеркс нашёл себя в иных сферах деятельности, так что о нём можно не беспокоиться. Поди сюда!

Он взял Ровера, помахал толстой рукой над головой щенка, и — фокус-покус! — ровно ничего не произошло. Ещё одна попытка — и снова никаких изменений.

Тут вылез Песчанес из песка, и Ровер впервые увидел, что ноги у волшебника, как у кролика. Он затопал ногами и запрыгал на одном месте; он пинал песок, топтал ракушки, сопел, как рассерженный мопс, но так ничего и не случилось!

— Ну, илистый колдунишка, уел, бородавок тебе и прыщиков! — выругался он. — Обскакал меня персидский сливужор, утопить его в банке с вареньем! — завопил он и вопил, пока не утомился и не сел на песок.

— Ну и ну! — покачал Песчанес головой, отдышавшись. — Век живи, век учись. Ну, этот Артаксеркс! Кто бы мог подумать, что он не забудет про тебя в разгар свадьбы и наложит сильнейшее своё заклятье на собаку прямо перед медовым месяцем! Это притом, что и первое-то его заклинание было чересчур мощным для глупенького щенка! Ух, как он меня бесит! Ну, ладно, — продолжал Песчанес, — по крайней мере не имеет смысла гадать, что надо сделать. Остался единственный выход. Ты должен найти его и вымолить прощение. Но... ух, я этого ему не прощу. Я ему ещё припомню, когда море станет вдвое солонее и вполовину суше! Ступайте-ка вы оба прогуляться и возвращайтесь через полчаса, когда я остыну.

Мью и Ровер двинулись вдоль берега, а потом вверх по откосу; Мью медленно летел, а Ровер печально тащился следом. Они остановились перед домом отца мальчиков, и Ровер даже вошёл в калитку, сел в клумбу под окном и залаял. Он лаял и лаял, не теряя надежды, хоть и было очень рано. В окно никто не выглянул — значит, мальчики ещё спали или их не было дома. По крайней мере Ровер так решил. Он забыл, что на Земле всё иначе, чем в саду по ту сторону Луны, и его размеры, как и голос, всё ещё под чарами Артаксеркса.

Некоторое время спустя Мью забрал расстроенного Ровера назад, в бухту. Там его ждал совершенно неожиданный сюрприз. Песчанес беседовал с китом! Очень большим китом; Уином, старейшим из Правильных Китов. Он лежал головой в глубокой заводи недалеко от берега и показался малышу Роверу целой горой.

— Извини, не мог достать ничего поменьше вот так сразу, — сказал Песчанес. — Но он очень удобный.

— Заходи внутрь, — прогудел кит.
— До свидания! Заходи внутрь, — поддержала его чайка.
— Заходи внутрь, — велел Песчанес, — да поживее. И смотри, не кусайся там, внутри, и не царапайся, а то он ещё поперхнётся и закашляется — а это тебе уютным не покажется!

Это было едва ли не хуже того раза, когда Ровера приглашали прыгнуть в дыру в подвале Человека-с-Луны, и Ровер попятился, так что Мью и Песчанесу ничего не оставалось, кроме как втолкнуть его внутрь. Так они без лишних уговоров и сделали; и китовые челюсти с треском сомкнулись за щенком.

Внутри было очень темно и пахло рыбой. Ровер сидел и дрожал, не смея даже почесать ухо, и слышал — или думал, что слышит, — плеск и удары китового хвоста по волнам, и чувствовал — или думал, что чувствует, — как кит погружается всё дальше и глубже в воды Глубокого Синего Моря.

Но когда кит остановился и открыл пасть (к большому своему облегчению: киты предпочитают плавать с открытой пастью, процеживая сквозь неё воду; так туда попадает много отличной еды, но Уин был животным учтивым), Ровер выглянул наружу, в глубину; неизмеримую, но совершенно не синюю. Вокруг разливался бледно-зелёный свет; Ровер выбрался из пасти кита и обнаружил под лапами белую песчаную тропинку, уводящую в сумрачный фантастический лес.

— Прямо по тропинке! Здесь недалеко! — сказал Уин.

Ровер побежал прямо, хотя тропинка-то была извилистой, и скоро увидел перед собой ворота большого дворца, построенного, казалось, из белого и розового просвечивающего насквозь камня; а многочисленные окна сияли синим и зелёным. Вокруг

повсюду росли огромные морские деревья, возвышаясь над вздымающимися в темноте вод блестящими дворцовыми куполами. Каучуковые стволы деревьев склонялись и раскачивались, словно травинки, а в тени их бесконечных ветвей стайками сновали и золотые рыбки, и серебряные, и алые, и синие, и даже флуоресцирующие рыбки, похожие на птичек. Но рыбы не пели. Пели русалки во дворце, да ещё как! Все морские феи пели хором, и из окон лилась музыка сотен русалочьих дудочек, рожков и морских раковин.

Из темноты под деревьями на пёсика скалились морские гоблины, и Ровер припустил со всех ног — но передвигаться глубоко под водой было тяжело; шаги получались медленные. А почему он не утонул? Не знаю, хотя предполагаю, что Песчанес Песчанид об этом позаботился (он знает про море куда больше, чем думают некоторые, хотя в воду по доброй воле — ни ногой!), пока Ровер и Мью ходили прогуляться, а он сидел, остывал и придумывал новый план.

В общем, хоть Ровер не утонул, он всю дорогу до двери очень хотел оказаться где-нибудь ещё, хоть бы даже в сыром нутре кита: до того странные и причудливые морды и тени плялились на него из лиловых кустов и губчатых зарослей, росших вдоль тропинки, что было пёсику очень не по себе. Наконец он добрался до громаднейшей золотой арки входа, обрамлённой кораллами, и перламутровой двери, усаженной акульными зубами. Стучать в эту дверь надо было при помощи огромного кольца, отделанного белыми морскими уточками, из клювов которых свисали красные язычки, но Ровер, конечно же, не мог до него дотянуться, — да и если бы дотянулся, всё равно не сдвинул бы с места.

Вот он и залаял, да так громко, что сам изумился! После третьего «гав!» музыка стихла и дверь отворилась.

И кто, вы думаете, отворил её? Артаксеркс собственной пер-соной, в бархатных одеждах сливового цвета и в зелёных шёлковых шароварах, а изо рта его по-прежнему торчала большая трубка, только выдувал он оттуда не дым, а красивые радужные пузыри; шляпы же на нём не было.

— Привет! — сказал он. — Да ты тут как тут! Я так и знал, что тебе скоро надоест старый Пес-с-сч-чанес (о, с каким пре-увеличенным старанием он произнёс это «сч»!). Он далеко не на всё способен. Ну, и зачем ты сюда явился? Мы тут веселимся, а ты мешаешь нам слушать музыку.

— Пожалуйста, господин Аркатсерк, то есть господин Ер-так-сарк... — сбивчиво начал Ровер, стараясь говорить очень вежливо.

— А, брось, мне всё равно, хоть горшком назови! — раздра-жённо перебил его волшебник. — Объясняй давай, да покороче — нету у меня времени слушать всякие там небылицы, — он стал вести себя очень важно и напыщенно (с незнакомыми) с тех пор, как женился на дочке богатого морского короля и был назначен на пост Волшебника Атлантическо-Ледовито-Тихоокеанского (за глаза его сокращённо звали ВАЛЕТ). — Если у тебя что-то срочное, заходи и обожди в коридоре, может, у меня будет минутка после танцев.

Он закрыл дверь за Ровером и ушёл. Пёсик оказался в огромном пустом пространстве под тускло освещённым куполом. Вокруг него высились островерхие тёмные арки, занавешенные

водорослями, — только в одной горел свет и звучала музыка без конца, без отдыха и без единого повтора.

Скоро Ровер очень устал ждать, подошёл к светящейся двери и заглянул за занавеску. Он увидел просторную, тёплую и сверкающую бальную залу с семью куполами и десятью тысячами коралловых колонн, освещённую чистейшей воды магией. Там плясали и пели, извиваясь и сплетаясь вместе, златокудрые русалки и черновласые сирены — и плясали они не на хвостах, а плавали в прозрачной воде вверх-вниз, а также туда-сюда, и выглядело это чудесно.

Никто не заметил высывавшегося из-за водорослей собачьего носика, и, налюбовавшись, Ровер прокрался внутрь. Пол был выстлан серебристым песком и розовыми раковинами-бачками — их открытые створки мягко колыхались в кружащихся водоворотах. Пёсик осторожно обошёл раковины стороной, держась ближе к стенке, и вдруг над ним раздался голос:

— Ах, какая миленькая собачка! Сразу видно — земная собачка, не морская! Ах, она такая крохотная — как же она сюда попала?

Ровер поднял глаза и увидел красивую русалку с большим чёрным гребнем в золотых волосах, сидевшую в нише окна не очень высоко над ним; её хвост (ах, какая жалость!) свисал вниз, и она штопала один из Артаксерксовых зелёных носков. Это, конечно, была свежее испечённая госпожа Артаксеркс (она же Принцесса Валет, очень популярная особа, чего никак нельзя было сказать о её супруге). Артаксеркс сидел неподалёку от неё и слушал, видимо, какие-то её небылицы, неважно, было у него на то время или нет. По крайней мере до появления Ровера.

Но как только жена волшебника увидела пёсика, так сразу закончила свою небылицу, а также свою штопку, нырнула, подхватила его на руки и вернулась с ним на прежнее место. Сиденьем ей служила скамеечка в нише окна, ведущего в соседнюю комнату: в подводных домах нет ни лестниц, ни (по той же причине) зонтиков, и окна не особенно отличаются от дверей.

Русалка снова удобно уместила свои прекрасные (и весьма объёмистые) формы на скамейке и посадила Ровера себе на колени. Тотчас же из-под сиденья послышалось ужасное рычание.

— Ровер, лежать! Сиди смирно, вот хорошая собака! — сказала госпожа Артаксеркс. Она, однако, обращалась не к нашему Роверу, а к белому морпёсику, который, вопреки её приказу, выплыл из-под скамеечки с рычанием и ворчанием, колотя по воде перепончатыми лапками, размахивая длинным плоским хвостом и пуская пузыри острым носом.

— Что это за гадкая штучка? — спросил этот новоприбывший пёс. — Вы только гляньте на этот жалкий хвост! Гляньте на эти лапы! А шкура-то какая дурацкая!

— На себя хоть раз посмотри, — отвечал Ровер с колен русалки, — небось, второй раз не захочется! Кто тебя Ровером-то назвал, этакую помесь утки с головоастиком? А ещё собакой притворяешься!

Тут вы, конечно, поняли, что эти двое друг другу сразу понравились.

Они и вправду подружились — не так крепко, как Ровер и лунопёс, но это потому, что Ровер пробыл на дне морском гораздо меньше, чем на Луне, и вообще, на Луне щенкам живётся куда веселее, чем в морских глубинах. В море много мест тёмных и страшных, где никогда не было и не будет света, потому что,

пока светит солнце, они вечно пребудут сокрыты. Ужасные твари обитают там; невообразимо древние, неизмеримо огромные, неуязвимые для заклинаний. Артаксеркс в этом уже убедился. Работа ВАЛЕТа — не самая лёгкая работа на свете.

— Ну, а теперь идите поплавайте в своё удовольствие! — ска-зала жена волшебника, когда собаки перестали спорить и начали просто обнюхивать друг друга. — Не троньте только жар-рыбок, не грызите морских анемонов, не угодите в ракушку и возвращайтесь домой к ужину!

— Я бы рад, — сказал Ровер, — но я не умею плавать.

— Батюшки мои! Вот не было печали! — воскликнула русалка. — Ну-ка, Валет! — она была пока единственной, кто звал его так в глаза. — Наконец-то и тебе нашлось кое-какое дело!

— Сейчас-сейчас, дорогая! — отозвался волшебник, полный стремления услужить ей и показать наконец, что он действительно умелый волшебник, а не просто бесполезный чиновник (на морском языке таких называют прилипалами). Он достал из жилетного кармана маленькую волшебную палочку (на самом деле это была его чернильная ручка, но она уже никуда не годилась: подводный народ пишет густыми, клейкими чернилами, которых в чернильную ручку не наберёшь) — и помахал ею над Ровером.

Артаксеркс, что бы о нём там ни говорили, был по-своему очень хорошим волшебником (иначе Роверу не пришлось бы пере-живать эти приключения): искусство его было хоть и не самой высокой пробы, но всё-таки требовало известной практики.

Как бы то ни было, после первого же взмаха хвост у Ровера начал превращаться в рыбий, на лапах появились перепонки, а шерсть всё больше напоминала прорезиненный плащ. Окончательно превратившись и привыкнув к новым ощущениям, он нашёл,

что плавать научиться куда проще, чем летать, почти так же приятно и устаёшь гораздо меньше — если, конечно, не плывёшь вниз.

Первым делом, проплыв несколько кругов по зале, Ровер цапнул морского пса за хвост. Шутя, конечно, но шутки шутками, а они чуть не подрались: морпёс был немного нервным. Ровер спасся, стремительно ускользнув, — и улепёгивать ему пришлось во всю прыть. Это, скажу я вам, была славная погоня! В окна, из окон, по тёмным коридорам, между колоннами, и туда, и сюда, и вокруг куполов, пока морпёс не выдохся вместе со своими нервами и они не сели рядышком на самом высоком куполе, рядом с флагштоком, на котором струилось знамя морского короля — ало-зелёный вымпел из водорослей, усыпанный жемчугом.

— Как тебя звать? — спросил морпёс, едва переведя дух. — А, Ровер? Это моё имя, ты его не можешь носить. Меня первого так называли!

— А ты почём знаешь?

— Я-то знаю! Ты, как я погляжу, всего лишь щенок и здесь пробыл едва пять минут. А меня заколдовали века и века назад — сотни лет. Я думаю, я первый из всех собак-Роверов.

Хозяин мой был настоящим Ровером — скитальцем, бродягой. Рыскал по морям. Он плавал на своём корабле по северным водам; корабль был длинный, с красным парусом и резным драконом на носу, и назывался корабль «Алым Драконом», и мой хозяин его очень любил. А я очень любил хозяина, хотя он меня, совсем ещё щенка, не замечал; я был мал для охоты, а в море собак не брали. Но однажды я попал в плавание без спроса. Хозяин прощался с женой, дул ветер, и люди спускали «Алого

Дракона» на воду по мосткам. Вокруг драконьей шеи вода вспенивалась белым, и я вдруг почувствовал, что если не пойду за хозяином, то никогда больше его не увижу. Тогда я пробрался на борт и спрятался за бочкой с водой, и меня нашли лишь тогда, когда мы вышли так далеко в море, что вершины гор едва виднелись над линией горизонта.

Вот тогда-то меня и называли Ровером, когда вытаскивали из-за бочки за хвост. «Взгляните на этого скитальца морей!» — сказал один, а другой, со странными глазами, добавил: «Рок на нём лежит, не судьба ему домой вернуться». И правда, я так и не вернулся домой и не вырос большим — но зато стал старше и, конечно, мудрее.

Во время того плаванья случилась морская битва, и я побегал на нос корабля, где свистели стрелы и меч звенел о щит. Но люди с «Чёрного Лебедя» взяли нас на abordаж и теснили людей моего хозяина, пока не вытеснили всех за борт. Хозяин остался последним. Он стоял рядом с головою дракона, а потом кинулся в море, как был, в кольчуге, а я прыгнул вслед за ним.

Он пошёл ко дну быстрее, чем я, и его подхватили русалки, но я велел им вынести его скорее на сушу, ибо много слёз пришлось бы, если бы мой хозяин не вернулся из моря. Они улыбнулись мне и подняли его, и унесли его прочь, и теперь некоторые говорят мне, что вернули его на берег, а другие просто качают головами. Русалкам доверять нельзя, они только собственные секреты хранят надёжно, ещё крепче, чем устрицы.

Я часто думаю, что они просто похоронили его в песке. Далеко отсюда лежит остов «Алого Дракона», которого пустили ко дну люди с «Чёрного Лебедя»; по крайней мере лежал в по-

следний раз, когда я там был. Вокруг него вырос целый лес водорослей, только голова дракона осталась чистой, на ней даже морские уточки почему-то не растут, а под этой головой насыпан курган из белого песка.

Я давно покинул те места и постепенно превратился в настоящего морского пса: в те времена морские бабки всюю занимались ведовством, и одна из них была добра ко мне. Это она подарила меня морскому королю, дедушке нынешнего, и с тех пор я живу во дворце. Вот и вся моя история. Случилась она сотни лет назад, и за это время я много чего повидал в открытом море и в закрытом тоже, но домой так и не вернулся. А теперь расскажи о себе. Ты, случайно, не из Северного моря приплыл сюда? Мы его раньше звали Английским морем. А может, ты старые Оркнеи знаешь?

Наш Ровер был вынужден признаться, что он до сих пор знал только о существовании такой штуки под названием «море», а больше ничего о нём не слышал.

— Зато я был на Луне, — похвастался он и поведал своему новому другу всё, что мог ему как следует растолковать о своей жизни там.

Морпсу рассказ Ровера ужасно понравился, и он ему поведал по меньшей мере наполовину.

— Отменная байка, — похвалил он, — давненько я ничего лучше не слышал. Я видел луну — я, знаешь, иногда всплываю на поверхность, — но никогда не думал, что там так интересно. Но послушай-ка! Этот небесный щенок совсем обнаглел! Три Ровера! Двоих и то много, а три — это уж совершенно невозможно. А что он старше меня, я не верю ни капельки — очень удивлюсь, если ему есть хоть сотня.

Он скорее всего был совершенно прав. Лунопёс, как вы уже заметили, частенько преувеличивал.

— И потом, — продолжал морпёс, — он сам себе взял имя, а моё мне дали.

— Моё мне тоже, — заявил наш пёсик.

— Без всякой на то причины и до того, как ты успел его заслужить. Нет, по-моему, Человек-с-Луны придумал правильно. Ровер-Рандом, Скиталец-без-Цели, Бродяга-Беспутный — так я тебя и стану звать. На твоём месте я бы это имя оставил себе: мне кажется, ты и вправду никогда не знаешь, куда тебя занесёт в следующий раз! А теперь поплыли вниз, на ужин!

В подводном дворце каждый день был рыбный день, но Ровер-рандом скоро привык к этому: если уж у тебя перепончатые лапы, совершенно естественно питаться рыбой. После ужина пёсик вдруг вспомнил, зачем он, собственно, спустился на самое дно морское, — и отправился искать Артаксеркса. И очень скоро нашёл его. Волшебник выдувал из трубки пузыри и превращал их в мячики на радость маленьким русалчатам.

— Пожалуйста, господин Артаксеркс, не могли бы вы выкроить минутку и превратить меня... — начал Роверандом.

— Кыш, кыш отсюда! — ответил волшебник. — Не видишь, что ли, у меня нет времени. Не сейчас — занят.

Так Артаксеркс часто говорил с теми, кого не считал особенно важными. Он отлично знал, чего хотел Ровер, но никуда не торопился.

Тогда Роверандом уплыл и отправился в кровать, точнее, угнездился в кусте водорослей, росшем на высокой скале в саду. Там-то, под скалой, и отдыхал старый кит, и если кто вам скажет, что киты не опускаются на дно и не спят там часами, так вы не об-

ращайте внимания: старый Уин был во всех отношениях особенный кит.

— Ну? — спросил он. — Как успехи? А ты всё ещё размером с игрушку, как я погляжу. Что там Артаксеркс? Не может ничего сделать или не хочет?

— По-моему, может, — сказал Роверандом, — посмотри хоть на мой новый облик. Но как я заговорю про размеры, он начинает твердить, что занят, а на долгие разъяснения у него нет времени.

— Пффф! — фыркнул кит и сшиб хвостом дерево — волна чуть Роверандома со скалы не смыла. — Я не думаю, что ВАЛЕТ в здешних краях преуспееет, ну да ладно. Рано или поздно тебя исправят, а пока что завтра у тебя будет много на что посмотреть. Спи. Спокойной ночи!

И он уплыл в темноту. Но вести, которые он принёс в бухту, всё равно очень разозлили старого Песчанеса.

Во дворце погасили свет. Ни луны, ни звёзд сквозь толщу воды было не разглядеть. Зелёная вода темнела и темнела, пока не почернела совсем; не осталось ни проблеска света, только иногда сквозь заросли медленно проплывала большая светящаяся рыба. Но Роверандом проспал эту ночь спокойно, и следующую тоже, и ещё много ночей. А на следующий день, и на последующий тоже он отправился искать волшебника, но нигде не мог его найти.

Однажды утром, когда он уже почти ощутил себя старым морским волком, то есть собакой, и задумался, а не останется ли он здесь навсегда, морпёс сказал ему:

— Да пошёл он, этот волшебник! В смысле, пошёл куда-то, и пускай себе! Давай-ка мы с тобой махнём на него плавником и уплывём далеко-далеко!

И они уплыли в дальнее и долгое плавание на несколько дней. За это время они проделали огромное расстояние: не забывайте, что они были заколдованными существами и мало кто из обычных обитателей океана мог сравниться с ними в скорости. Когда им надоели скалы и утёсы на дне и стремительные течения на средней глубине, они поплыли вверх, вверх, вверх, и так мило с лишним, и, когда они поднялись на поверхность, земли видно не было.

Вокруг них простиралось море, гладкое, серое и спокойное. Вдруг оно сморщилось и потемнело местами под лёгким холодным ветерком — рассветным ветром. Из-за края моря с радостным криком высунулось солнце, всё красное, как будто наполнилось горячего вина, подпрыгнуло в воздух и отправилось в своё ежедневное путешествие, золотя гребни волн и окрашивая тени между ними в зелёный цвет. По границе моря и неба плыл корабль, плыл прямо на солнце, и мачты его чернели на огненном фоне.

— Куда это он? — спросил Роверандом.

— О, ну там в Японию, или в Гонолулу, или в Манилу, а может, на остров Пасхи, или остров Четверга, или, скажем, во Владивосток, или ещё куда-нибудь, я так думаю, — объяснил морпёс, чьи познания в географии были несколько туманны, несмотря на все его хвалёные века скитаний. — Это, как я полагаю, Тихий океан, но я не знаю, какая его часть. Судя по ощущениям, похоже, что тёплая. Это, вообще, довольно крупный водоём. Поплыли, поищем чего-нибудь поесть!

Когда через несколько дней они вернулись обратно, Ровен-рандом тут же отправился искать волшебника; он полагал, что тот достаточно отдохнул.

— Пожалуйста, господин Артаксеркс, не могли бы вы выкроить минутку... — начал он, как всегда.

— Нет! Не мог бы! — отрубил Артаксеркс ещё резче, чем в прошлый раз. И на этот раз он действительно был занят. С утренней почтой прибыл целый ворох жалоб. Как вы можете себе представить, в океане часто случаются всякие неполадки, и даже самый лучший ВАЛЕТ на дне морском не может предотвратить их; а некоторыми он вообще по своей должности не обязан заниматься. Затонувшие корабли падают сверху на крыши домов, моретрясения (о да, у них там и вулканы есть, и прочие подобные неприятности, точно как у нас) уничтожают стадо чьих-нибудь призовых золотых рыбок, призовую актиниевую клумбу, уникальную жемчуженосную устрицу или знаменитый сад кораллов. Бывает, дикие рыбы подерутся посреди дороги и сшибут русалчонка-другого, или рассеянная акула заплывёт через окно в столовую и испортит обед, или таинственные, неназываемые глубинные чудовища из непроглядной бездны совершат что-нибудь жуткое и злое.

Со всем этим морской народ научился мириться, но никак не без жалоб. Они обожают жаловаться. Они, разумеется, писали письма в «Кработницу», «Вечерний Планктон» и «Нью-Морж Таймс»; но теперь у них появился ВАЛЕТ, и они стали писать ему, что это он во всём виноват, — даже если их собственный ручной омар ущипнул их за хвост. Они писали (порою даже не греша против истины), что магия его никуда не годится; что ему пора урезать зарплату (что было хоть и справедливо, но невеж-

ливо); что он работает спустя рукава (и правда, закатывать широченные рукава своих роскошных бархатных одеяний волшебник ленился); и много чего ещё писали они к пущему раздражению Артаксеркса каждое утро, а особенно по понедельникам. Да, по понедельникам волшебнику приходилось гораздо (на несколько сотен конвертов) хуже, а сегодня был именно понедельник — и Артаксеркс швырнул в Роверандома камнем, а тот пустился наутёк, как креветка из сети.

Ох, как он был рад, снова оказавшись в саду, что облик его остался прежним! Я вам скажу, что если бы он не сбежал так быстро, волшебник превратил бы его в голотурию или отправил бы куда-нибудь на другую сторону Нигде (где бы это ни было) или в Котёл (а это такая яма на дне самого глубокого моря). Роверандом был очень недоволен и пошёл ворчать на волшебника к морскому Роверу.

— Оставь его в покое до конца понедельника, — посоветовал ему морпёс. — И вообще по понедельникам я бы его не трогал. Давай ещё куда-нибудь сплавляем!

После этого Роверандом оставил волшебника в покое очень надолго, так, что они почти забыли друг о друге (но не совсем: собаки не скоро забывают брошенные в них камни). Но со стороны казалось, что Роверандом просто стал ещё одной дворцовой собакой. Он постоянно где-то плавал в компании морпса, а частенько и русалчат. Они были не такие весёлые, как настоящие двуногие дети (хотя Ровер, как обитатель суши, беспристрастно судить не мог), но с ними ему нравилось; и кто знает, может быть, он и остался бы у них навсегда и забыл бы про Второго мальчика, если бы не последующие события. Когда мы до

них дойдём, решайте сами, обошлось тут дело без Песчанеса или нет.

Русалочьих детей было много — выбирай на вкус. Во дворце у старого подводного короля жили несколько сотен дочерей и тысячи внуков, и все они, включая госпожу Артаксеркс, любили обоих Роверов. Жалко, что Роверандом не сообразил рассказать свою историю госпоже Артаксеркс: уж она-то знала, как обходиться с ВАЛЕТОМ в любом настроении. Но в таком случае Роверандом, конечно же, отправился бы домой гораздо раньше и многого бы не увидел. Это вместе с госпожой Артаксеркс и несколькими русалчатами он побывал в Великих Белых Пещерах, где собраны и сокрыты все самоцветы, потерянные в море, и те, которые никогда моря не покидали, и, конечно, бесчисленное количество жемчуга.

Ещё как-то раз они плавали в гости к морским фэери, жившим в стеклянных домиках на морском дне. Морские фэери редко плавают — они гуляют по гладкому дну и поют, или ездят в раковинах, запряжённых крошечными рыбками, или верхом на зелёных крабах, взнузданных тонкими нитками (упряжь, правда, не мешает крабам ходить боком, как они любят); а ещё они враждуют с морскими гоблинами, которые крупнее их, безобразные и грубые, и только и знают что драться, охотиться на рыб и скакать верхом на морских коньках. Гоблины могут долго жить без воды и в бурю vyplывают на берег порезвиться в прибое. Некоторые фэери тоже так могут, но они предпочитают тёплые тихие ночи или летние вечера на пустынных берегах (и их соответственно видят очень редко).

В один прекрасный день снова объявился старик Уин и для разнообразия прокатил двух собак на своей спине — точно на плавучей горе. Они уплыли на много-много дней и едва успели свернуть перед восточным краем мира. Там кит всплыл и выпустил такой высокий водяной фонтан, что брызги улетели прямо в пустоту, за край.

В другой раз он взял псов на другую сторону мира (так близ-ко к краю, что дальше он плыть не осмеливался), и это путешествие оказалось ещё дольше и интереснее; это было самое чудесное из путешествий Роверандома, как он понял после, когда стал старше и умней. Мне пришлось бы написать целую новую книжку, если бы я взялся рассказывать вам обо всех их приключениях в Неизведанных Водах, про неведомые географам земли, которые они видели по дороге через Тенистые Моря в великий Залив Волшебной страны (как мы её называем) за Волшебными Островами; как они разглядели вдалеке на самом далёком Западе Горы Дома эльфов и видели свет Фаэри на волнах моря. Роверандому показалось, что он краешком глаза успел разглядеть даже город эльфов на зелёном холме у подножия Гор — далёкий белый проблеск, — но Уин нырнул снова и так быстро, что пёсик не был в точности уверен. Если Ровер не ошибся, то он — один из очень немногих живущих в нашем мире созданий, двуногих или четвероногих, кто может заявить, что видел те, иные земли хотя бы издали.

— Если узнают, мне попадёт! — сказал Уин. — Никто из Внешних Земель никогда не должен сюда заплывать, да почти никто и не заплывает. Так что держите языки за зубами!

Да, так что я там говорил о собаках? Они никогда не забывают брошенных в запале камней. Воспоминание об этом камне угнездилося где-то в глубине Роверандомовой памяти, несмотря на все его странствия и чудесные места, которые он повидал. А как только он вернулся домой, воспоминание и всплыло.

Первой его мыслью было: «Ну, где этот старый колдун? И какой прок с того, что я с ним вежлив? Ну, я ему снова штаны попорчу, дайте мне до него только добраться».

В таком настроении, после тщетных поисков он наконец-то увидел, как Артаксеркс, выехав из дворца, пронесится мимо по одной из королевских дорог. Гордый волшебник считал, что в его возрасте неприлично отращивать плавники и хвост или учиться плавать как следует. Единственное, что Артаксеркс делал, как рыба, так это пил (даже под водой, вот ведь как его мучила жажда); он проводил много времени в своих личных апартаментах, наколдовывая себе большущие бочки крепкого сидра, вместо того, чтобы работать. А когда он куда-то торопился, то он туда ехал. Когда Роверандом заметил его, волшебник правил своей экспресс-бричкой — огромной спиральной раковиной, запряжённой семью акулами. Народ быстро расступался перед упряжкой: акулы могли и укусить.

— За ним! — крикнул Роверандом морпсу; и они помчались за ним и по дороге сбрасывали в экипаж камни — каждый раз, когда тот проезжал под скалой. Как я уже говорил, они плавали удивительно быстро. Собаки заплывали вперёд брички, прятались в кустах водорослей и скидывали с обрыва всё, что валялось вокруг. Волшебника это крайне раздражало, но псы поставались, чтоб он их не заметил.

Артаксеркс был в плохом настроении ещё когда выехал, а по дороге и вовсе разозлился, но к злости его примешивалось беспокойство. Он ехал оценивать ущерб, нанесённый необычным водоворотом, который появился неожиданно — и в такой части моря, что волшебнику всё это совсем не нравилось; он подозревал (и совершенно правильно), что в тех краях водились мерзкие создания, которых лучше бы оставить в покое. Я думаю, вы догадались, в чём было дело, а Артаксеркс так и точно догадался. Древний Морской Змей проснулся или по крайней мере подумал: а не проснуться ли?

Змей спал крепким сном долгие годы, но сейчас беспокойно заворочался. Длины в нём было (в развёрнутом состоянии) миль сто, а некоторые говорят, что он протянулся бы от Края до Края, но это уже преувеличение. А в свёрнутом состоянии он может поместиться только в одной пещере, кроме Котла (где он раньше жил, и многие очень хотят, чтобы он вернулся туда обратно), одной-единственной на все океаны, и, к несчастью, пещера эта находится меньше чем в ста милях от дворца подводного короля.

Когда Змей распустил во сне кольцо-другое, вода вспучилась и сотряслась, и это искорёжило много домов и испортило всем отдых на множество миль вокруг. Но посылать разбираться ВАЛЕТа было глупо: все знают, что Морской Змей слишком огромен, и силен, и стар, и бестолков, чтобы его можно было утихомирить (ещё его зовут первобытным, доисторическим, пелагическим, легендарным, мифическим, баснословным, дурацким и другими эпитетами); и всё это Артаксеркс прекрасно знал.

Даже сам Человек-с-Луны не смог приготовить достаточно большое, долговечное и сильное заклинание, чтобы справиться

со Змеем, хотя и трудился целых пятьдесят лет. Только один раз Человек-с-Луны попробовал это сделать (его специально попросили), и в результате минимум один материк утонул в море.

Бедный старый Артаксеркс подъехал прямо ко входу в Змееву пещеру. Не успел он выйти из экипажа, как увидел торчащий оттуда самый кончик Змеева хвоста; величиной с целый состав огромных цистерн, весь зелёный и склизкий. Этого ему хватило, и он тут же засобирался домой — пока Змей не развернулся; а это Змеи делают совершенно неожиданно и ни с того ни с сего.

Всё испортил маленький Роверандом!!! Он ничего не знал о Морском Змее и о том, какой он большущий, — он просто хотел напакостить вредному волшебнику. Пёсик дождался момента, когда Артаксеркс стоял, глупо таращась на видимый конец змея, а его упряжка ни на что особенного внимания не обращала, подкрался поближе и укусил одну акулу за хвост, просто для смеха. Для смеха! Какой уж тут смех! Акула рванулась вперёд, и бричка тоже, а Артаксеркс, который только повернулся, чтобы влезть в неё, упал на спину. Потом акула впилась зубами в первое, что подвернулось, — в хвост акулы, запряжённой впереди, а та акула куснула следующую, и так далее, до самой последней из семи, которая, не увидев перед собой ничего более подходящего, — батюшки мои!!! — цапнула, дура набитая, Змея за хвост!

Морской Змей совершил новый и неожиданный поворот. Не успели псы и глазом моргнуть, как их, напуганных до смерти, понесло, закрутило в бешеном водовороте, сталкивая с ошарашенными рыбами и вертящимися морскими деревьями в облаке вырванных с корнями водорослей, песка, ракушек, морских слизняков, литорин и всякой всячины. Змей продолжал разво-

рачиваться, и вокруг становилось всё страшнее и страшнее. Старый Артаксеркс тоже кружился и вертелся, цепляясь за акульки вожжи и ругаясь на них последними словами. На акул, я имею в виду. К счастью для нашего рассказа, он так и не узнал, что натворил Роверандом.

Не знаю уж, как собаки добрались домой. Так или иначе, случилось это очень нескоро. Сперва их выбросило на берег ужасным приливом, который устроил, ворочаясь, Морской Змей; потом их изловили рыбаки на другом конце моря и чуть не отправили прямёхонько в Аквариум (вот какой судьбы никому не пожелаю!); а потом они, едва унеся перепонки, добирались до дома своим ходом, а вокруг них царила сплошная кутерьма.

А приплыв наконец домой, они обнаружили, что ужасная кутерьма стояла и там. Весь подводный народ собрался вокруг дворца, скандируя в один голос:

— ВАЛЕТ, выходи! — (Да! Они называли его так прямо в лицо, и не думая использовать более длинный или почтенный титул). — ВЫХОДИ, ВАЛЕТ!! ВАЛЕТ, ВЫХОДИ!!!

ВАЛЕТ же спрятался в подпол. Но там его отыскала госпожа Артаксеркс и заставила выйти, и, когда он выглянул из чердачного окошка, все подводные жители закричали:

— Прекрати это безобразие! ПРЕКРАТИ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!! ПРЕКРАТИ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!!!

И такой тарарам они подняли, что жители морских побережий по всему свету подумали, будто море бушует громче обычного. Так оно и было! И всё это время Морской Змей ворочался, рассеянно пытаясь во сне засунуть в пасть кончик хвоста. Но, хвала не-

бесам, он ещё не совсем проснулся, а то как вылез бы, и замахал хвостом от злости, и точно утопил бы ещё один материк. А вот стоило бы считать это катастрофой или нет, зависит, конечно же, от того, какой это был бы материк и на каком живёте вы сами.

Но русалки и сирены живут не на материке, а в море, в самой глубине, так что они и переживали всё происходящее очень глубоко. Они требовали, чтобы морской король заставил ВАЛЕТА изготовить какие-нибудь заклинания, чары или микстуру, чтобы успокоить Морского Змея; вода сотрясалась так, что невозможно было поднять руки, чтобы поесть или высморкаться; все друг с другом сталкивались; с рыбами приключилась морская болезнь; вода так взбаламутилась, что все кашляли от песка; и танцы прекратились.

Артаксеркс застонал, но надо было что-то делать. Он отправился в мастерскую и заперся там на две недели, а за это время случилось три землетрясения, два подводных урагана и массовые беспорядки среди подводного народа. Потом волшебник вышел и запустил колоссальнейшее заклинание (сопроводив его успокаивающим заговором) на некотором расстоянии от пещеры. Все пошли домой, попрятались по погребам и стали ждать, что будет, — все, кроме госпожи Артаксеркс и её злополучного мужа. Волшебник был обязан остаться (на приличном, но всё же небезопасном расстоянии) и проследить за результатом заклинания, а госпожа Артаксеркс была обязана остаться и проследить за волшебником.

Заклинание привело только к тому, что Змею приснился претовратительный сон: снилось ему, что он весь оброс ракушками (очень неприятно и отчасти правда) и его медленно поджаривают на вулкане (очень больно, но, к сожалению, только в его воображении). Тут-то он и проснулся!

Вероятно, Артаксеркс был лучшим магом, чем его считали. Так или иначе, но Морской Змей не выбрался наружу — к счастью для нашего рассказа. Он высунул голову из пещеры, откуда раньше торчал его хвост, зевнул, открыв пасть шириною в устье пещеры и фыркнул так громко, что его услышали в самом глубоком подполе самого далёкого морского королевства.

И прорычал Морской Змей:

— Прекрати это БЕЗОБРАЗИЕ!!!

И добавил:

— Если этот жалкий бормотун не уберётся отсюда сию же секунду и если он хоть раз ещё сунется в море, то я ВЫЛЕЗУ и сперва сожру его, а потом разнесу всё вокруг в брызги и дребезги. Вот так вот. Спокойной ночи.

И госпожа Артаксеркс потащила рухнувшего без чувств ВА-ЛЕТа домой.

Когда он пришёл в себя — а это произошло скоро, об этом позаботились, — он снял со Змея заклинание и упаковал свой чемодан; а народ вокруг шумел:

— В отставку ВАЛЕТа! Туда ему и дорога! Вот так вот. До свидания!

А морской король сказал:

— Нам жалко тебя терять, но Мы считаем, что тебе нужно отсюда уехать.

И Артаксеркс почувствовал себя жалким, маленьким и ни капельки не важным (что пошло ему на пользу). Даже морпёс потешался над ним.

Смешно, но Роверандом очень расстроился. Всё-таки он по себе знал, что Артаксеркс не такой уж бездарный волшебник. И ведь это он укусил акулу за хвост, верно? И началось это всё

из-за него, когда он вцепился Артаксерксу в штанину. Да и к тому же ему как выходцу с Суши было обидно, что все эти подводные жители так напали на бедного сухопутного волшебника.

Вот он и пришёл к старичку, и обратился к нему:

— Пожалуйста, господин Артаксеркс...

— Да? — отозвался волшебник добрым голосом (он был очень доволен, что его не называют ВАЛЕТ, а уж «господина» он неделями не слышал). — Да? В чём дело, пёсик?

— Я... простите меня, пожалуйста. Я правда очень извиняюсь. Ужасно извиняюсь. Я совсем не хотел портить вам репутацию.

Роверандом говорил о Морском Змее и акульем хвосте, но (к счастью) Артаксеркс подумал, что он имеет в виду штаны.

— Да что ты, что ты! — ответил он. — Не будем вспоминать старые ссоры. Всё забыто, заштопано и залатано. Я думаю, нам пора обоим собираться домой.

— Но пожалуйста, господин Артаксеркс, — попросил Ровер, — не могли бы вы выкроить минутку и превратить меня обратно в нормального размера собаку?

— Да, конечно! — отозвался волшебник, радуясь, что хоть кто-то всё ещё считает его способным сделать хоть что-то. — Разумеется! Но пока ты здесь, тебе лучше и безопасней быть таким, как ты есть сейчас. Давай сначала уберёмся отсюда. А пока я действительно очень занят.

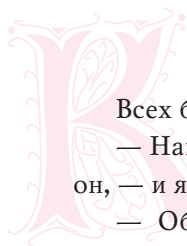
Он и правда был занят. Он пошёл в мастерскую и притащил оттуда всю свою магическую параферналию и меморабилию: всяческие волшебные символы, аппараты, катализаторы, реквизиты и атрибуты, разнообразные мешки и бутылки с чарами, заклинаниями и заклетьями. Всё, что горело, он сжёг в своём водонепроницаемом тигле, а остальное кучей свалил в сад на заднем дворе.

Сверхъестественные вещи происходили там впоследствии: цветы посходили с ума, а овощи стали чудовищными чудо-овощами, и рыбы, что их ели, попревращались в морских собак, морских котиков, морских коров, морских львов, морских дьяволов, морских свиней, рыб-мечей, рыб-молотов, рыб-пил, головоногих, дюгоней и всяких прочих ламантинов — или просто отравились; и так развелись там видения, привидения, головокружения, галлюцинации и фантазмы, что не стало никому во дворце житья и всем пришлось переехать. Сказать по правде, об ушедшем волшебнике на дне моря вспоминали с уважением. Но это случилось много позже, а пока все кругом кричали, чтобы он убирался.

Собравшись, Артаксеркс попрощался с морским королём — довольно холодно; и даже русалчата не опечалились расставанием: слишком уж часто он бывал занят и слишком редко пускал для них пузыри (как в тот раз, о котором я вам рассказывал). Некоторые из его многочисленных своячениц пытались обходиться с ним вежливо, особенно когда госпожа Артаксеркс оказывалась неподалёку, но на самом деле все дожидаться не могли, когда же он выйдет за ворота, чтобы послать уже наконец Змею челобитную:

«Докучливый волшебник покинул дно морское и более не вернётся, Ваше Змейство. Не угодно ли Вам почивать?»

Конечно же, госпожа Артаксеркс тоже собралась. У морского короля было много дочерей, и он мог себе позволить расстаться с одной из них (с десятой по счёту) без особых сожалений. Он вручил ей на пороге мешок алмазов, наградил мокрым поцелуем и вернулся на трон. Всем остальным, правда, было очень жаль, особенно куче племянников и племянниц госпожи Артаксеркс; а ещё им было жаль терять Роверандома.



Всех больше грустил и печалился морпёс:

— Напиши мне, когда пойдёшь гулять на пляж, — попросил он, — и я всплыву с тобой повидаться.

— Обязательно! Я не забуду! — отозвался Роверандом. И они вышли за дверь.

Старейший из китов уже ждал. Роверандом сидел на коленях у госпожи Артаксеркс, и, когда все уселись на спине кита, тот начал всплывать.

И все морские жители говорили очень громко «До свидания!», а про себя добавляли «Туда тебе и дорога», тихо, но не слишком; и так закончилось Артаксерксово пребывание на посту Волшебника Атлантического-Ледовито-Тихоокеанского. Кто стал тамошним волшебником потом, я не знаю. Наверное, старый Песчанес и Человек-с-Луны поделили эти обязанности между собой; они вполне могут с ними справиться.

5

КИТ ВЫПЛЫЛ К ТИХОМУ берегу подальше от бухты Песчанеса: на этом настоял Артаксеркс. Там кит и остался вместе с госпожой Артаксеркс, а волшебник (с Роверандомом в кармане) пошёл в ближайший прибрежный город и приобрёл поношенный костюм-тройку, зелёную шляпу и пачку табака в обмен на роскошный костюм из бархата (произведший на улицах фурор). Ещё он заказал специальное кресло на колёсиках для госпожи Артаксеркс (не забывайте о её хвосте).

— Пожалуйста, господин Артаксеркс, — в который раз звёл Роверандом, когда они вернулись на пляж уже ближе к вечеру. Волшебник курил трубку, прислонясь спиной к киту, выглядел счастливее, чем когда-либо раньше, и был совершенно не занят. — Как насчёт моего прежнего вида, если у вас найдётся минутка? И, пожалуйста, мой прежний размер!

— Ну хорошо, — согласился Артаксеркс. — Я думал вздрем-нуть, прежде чем заниматься делами, но ладно. Давай-ка разбе-рёмся с тобой! Где там моё... — и тут он замолк. Он внезапно вспомнил, что сжёг и выбросил все свои заклинания на дне Глубокого Синего Моря.

Волшебник страшно расстроился. Он выпрямился и стал шарить в карманах штанов, и в жилетке, и в пиджаке, выворачивая карманы наизнанку, но нигде не мог найти ни клочка магии. (Ну ещё бы — бедный рассеянный старикан от волнения совсем забыл, что купил этот костюм в ломбарде всего пару часов назад. Кстати говоря, прошлым хозяином или, в любом случае, продавцом костюма был один старенький дворецкий, который, прежде чем костюм продать, как следует проверил все карманы.).

Волшебник сел на песок и промокнул лоб лиловым носовым платком. Вид у него снова был самый несчастный.

— Мне правда очень, очень жаль! — вздохнул он. — Я совсем не собирался оставить тебя так навсегда, но я не знаю, что тут можно поделать. Пусть это будет тебе уроком — не хватай за штаны добрых и хороших волшебников!

— Полнейшая чепуха! — воскликнула госпожа Артаксеркс. — Ничего я тут не вижу ни доброго, ни хорошего, ни вол-

шебного. Более того, если ты сейчас же не вернёшь пёсику его размер и вид, я уплыву в Глубокое Синее Море и никогда больше не вернусь к тебе!

Бедный старый Артаксеркс занервничал почти как перед пещерой Змея.

— Дорогая моя! — взмолился он. — Мне так жаль, но я наложил на пёсика самый мощный противорасколдовочный блок, когда в это дело вмешался Песчанес, чтоб ему пусто было: я просто хотел показать ему, что он не на всё способен и что я не позволю всяким там песочным кроликам-волшебникам мешаться в мои шутки, — и я напрочь забыл захватить противодействующее средство, когда прибирался там, внизу. Я его держал в чёрной сумочке, она ещё висела на ручке двери у меня в мастерской.

— Беда-то, беда какая! Ты пойми, это же была только шутка! — обратился он к Роверандому.

Нос старого волшебника покраснел и распух от огорчения.

Он сокрушённо бормотал «Беда, беда-то какая...», качая головой и тряся бородой; и даже не заметил, что Роверандом не обращал на него внимания, а кит хитро подмигивал. Госпожа Артаксеркс встала, заглянула в один из своих чемоданов и, смеясь, достала оттуда старую чёрную сумочку.

— Прекрати мотать бородой и займись делом! — велела русалка. Но когда Артаксеркс увидел сумку, он так опешил, что застыл на месте, уставившись на неё и широко открыв рот.

— Ну, за дело! — воскликнула его жена. — Это и есть твоя сумка? Я её достала вместе с другими моими мелочами из отвратительной мусорной кучи, которую ты устроил в саду.

Она открыла сумочку и заглянула внутрь. Наружу выскочила волшебная палочка-ручка, а за ней вылетело облако ды-

ма, извиваясь и сворачиваясь в странные узоры и причудливые лица.

Тут Артаксеркс пришёл в себя.

— Дай сюда! Всё выпустишь! — закричал он, схватил лающего и отбивающегося Роверандома за шкурку и швырнул его в сумку прежде, чем вы успели бы сказать «вжик». Он трижды перевернул сумку, одновременно размахивая волшебной ручкой, и...

— Вот спасибо! Как раз то, что надо! — сказал волшебник и открыл сумочку.

Раздался громкий «Бум!», и вы только гляньте! сумочка исчезла — остался только Ровер, точно такой же, как в то утро, когда встретил на лужайке волшебника. Ну, не совсем точно такой же, а немного побольше — ведь он стал старше на несколько месяцев.

Уж как он обрадовался — это ни в сказке сказать, ни пером описать; а ещё всё вокруг показалось ему смешным и маленьким, даже огромный кит; а ещё Ровер почувствовал себя чрезвычайно сильным и свирепым. На какое-то мгновение он даже засмотрелся мечтательно на штаны волшебника, но не захотел начинать историю заново. Пробегав кругами около мили и налаявшись в своё удовольствие, он вернулся и сказал «спасибо», и даже добавил «очень приятно было познакомиться», а это было уже совсем вежливо.

— Всё в порядке! — сказал Артаксеркс. — Это было моё последнее волшебство. Я ухожу на пенсию. А тебе пора домой. Укладывать тебя туда у меня не хватит магии, так что придётся тебе идти пешком. Но такому сильному молодому псу это не в тягость.

Ровер попрощался, кит подмигнул ему, госпожа Артаксеркс угостила его куском кекса, и после того пёсик их очень долго не видел. Много позже, когда Ровер посетил один приморский городок, где раньше никогда не бывал, он узнал, что с ними стало, потому что они там жили. Без кита, конечно, — только отставной волшебник и его жена.

В этом приморском городишке они и обосновались. Артаксеркс, известный теперь как мистер А. Вальетт, открыл около пляжа лавку по продаже сигарет и конфет — но от воды старался держаться как можно дальше (он и пресной-то воды теперь не пил, ну да это ему было не в новинку). Не очень-то славное занятие для бывшего волшебника, но он по крайней мере всегда старался убирать мусор с пляжа за своими покупателями; и выручал неплохие деньги от продажи конфет «леденцы-валетенцы», таких розовых и липких. В них, наверное, всё-таки было немного магии: дети так их любили, что ели даже после того, как роняли в песок.

Госпожа Артаксеркс, то есть миссис А. Вальетт, зарабатывала куда больше. Она держала палатки для переодевания и купальные повозки и давала уроки плавания. Домой она возвращалась в купальном кресле на колёсах, запряжённом белыми пони, а по вечерам носила самоцветы морского короля и так прославилась, что никто никогда и не напоминал ей про её хвост.

А пока Ровер бежит себе по сельским тропам и дорогам, ведомый своим носом, который, как водится у собачьих носов, должен обязательно привести его домой.

«Видать, не все сны Человека-с-Луны сбываются, как он и говорил, — думал Ровер, трюся по дорожке. — Этот сон уж точно не сбылся. Я даже не знаю названия того места, где живут мальчишки, экая жалость!»

На суше, как он выяснил, собак подстерегает не меньше опасностей, чем на Луне или на дне моря, хотя на земле гораздо скучнее. Машина за машиной проносились мимо, набитые (как думал Ровер) одними и теми же людьми, спешившими куда-то со всей возможной скоростью (и всей возможной пылью и вонью).

«Из них половина, поди, и не знают, куда едут и зачем, а когда приедут, не поймут, что приехали», — проворчал Ровер, прокашливаясь; лапы его устали от твёрдого, чёрного, мрачного асфальта. Он свернул в поля, где пережил много мелких приключений вроде встреч с птицами и кроликами, несколько раз лихо дрался с другими собаками и несколько раз тихо убегал от больших псов.

И наконец спустя несколько недель или месяцев (он сам не мог сказать, сколько именно прошло времени), он прибежал к своей садовой калитке. А за калиткой маленький мальчик играл с жёлтым мячиком! И сон сбылся, да так, как Ровер и не ожидал никогда!

— Вот он, Роверандом!!! — закричал Второй мальчик.

И Ровер сел на задние лапки и стал служить, потеряв от волнения голос, а маленький мальчик поцеловал его в макушку и кинулся к дому, крича:

— Мой игрушечный пёсик вернулся, большой и настоящий!!!

Он всё рассказал своей бабушке. Ну как было знать Роверу, что всё это время он принадлежал бабушке мальчиков? Он у неё прожил-то всего месяц-другой, когда его заколдовали. А мне вот интересно, догадывались ли об этом Песчанес и Артаксеркс?

Бабушка (приятно удивлённая тем, что её щенок нашёлся в целости и сохранности, а не попал под машину или грузовик) не поняла ничего из того, что ей рассказывал внук, хотя тот несколько раз повторил ей всё, что знал, со всеми подробностями. Она выяснила с большим трудом (она, надо признаться, была чу-у-уточку глуховата), что пёсика зовут не Ровер, а Роверандом, потому что так сказал Человек-с-Луны («Странные фантазии у этого ребёнка»), и что принадлежит он не ей, а Второму мальчику, потому что мама принесла его домой вместе с креветками («Конечно, милый, конечно, но я всегда думала, что купила его у племянника нашего садовника»).

Это, конечно, не весь их спор; он был долгий и сложный, как всегда выходит, когда правы обе стороны. Вам будет только ин-

КОНЕЦ



Дж. Р. Р. Толкин
 Лунный пейзаж



Комментарии

Данные «Комментарии» основаны на комментариях к английскому тексту, подготовленных Кристиной Скалл и Вэйном Хэммондом. Перевод комментариев на русский язык, расширение и уточнение — В. Барановский, П. Иосад, С. Лихачёва, О. Степашкина, С. Таскаева и др.

- С. ix *Этим неожиданным отпуском Толкин отметил получение должности профессора англосаксонского языка Ролинсона и Бозуорта.* — Профессорские должности в Оксфорде и Кембридже, как правило, существуют на «вклады»: то есть учреждаются благотворителем (обычно богатым учёным), который создает фонд, а из этого фонда оплачивается жалование профессору. Поэтому должности зачастую названы в честь учредителя фонда. Профессорская должность Ролинсона была учреждена в 1755 г. на пожертвование, оговоренное в завещании антиквара и коллекционера Ричарда Ролинсона. В 1860 г. Джозеф Бозуорт присовокупил к данному фонду ещё и свой вклад (Бозуорт, специалист по англосаксонскому, сам занимал должность Ролинсона в 1858 г.), а к названию должности прибавил своё имя.
- С. xi *...воспоминания Джона Толкина, которые подтверждаются сводками погоды...* — «Таймс» от 7 сентября 1925 г. сообщает: «В заливе Уитли разрушены все лодочные пристани и все строения на пляжах. Берег усеян обломками... В Хорнси волны достигали сорока футов; шторм смыл скамейки с новой набережной и затопил прилегающие поля. В бассейне Сауз-бич, одного из пляжей Скарборо, повыворачивало большие плиты» — и так далее. Прогноз же гласил: «Временами ливни».
- ...одна из пяти картинок, которыми автор проиллюстрировал историю...* — Оригиналы этих картинок находятся сейчас в Бодлеянской библиотеке Оксфордского университета (MS Tolkien Drawings): рисунки 88, fol.25 (*Лунный пейзаж*); 89, fol.1 (без названия, «Ровер прибывает на Луну»); 89, fol.2 (*Дом, где «Рове́ра» превратили в игрушку и откуда начались его приключения*); 89, fol.3 (*Белый Дракон преследует Роверандома и лунопса*); и 89, fol.4 (*Сады возле двора Морского Короля*).

- С. xii *«Снэп-дрэгон»* (досл. «кусачий дракон»). — В данном случае имеется в виду «игра, в которую обычно играют на Рождество. Заключается она в том, что нужно схватить изюминки с тарелки или из чаши с горящим бренди или другим спиртным напитком и съесть их, пока огонь не погас» (*Oxford English Dictionary*).
- С. xv *В рецензии, датированной 7 января 1937 года, Рейнер Анвин находит, что история...* — В данной рецензии упоминается имя «Псаматос» (в русском переводе — Песчанид, см. ниже примечание к с. 11) и цена в шесть пенсов. Данные детали появились лишь во втором (фрагментарном) и третьем (полном) машинописном варианте *Роверандома*. *Существовали также истории...* — Об этих историях упоминается также в книге Х. Карпентера Дж. Р. Р. Толкин: *Биография*¹ (1977), с. 251 и далее.
- С. 3 *Бывают меж ними старфёвщики...* — Бродячие сборщики костей и бутылок, а также других вещей. Они продавали собранные отходы на переработку и тем зарабатывали себе на жизнь.
...старая зелёная шляпа... голубое перо, торчащее сзади из шляпы... — Том Бомбадил, герой ранних произведений Толкина и персонаж *Властины Колея* (1954—1955), тоже носит на шляпе голубое перо.
- С. 5 *Лишь после полуночи он мог кое-как ходить...* — Мотив игрушек, оживающих по ночам, когда никто не видит, есть во многих сказках, например, в *Стойком Оловянном Солдатики* Г.-Х. Андерсена (1838), в *Восковой Кукле* Э. Х. Натчбул-Хьюджессена (1869).
Пустим его по шесть пенсов. — В первом варианте машинописного текста Ровера оценили в четыре пенса. А во втором — уже в шесть. Возможно, тут сказался рост цен, происшедший за несколько лет (которые, как предполагают К. Скалл и В. Хэммонд, разделяют эти два наброска сказки).
...почти до чая... — то есть до пяти вечера. Имеется в виду файв-о-клок, традиционное английское чаепитие. См. также с. 15 («время чая»).
- С. 6 *У неё было три мальчика...* — Мама, разумеется, — это Эдит Толкин, жена писателя, а её три мальчика — Джон, Майкл и Кристофер. Майкл — это тот, который «очень любил собак», он же Второй мальчик.
...и его завернули в бумагу... — Когда покупку заворачивали в бумагу, концы свёртка скручивали, как у конфетного фантика.

¹ Здесь и далее ссылки на *Биографию* даются по изданию: Карпентер, Х. Джон Р. Р. Толкин: *Биография*. Пер. А. Хромовой. М.: Эксмо-Пресс, 2002.

- С. 7 *Мальчик гавкал на пёсика на вполне себе сносном собачьем языке...* — Главные герои книги Льюиса Кэрролла *Сильви и Бруно* (1889—1893), которую Толкин очень любил, свободно говорили «по-собачьи».
- С. 8 *...а Ровера поставил на стул рядом с кроватью...* — В самом первом машинописном тексте Ровера ставили на комод. Должно быть, потом Толкин решил, что это слишком высоко и Ровер-игрушка не смог бы оттуда прыгнуть, даже на кровать, чтобы обследовать дом, — и уж тем более не смог бы потом туда взобраться. В конце концов он ведь был тогда очень маленькой игрушкой (хотя иногда и кажется, будто он становится побольше). Слова, сохранившиеся на с. 9 — «[мальчик] увидел Ровера на комодѣ», — остались от раннего варианта. Толкин добавил к ним несколько неуклюжее объяснение: дескать, «он сам поставил щенка туда, когда одевался». Об этом же упоминается и на с. 89 — «дом, где Роверандом когда-то сидел на комодѣ».
- ...снаружи из моря поднялась луна и проложила на воде серебристую тропинку, по которой, если умѣешь, можно дойти и до края света, и дальше.* — Возможно, Толкин придумал это сам, но это место поразительно схоже с «сияющей лунной дорожкой, протянувшейся от тѣмной земли... к луне» из *Сада на той стороне Луны*, книги американского писателя и художника Говарда Пайла, написанной в 1895 г. Главный герой этой книги ушѣл от берега по лунной дорожке в гости к Человеку-с-Луны. В *Роверандомѣ* Ровер сам не путешествует по лунной дорожке — его над ней проносят. См. также с. ix и x.
- С. 11 *Песчанологи* (в оригинале — *Псамматисты* (см. следующее примечание)). — В самом первом, рукописном варианте сказки песчаного волшебника называют Псаммидом (*Psammead*). Это слово напрямую восходит к «песчаному фѣйри» Э. Несбит, герою сказок *Пять детей и Оно* (1902) и *История одного амулета* (1906). У персонажа Несбит глаза на стебельках, вроде как у улитки, уши, точно у летучей мыши, пузатое паучье тельце, покрытое густой шерстью, а ноги и руки — как у мартышки; дети случайно выкапывают его из песка, и песчаный фѣйри исполняет их желанія. Псаммид Несбит, как и псамматист Толкина, — существо грубоватое и по-своему капризное и больше всего на свете любит поспать в тѣплом песке. В первом машинописном варианте Толкин иногда пишет вместо «псаммида» «самиад» (*samyad*) (опять-таки заимствовано у Несбит: песчаный фѣйри гордо именует себя по-гречески — *Psammead*, но дети, греческого не знающие, произносят слово так, как расслышали — *Sammyadd*), а также — правда, очень редко — называет Песчанеса *нилбог* (слово «гоблин», написанное задом наперѣд). Во втором машинописном варианте Песчанеса называют только по имени или «этот псамматист».

Песчанес Песчанид (в оригинале — Псаматос Псаматид(ес)). — Слова «Псаматос» (*Psamatbos*), «Псаматид(ес)» (*Psamatbides*) и «Псаматист» (*Psamatbist*) являются производными от греческого слова *psamos* — «песок». «Псаматос» (*Песчанес*) в переводе с греческого означает «морской песок», что вполне согласуется с привычками этого существа. «Псаматид(ес)» (*Песчанид*) содержит суффикс *-ides*, означающий «сын такого-то» (по-русски этот суффикс обычно передаётся как «-ид»), а «псаматист» — суффикс *-ist*, обозначающий человека, занимающегося какой-нибудь отраслью науки (например, лингвист). Суффикс *-олог* в русском языке служит той же цели (филолог, геолог и т. д.). Следовательно, *Псаматес Псаматид(ес)* означает «Песчаный, сын Песчаного», а *псаматист* — «специалист по песку» (песчанолог).

Проблема перевода состоит ещё и в том, что Толкин остроумно обыгрывает варианты произношения слов, происходящих от данного корня. Оксфордский словарь даёт два варианта произношения корня *psamto-* в словах английского языка: [p] по желанию либо произносится, либо нет (в таких словах, как *psammobiid* «разновидность двусторчатого моллюска», *psammolithic* «пласт, состоящий из песчаника» и т. д.). Однако первый вариант предпочтительнее: словарь утверждает, что [p] немое в словах, заимствованных из греческого языка, «свидетельствует о необразованности говорящего и не позволяет правильно распознать состав слова»; опускать [p] строго предписывается только в словах *psalter*, *psalm* и производных от них. Псаматос Псаматид(ес) настаивает на «правильном», «академичном» произношении, озвучивая все [p], в то время как более демократичный Человек-с-Луны произносит «Саматос» (*Samathos*) так, как принято в повседневной речи, [p] демонстративно опуская. В русском языке эта вариативность произношения обыгрывается произношением слова «песчаный»: Песчанес настаивает на чётком произнесении согласных, в то время как в повседневной речи «сч» редуцируется в [щ] — «пещаный». См. тж. с. 13 и комментариев к с. 52.

...и выставив наружу только кончик длинного уха... — «Длинные уши» песчанолога во всех вариантах были рогами и лишь в последнем превратились в уши. У несбитовского псаммида были глаза «на длинных рожках, как у улитки».

- С. 14 *Артаксеркс* — вполне подходящее имя для волшебника родом из Персии: это имя носили три персидских царя, живших в V и IV вв. до н. э., а также основатель династии Сасанидов, живший в III в. до н. э.

Он из Персии... и первый встречный показал ему вместо Персии дорогу на Першор. ...Говорят... он очень лобок снимать сливки... — Першор — небольшой городок, находящийся неподалеку от Ившэма в Вустершире. Толкин играет на том, что по-английски «Персия» и «Пер-

шор» звучат почти одинаково. Кроме того, любопытно отметить, что долина Ившэма славится своими сливами (в том числе сортом «жёлтая першорская»), и что Хилари, брату Толкина, принадлежало плодоводческое хозяйство неподалеку от Ившэма, и он много лет выращивал там сливы. Выражение «ловко снимать сливки» (англ. «nimble plum-gatherer») подразумевает, что Артаксеркс умеет заполучить всё самое лучшее. *Сидр* — английский алкогольный напиток. Его делают из перебродившего яблочного сока. Считается, что лучший сидр производят в западной Англии, в том числе и в долине Ившэма.

- С. 17 *Мью* — «Mew» по-английски значит «чайка» (как и «gull»).
- С. 18 *...возвышались отвесные — не заберёшься — чёрные скалы.* — Неподалеку от Файли находятся Спитон и Бемптон, известные своими высокими утёсами, достигающими 400 футов (около 160 метров) в высоту. Там во множестве гнездятся морские птицы. Но эти утёсы не чёрные, а меловые. Необитаемые островки с высокими чёрными скалами и птичьими колониями часто встречаются у берегов северной Британии.
- С. 20 *Остров Псов.* — Настоящий Остров Псов (the Isle of Dogs) находится в юго-восточной части Лондона, на реке Темзе. На самом деле это полуостров, где, по преданию, королева Елизавета I (или король Генрих VIII) держали охотничьих собак, когда жили на противоположном берегу реки, в Гринвиче.
- С. 21 *Одна собака по крайней мере там есть — у Человека-с-Луны.* — Это согласуется с некоторыми старинными преданиями. См. У. Шекспир, *Сон в летнюю ночь* (V, i.): «Вот этот малый — Лунный Свет; при нём — терновый куст, фонарик и собака» (пер. Т. Щепкиной-Куперник).
- С. 22 *Рове́р различил белую башню... высунул голову старик с длинной серебрястой бородой.* — В *Книге Утраченных Сказаний*, в «Сказании о Солнце и Луне» говорится, что, когда Луна готовилась отплыть в небеса, «некий пожилой сребровласый эльф» незаметно пробрался туда; «и с той поры он обитает там... Построил он на Луне белую башенку, куда часто подымается, дабы обозреть небеса или землю... Иные называют его Человеком-с-Луны» (Часть I [1983], с. 192—193). В стихотворении Толкина «Почему Человек-с-Луны спустился вниз так быстро», опубликованном в 1923 г., Человек живёт в «бледной башне своей», что «сияла одна, высока и бледна, / Средь серебряных лунных полей» (*Книга Утраченных Сказаний*, Часть I, с. 204—206). Иллюстрация к сцене, когда Человек соскальзывает на Землю «тонких лестниц путём паутиным» (ср. с «большой серебрястой сетью», сплетённой лунными пауками из *Ровера́ндома* — с. 25), напечатана в книге Вэйна Г. Хэммонда и Кристины Скалл Дж. Р. Р. Толкин: *Художник и Иллюстратор* (1995), с. 49.

С. 24 *Так ты носишь имя Ровер вслед за мной?* — Толкин обыгрывает два различных значения этой фразы. Роверандом думает, что лунопёс хочет сказать: «Так тебя называли Ровером в мою честь?» Но из последующих слов лунопса становится ясно, что тот имел в виду «тебя назвали так уже после меня».

С. 25 *...Луна как раз проходила с другой стороны Земли.* — См. также с. xix и *Книгу Утраченных Сказаний*, Часть I, с. 216. («Луна не осмеливается выйти в беспредельную пустоту внешней тьмы... и путь его [сего судна] пролегает под миром»).

Только не тронь лунных бликов и не дави моих белых лунных кроликов! А когда засосёт под ложечкой, прилетай домой... — Подобные запреты-советы — характерная деталь традиционных волшебных историй. Предупреждение Человека-с-Луны повторяется неоднократно, а позднее с ним перекликаются слова жены Артаксеркса: «Не троньте только жар-рыбок» и т. д. (с. 63).

С. 27 *...он совсем бросил размышлять, зачем Песчанес послал его сюда. Прошло много времени, прежде чем он это узнал.* — На самом деле, нам так и не суждено узнать, зачем Песчанес посылает Ровера на Луну. В черновике написано: «Всего он так никогда и не узнал, потому что в хитроумные планы и задумки волшебников не могут порой проникнуть даже кошки — куда там собакам! — а то, что он всё-таки узнал, узнал очень нескоро».

Мечемухи (sword-flies), стекляки (glass-beetles), а также *лётмыок* (перевёртыш «мотылька», в оригинале — *flutterbies* вместо *butterflies* (бабочки), что по звучанию напоминает также *fluttermice* (летучие мыши)) на с. 28, *жуки-алмазники (diamond-beetles)* и *бабочки-рубинницы (ruby-moths)* на с. 40 напоминают о бегемотках и стрекозах (в оригинале — *Rocking-horse-fly, Snap-dragon-fly, Bread-and-butter-fly*) из *Алисы в Зазеркалье* (1872).

...и пятьдесят семь разновидностей науков... — Намек на знаменитые пятьдесят семь видов консервов фирмы «Хайнц», филиала одноименной американской компании.

С. 28 *Лёгкая, еле слышная мелодия.* — Музыка играет важную роль в создании особого настроения в *Роверандоме*. Музыка исходит от растений светлой стороны Луны; её создает пень соловьёв, и песни детей в саду на тёмной стороне (с. 41), и русалки в море (с. 59). Все названия цветов в этом абзаце (и настоящие, и вымышленные) связаны с музыкой или музыкальными инструментами — колокольчиками, свистульками, трубами, горнами, скрипками, свирелями и дудочками. *Ringaroses* (в русском переводе — колокорозы) в английском языке ассоциируются

с традиционной детской хороводной песенкой, начинающейся со строчки: «Ring-a-ring o'roses». *Rhymeroyals* (в русском переводе — рифмоцари) и *pennywhistles* (в русском переводе — свистульки) в английском языке ассоциируются с *pennyroyal* (мята болотная, растение вида *Mentha pulegium*) и с *rhymeroyal* (так называемая «королевская строфа» — строфа из семи строк, написанная ямбическими пентаметрами по схеме ababbc). В названии *polyphonies* (в русском переводе — полифонии) обыгрываются *polypody* (сладкокорень, папоротник вида *Polypodium*) и английское слово *polyphony* («полифония» как музыкальный термин). *Brasstongues* (в русском переводе — медные языки) напоминают о папоротнике «олений язык» (*bart's-tongue*), и в то же время перекликаются с Первым посланием к коринфянам (XIII. 1): «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий». «Папоротник-хру-стяк» (*cracken*) обыгрывает название папоротника-орляка (*braken*).

...бледно-голубые листья их крон никогда не опадали... Когда сменялись времена года, деревья все разом распускались бледно-золотистыми цветами... — Возможно, это некие предшественники маллорнов, лориэнских деревьев из *Властелина Колец* (книга 2, гл. 6): «Осенью их листья не опадают, а становятся золотыми».

- С. 29 *Иногда лишь случалось встретить в лунных лесах задумчивого огромного слона...* — Возможно, это ссылка на сэра Пола Нила, астронома, жившего в XVII в., который заявил, что обнаружил на Луне слона, — на самом же деле это была мышь, забравшаяся к нему в телескоп.
- С. 31 *О, какие там были трубы на крышах... а чёрный дым, а красный огонь в топках!* — И Бирмингем, в котором вырос Толкин, и Лидс, в котором он жил вместе с семьёй, когда придумывал *Роберандома*, были грязными, дымными промышленными городами. Теперь они намного чище.
- С. 32 *...забрались в первое же попавшееся укрытие, даже не оглядевшись.* — Ср. с гл. 4 *Хоббита*, в которой путешественники спрятались от дождя в пещере, не осмотрев её как следует: «В том и состоит коварство пещер, что никогда не знаешь, далеко ли пещера простирается, куда она выведет, и что подстерегает вас внутри» (пер. Н. Рахмановой).
- С. 33 *Во времена Мерлина он [т. е. Белый Дракон] сражался с Красным Драконом в Казрдрагоне... и с тех пор его противник стал называться Очень Красным Драконом.* — Согласно *Истории королей Британии* (*Historia Regum Britanniae*) Гальфрида Монмутского (который в свою очередь опирался здесь на *Историю бриттов* (*Historia Brittonum*) Ненния), Вортигерн, британский король, хотел построить возле горы Сноудон башню для защиты от врагов, но всё, что он выст-

райвал за день, ночью обрушивалось. Юный Мерлин (там его зовут Амброзий) посоветовал королю разыскать подземное озеро под основанием башни и осушить его. На дне пруда оказалось два спящих дракона — один белый, другой красный. Проснувшись, они начали сражаться. Красный дракон, сказал Мерлин, символизирует бриттов, а белый — саксов, которые победят бриттов. Тогда красный дракон и стал бы «очень красным», т. е. окровавленным. Все это якобы произошло в Уэльсе, в Гвинедде, в месте под названием Динас Эмрис (что и означает «город Амброзия»). (Нужно также отметить, что сходный сюжет встречается в сказании *Алидд и Алевелис*, входящем в *Мабиноги*, тем самым он относится к валлийской народной, а не литературной традиции.). Здесь оно названо *Каэрдрагон*. Это слово состоит из английского *dragon* («дракон») и хорошо известного элемента валлийских топонимов *caer*, происходящего из латинского *castrum* («укреплённый лагерь») и обозначающего «крепость». Среди прочих на *caer* начинаются такие известные за пределами Уэльса названия, как Кайрнарвон (*Caernarfon*), графство Гвинедд, где располагается одна из королевских резиденций, и Кайрфилли (*Caerphilly*, по-валлийски пишется *Caerffili*), где производится известный сорт сыра с таким же названием. Иными словами, название *Caerdragon* составлено так, чтобы, с одной стороны, даже дети опознавали его как валлийское, с другой — чтобы связь его с драконом была очевидна (ведь по-валлийски «крепость дракона» называлась бы *Caerddraig* или *Caer-y-Ddraig*, что менее понятно). В рукописи оно именовалось *Кайрвирддин* — «Крепость Мирддина» [Мерлина] (т. е. Кармартен (*Caerfyrddin*) в юго-западном Уэльсе, ныне центр графства Кармартеншир). Также встречается написание ?*Каэрдрайхион*. Но это название перечёркнуто и в первом машинописном варианте заменено на *Каэрдрагон*.

...на *Трёх Островах*... — Возможно, имеется в виду фраза *Teir Ynys Prydein*, встречающаяся в записанных в средневаллийский период текстах, известных как триады. Одна из триад гласит: *Teir Ynys Prydein: Lloegyr a Chymry a'r Alban*. Дословно это означает «Три острова Британии: Англия, Уэльс и Шотландия», что, конечно, вернее интерпретировать как «три (королевства) острова Британии», ведь Англия, Шотландия и Уэльс не являются отдельными островами.

Сноудон — высочайшая вершина Уэльса (около 1058 метров), расположена в национальном парке Сноудония, в Гвинедде. Рассказ о человеке, бросившем на вершине Сноудона бутылку, относится к тому, что парк посещает множество туристов, оставляя после себя много мусора. В первом варианте Толкин писал, что посетители Сноудона «курят сигареты, пьют имбирное пиво, а бутылки там и бросают».

...дракон уже улетел в Гвинву: случилось это некоторое время спустя после исчезновения короля Артура, в те времена, когда драконий хвост считался у саксонских королей великим деликатесом. — По-валлийски *гвинва* (*gwynfa*, *gwynva*) означает «белая (или благо-словенная) страна». Первый элемент означает «белый», причём в валлийской традиции это слово может употребляться сходно с русским «белый» в выражениях типа «белый свет», а второй, встречающийся только в географических названиях, родственен древнеирландскому *tag* «равнина, поле», а также *imtaig* «снаружи», *imtach* «вне, вон» и галльскому *magus* в *Arganto-magus*. Слово *gwynfa* иногда используется как поэтическое наименование рая или небес. Точное значение этого слова здесь неясно, но упоминание об «исчезновении Артура» (а в раннем варианте говорится о его смерти) наводит на мысль об уходе короля в потусторонний мир, на Авалон; тогда можно предположить, что Гвинва — это место, подобное Авалону, «расположенное неподалеку от края мира». Возможно, это название связано с Гвинвидом (*Gwynvud*), что и означает дословно «белый свет». Значение этого слова в современном валлийском языке — «счастье», но иногда так называли страну мёртвых, расположенную на небесах. А может быть, это просто «белый край», куда улетел белый дракон, и это название перекликается со Сноудоном (что означает «снежный холм»).

Упоминание о драконьем хвосте также перекликается с *Фермером Джайлсом из Хэма* (опубл. в 1949 г.), написанным примерно в то же время: «С тех времён в королевстве сохранился обычай подавать на Рождество к королевскому столу драконий хвост» (пер. О. Степашкиной). Но эта история произошла ещё до времен владычества саксонских королей.

Кажется, Толкин намекал на то, что дракон улетел, чтобы на него не принялись охотиться ради его хвоста. Но в первом машинописном варианте эти слова вводили комментарий о «саксонских королях», впоследствии уничтоженный: «Саксы — свирепый народ. Некоторые французы даже не верят в его существование». Кристофер Толкин предполагает, что здесь, возможно, автор критикует французского учёного Эмиля Легу. И в самом деле, в истории английской литературы, написанной Легу и его коллегой Луи Казамьяном и опубликованной в Англии в 1926 году (на французском языке она вышла раньше), утверждается, что англосаксы были мирным, оседлым народом (а вовсе не «свирепым») и искать в их литературе «отражение германского варварства» неразумно.

- С. 34** *Пару раз он даже окрашивал всю Луну красным...* — Иногда во время лунных затмений Луна приобретает медно-красный оттенок.

Горы содрогнулись... и водопады застыли. — После этого в окончательном варианте было написано: «и даже молодой человек, пронёс-

шись на мопеде по спящему предместью, не нашумел бы больше». Но впоследствии эти слова были вычеркнуты.

...походили на паруса, как у кораблей в те времена, когда они были кораблями, а не пароходами... — В Королеве Фей Эдмунда Спенсера (1590) упоминается дракон с крыльями (I. XI. 10):

...Его распахнутые два крыла
Подобны поникавшим парусам,
Чья ткань, воспрянув, ветер вобрала;
А перья — словно ствол, высок и прям,
Грот-мачты, что ссужает холст — ветрам...

(Перевод С. Лихачёвой)

...хлопая крыльями, как хлопущка, и распахнув свой зев, как лев... — В оригинале здесь фигурируют выражения *flapdragon* и *snafdragon*. Имеются в виду драконы или драконьи головы, которых носили во время всяческих процессий или использовали в рождественских представлениях. Эти огромные куклы могли открывать и закрывать пасть.

- С. 35** *День Гая Фокса* — пятое ноября. Гай Фокс — известный участник заговора католиков, намеревавшихся в 1605 году взорвать британский парламент. Пятого ноября вся Британия празднует годовщину разоблачения этого заговора, устраиваются фейерверки, чучело Гая Фокса сжигается на костре, т. е. заклинание Человека-с-Луны пахнет порохом и дымом.

- С. 36** *Следующее лунное затмение совершенно провалилось...* — См. с. xiii. Каким образом Человек-с-Луны контролирует Великого Белого Дракона, чтобы затмения получались по расписанию, так и остаётся тайной. («Они мне тут до срока затмение устроят!» и «Следующее лунное затмение совершенно провалилось — дракон был занятлизыванием своего живота и пропустил его» с. 35, 36). В некоторых мифологических традициях затмения случаются, когда дракон проглатывает луну или солнце.

- С. 40** *...ни там, ни тут настоящего цвета не особенно много...* — В стихотворении «Почему Человек-с-Луны спустился вниз так быстро» (см. выше, примечание к с. 22) Человек «устал... от бледной башни своей»:

Он томился и жаждал Огня —
Не прозрачных огней бледных лунных камней,
А горячих костров ярче дня,
Красно-огненных грёз, темно-пурпурных роз,
Рыжих пляшущих языков;
Жаждал сини морей и рассветных огней,
Пламенеющих средь облаков.

Совы размером с орлов. — «Орлы-совы» (англ. eagle-owl) — так по-английски называют филинов — крупных, свирепых хищных птиц, залетающих иногда в Англию из Скандинавии. Верхняя часть туловища у них тёмно-коричневая, почти чёрная.

Совки — семейство бабочек.

- С. 42 *Сумеречный сад.* — Относительно сходства лунного сада с Домиком Утраченной Игры из *Книги Утраченных Сказаний* см. с. xviii. В *Саду на той стороне Луны* Говарда Пайла герой книги, Дэвид, тоже навещает садик Человека-с-Луны, и в этом саду резвятся и играют дети. В *Роверандоме* же дети, похоже, попадают в лунный сад во сне, а тела их при этом остаются на Земле. Кроме того, Дэвид попадает в сад более прозаическим образом, чем Роверандом: он просто выходит из дома Человека-с-Луны по чёрной лестнице.

...дети-то сюда прибыли не твоим способом... в другой долине. — О «Тропе Снов» см. с. xviii.

Самый ранний текст в черновом варианте включал данный отрывок: «Это долина счастливых сновидений, — сказал Человек. — Никто, кроме нас, не приходил сюда и этого не видел. А большинство людей, видевших её, к счастью, об этом позабыли. Но некоторые из здешних снов остались с ними навеки...». Этот отрывок заменён на следующий: «Сны для них в основном делаю я. Они, бывает, и сами приносят с собой немного, а некоторые сны, как ни жаль, делают пауки, хотя и не в этой долине и когда меня нет рядом. Это — долина Счастливых Снов».

- С. 45 *...и даже на голове стоял...* — В детском стихе *Старушка Хаббард* (из сборника *Сказки Матушки Гусыни*) есть следующие строчки:

...Старушка в пекарню
За булкой пошла.
Приходит — а псина
Концы отдала.
Старушка за пивом
Спустилась в подвал.
Приходит, а пёс-то
На голову встал.

(Перевод С. Лихачёвой)

В русскоязычной культуре стихотворение известно в вольном переводе С. Маршака («Пудель»).

- С. 46 *Наконец они пришли на серую кромку...* — У Луны в *Роверандоме* две чётко разграниченные стороны — светлая и тёмная, которые остаются неизменными: одна светлая с тёмным небом, другая — наоборот. По-настоящему на Луне бывает и ночь, и день (хотя и не такие, как на

Земле), и так называемая «тёмная сторона» именуется тёмной не потому, что там нет света, а потому, что с Земли её не видно; изучить её стало возможно лишь с появлением летательных аппаратов. Хотя Земля в сказке плоская (см. с. хix), Луна всё-таки шар: Роверандом пролетает его насквозь и оказывается на тёмной стороне, а потом, возвращаясь домой вместе с Человеком-с-Луны, видит восход Земли.

Джон Толкин вспоминает, что, когда они с Майклом слушали сказку, их такие несообразности не волновали. В конце концов Толкин сочинял *Роверандома* для маленьких детей, а для них это ничем не отличается от прочих чудес.

С. 49 *«Всемирные Новости»* — английская газета, известная своим пристрастием ко всяческому сенсациям.

С. 51 *Он влюбился в немолодую, но очаровательную дочь богатого морского короля...* — Намек на песенку из оперетты Гилберта и Салливана *Суд присяжных* (1871): «Так я влюбился в пожилую уродливую дочь богатого адвоката». Комические оперы композитора Артура Салливана на либретто Уильяма Гилберта (*Микадо*, *Пираты Пензанса* и др.) ставились в театре «Савой» и пользовались огромной популярностью в конце XIX в.; время от времени возобновляются и по сей день.

Всякие там Протеи, Посейдоны, Тритоны, Нептуны. — Протей и Посейдон — морские боги в древнегреческой мифологии. Нептун — эквивалент Посейдона в древнеримской мифологии. Тритон — тоже морской бог, сын Посейдона, изображается как человек с рыбьим хвостом и плавниками (в греческой мифологии он один из водяных, обитателей моря).

Ньёрд — скандинавское морское божество. «*Дурацкая женитьба на великанше*» — ссылка на историю, рассказанную в *Младшей Эдде* Снорри Стурлусона (1178/9—1241), в главах «Видение Гюльви» и «Язык поэзии». Боги пообещали дочери великана, убитого Тором, что в качестве возмещения за смерть отца она может взять в мужа одного из них, но при одном условии: она должна будет выбрать мужа, не видя ничего, кроме его ног. Великанша выбрала самые красивые ноги, в надежде заполучить в мужа Бальдра, самого красивого из богов, но оказалось, что самые красивые ноги были у Ньёрда. Комментаторы *Младшей Эдды* высказывали различные предположения о том, почему у Ньёрда ноги оказались лучше, чем у Бальдра. Замечание Толкина о том, что великанша выбрала Ньёрда за чистые ноги («очень способствует порядку в доме»), конечно же, шутка. Однако Э. В. Гордон, коллега Толкина, в примечаниях к своей работе *Введение в древнеисландский* (издана в 1927 г., и автор благодарил Толкина за подсказку) действительно предположил, что у Ньёрда были самые чистые ноги, поскольку он морское божество (вероятно, Гордон имел в виду, что Ньёрд регулярно мыл их в море).

Морской Шейх — персонаж «Тысячи и одной ночи». Синдбад-Мореход наткнулся на него после того, как потерпел кораблекрушение во время своего пятого путешествия. Шейх просит перенести его через реку, Синдбад соглашается, но обнаруживает, что старика никак не скинуть со спины. Синдбад освобождается, напоив его допьяна и убив ударом камня по голове.

...оседлал плавучую мину... прямо на кнопку сел. — Такие плавучие мины ставились во время Первой мировой войны. Очевидно, Морской Шейх попытался прокатиться на одной из них. Кнопки — выступающие детонаторы.

Шалтай-Болтай — яйцо из детского стишка-загадки, которое «вся королевская конница, вся королевская рать» не смогла собрать после того, как он упал и разбился.

- С. 52 *Я думал, Британия правит волнами. — Нет, она... гладит себе львов на пляже или на пенсе сидит с вилкой для угрей.* — Имеется в виду известная песня «Правь, Британия» и символическое изображение Британии на английских монетах и медалях, принятое со времен царствования Карла II: сидящая женщина со щитом, трезубцем («вилкой для угрей») и львом, лежащим у её ног.

...произноси «сч» как следует! — В оригинале — игра слов. Человек-с-Луны дословно советует Роверу «не забывать произносить „п“», то есть правильно произносить имя *Psamatbos* (см. комментарий к с. 11), обыгрывая при этом английскую идиому «to mind one's Ps and Qs» — «соблюдать осторожность в словах и поступках, вести себя осмотрительно»: ведь все неприятности Ровера начались с того, что пёсик не сказал Артаксерксу «пожалуйста».

Фотографии были... цветные... — В те времена цветных фотографий в газетах не было.

«Иллюстрированные еженедельные водоросли», фигурирующие в списке подводных газет, — это предположительно намёк на «Иллюстрированные лондонские новости».

- С. 58 *Уин, старейший из Правильных Китов.* — См. с. хix. Китобои называют «правильным китом» (right whale) того кита, которого следует убивать, т. е. кита семейства Balaenidae: он даёт много китового уса, и его легко добыть.

- С. 61 *ВАЛЕТ* — в оригинале РАМ. К. Скалл и В. Хэммонд считают, что это намёк на прозвище прославленного британского политика и премьер-министра лорда Пальмерстона (1784—1865). Однако слово «рам» существует и как имя нарицательное — «название трефового валета, особенно при игре в мушку, где эта карта является главным ко-

зырем» (*Oxford English Dictionary*), и употребляется оно в английском языке в том числе и в переносном смысле, к примеру, «he is like ram at loo».

- С. 62 *...земная собачка, не морская!* — Роверандом, конечно, и в самом деле собака, но тут Толкин обыгрывает ещё и жаргонное выражение «морской пёс» (*sea-dog*), обозначающее моряка.

- С. 64 *Прилипала* — рыба, которая цепляется к акуле, плавает на ней и додает за ней остатки. В оригинале речь шла о «блюдечках» (*limpets*) — моллюсках, крепко цепляющихся за скалы (так ещё называют чиновников-бюрократов, крепко держащихся за своё место).

...искусство его было хоть и не самой высокой пробы, но всё-таки требовало известной практики. — Толкин исходит из предположения, что «магия» Артаксеркса имеет свои пределы. В самом раннем варианте отрывок, предшествующий этим словам, содержал одно уточнение, выделенное здесь курсивом: «Артаксеркс и вправду был хорошим волшебником — на свой, *трюкачески-колдовской*, лад (иначе Ровер никогда бы и не угодил во все эти приключения)». В эссе *О волшебных историях* (первые опубликовано в 1947 г.) Толкин с презрением писал о «колдовстве высшего класса», противопоставляя ему истинную магию (которой обладают Песчанес и Человек-с-Луны).

- С. 65 *...корабль был... с резным драконом на носу, и назывался корабль «Алым Драконом»...* — История морпса отчасти основывается на саге XIII в. об Олафе Трюггвасоне, рассказанной Снорри Стурлусоном в «Круге земном». Олаф Трюггвасон — конунг, правивший Норвегией с 995 по 1000 год н. э., потерпел поражение в морском сражении. Он прыгнул в воду со своего корабля, «Длинного Змея» (или «Длинного Дракона»), но согласно легенде не утонул, а доплыл до берега и впоследствии стал монахом где-то не то в Греции, не то в Сирии. В рукописном варианте *Роверандома* корабль так и назван «Длинный Дракон», и именно так Толкин называл корабль конунга Олафа, читая в 1938 году в Университетском музее Оксфорда лекцию о драконах.

У конунга Олафа был пёс, Виге, который умер от горя, когда его хозяин пропал.

- С. 66 *...его подхватили русалки...* — По легенде русалки любят утаскивать смертных людей на дно моря и похищать их души. Толкин отличает «златокудрых русалок» от «черновласых сирен» (с. 61), их мифологических предшественниц.

- С. 67 *Оркнеи* — группа островов, расположенных к северо-востоку от Шотландии. В VIII—IX вв. были заселены викингами, в 1476 г. присо-

единены к Шотландии.

С. 70 *Это, как я полагаю, Тихий океан...* — Действительно, все упомянутые морпсом географические объекты находятся в Тихом океане или на его побережье: Япония, Гонолулу — на Гавайских островах, Манила — на Филиппинах, остров Пасхи — к западу от Перу, остров Четверга — у северной оконечности Квинсленда в Австралии и Владивосток — в России. *...у них там и вулканы есть...* — В августе 1925 г., за месяц до того, как Толкин начал рассказывать своим детям *Роверандома*, в Эгейском море вблизи острова Санторин произошло извержение подводного вулкана.

С. 71 *...волшебник превратил бы его в голотурию или отправил бы куда-нибудь на другую сторону Нигде (где бы это ни было) или в Котёл (а это такая яма на дне самого глубокого моря).* — В самом раннем варианте говорится, что Роверандом «не знал, что до тех пор, пока на нём лежит самое сильное заклинание Артаксеркса, волшебник не может больше ничего наколдовать на него». Но этого быть не может — ведь Артаксеркс уже «колдовал» на Роверандома во второй раз, когда превращал его в морпса.

«Другая сторона Нигде» (*Back of Beyond*) — так говорят о каком-нибудь месте, расположенном очень-очень далеко. «Отправить в котёл» (*to go to pot*) означает «разрушить» или «уничтожить». Но чуть дальше говорится, что Котёл — одна из двух пещер, в которых только и мог поместиться Морской Змей. Возможно, тут Толкину вспомнилось диалектное значение слова *pot* — «глубокая дыра, бездна, преисподняя». Голотурия, или морской огурец — морское животное из отряда иглокожих.

С. 74 *...разглядели вдалеке на самом далёком Западе Горы Дома эльфов...* — См. с. xviii—xix. В самом раннем варианте было написано так: «И кит отвёз их в Залив Волшебной страны, лежащий за Волшебными Островами, и они увидели вдали на Западе Берега Волшебной страны и Горы Последней Земли и свет волшебных земель, разлившийся над волнами». Согласно мифологии Толкина Тенистые Моря и Волшебные Острова стерегут и скрывают от взгляда смертных Аман (Дом эльфов, а также обиталище валар, или богов). Хорошая иллюстрация к этой географии, разработанной в тридцатые годы, содержится в *Амбарканте (Устроение Средиземья, 1986 г., с. 249)*.

Внешние Земли (Outer Lands). — См. с. xix. В ранних черновиках Толкин использовал выражение «обычные земли» (*ordinary lands*).

Единственное, что Артаксеркс делал, как рыба, так это пил... —

Имеется в виду, что он злоупотреблял алкоголем.

- С. 75 *Древний Морской Змей проснулся... протянулся бы от Края до Края...* — Аллюзия на Мирового Змея Йормунганда из скандинавской мифологии, который обвивается вокруг всего мира. См. также описание Левиафана в «Книге Иова» (гл. 41): «Когда он поднимается, силы-чи в страхе».

Толкин так и не решил, следует ли писать слово «край» применительно к границе плоского мира в *Роверандоме* с большой буквы или с маленькой. Мы везде писали его с маленькой, за исключением «от Края до Края» на с. 75, где заглавные буквы нужны для прояснения смысла предложения.

- С. 76 *Пелагический* — происходящий из моря. Список эпитетов от «первобытного» до «дурацкого» отражает широкий спектр мнений специалистов касательно легенд о морских змеях. Он также напоминает о замечании Толкина из его лекции *Чудища и критики*, прочитанной в 1936 г., — о «полной неразберихе», царящей во мнениях критиков о *Беовульфе*.

...материк утонул в море. — Вероятно, имеется в виду Атлантида, поскольку затонувший остров Нумэнор появился в мифологии Толкина позднее, а эта фраза присутствовала уже в самом раннем варианте *Роверандома*.

Не успел он выйти из экипажа, как увидел торчащий оттуда самый кончик Змеева хвоста... Этого ему хватило... — Точно таким же образом натывается на хвост дракона Хризофилакса пёс Гарм в сказке Толкина *Фермер Джайлс из Хэма*: «Гарм уткнулся прямиком в хвост только что приземлившегося [дракона] Хризофилакса Великолепного. Гарм тут же поджал собственный хвост и ринулся домой с такой скоростью, с какой ещё не бегал ни один пёс на свете» (пер. О. Степашкиной).

...пока Змей не развернулся... — Здесь обыгрывается английская поговорка «червяк — и тот разворачивается» (то есть даже самое слабое существо набросится на своих мучителей, если его довести). Но тут эта поговорка применяется к могущественному Морскому Змею. В англосаксонских и скандинавских мифах слово «червь» (*worm (wyrm)*) было обычным обозначением дракона или змея.

- С. 77 *Литофина* — брюхоногий моллюск со спиралевидно закрученной раковинкой.

- С. 78 *...Морской Змей ворочался, рассеянно пытаясь во сне засунуть в пасть кончик хвоста.* — Здесь Толкин вспоминает уробороса — древний символ вечности, единства и обновления — змея, пожирающего собственный хвост.

- С. 81 *...морских собак, морских котиков, морских коров...* — Хотя можно

подумать, что магия Артаксеркса превратила рыб в созданий наполовину сухопутных (как и сам Артаксеркс), на самом деле почти все эти животные действительно обитают в море.

С. 83 *Как насчёт моего прежнего вида..?* — Описание событий, последовавших за просьбой Роверандома, сделалось подробнее начиная со второго (первого машинописного) варианта сказки. В самом раннем варианте волшебник просто «подхватил Роверандома, трижды повернул его и сказал «Получилось, вот и ладушки!» — и Роверандом обнаружил, что снова сделался точно таким же, каким был до встречи с Артаксерксом». Но тогда получается, что Артаксеркс (которому в этом варианте тоже нужно уничтожить заклинание) — вовсе не заурядный трюкач (см. примечание к с. 64).

С. 87 *...палатки для переодевания и купальные повозки...* — В двадцатые годы из соображений скромности не принято было переодеваться в купальник на пляже. Переодевались в специальных палатках или в повозках, подвозимых к краю воды. Купальщики заходили в повозку со стороны пляжа, переодевались внутри и выходили через противоположную дверь прямо в море.

Машина за машиной проносились мимо... со всей возможной скоростью (и всей возможной пылью и вонью). — На протяжении всей книги Толкин высказывает беспокойство по поводу загрязнения окружающей среды и последствий прогресса цивилизации. Человек, испугавшийся дракона, намусорил на вершине Сноудона; Ньёрд кашляет от мазута; Артаксеркса хвалят за то, что он убирает мусор с пляжа. Дорожное движение в те времена было гораздо менее интенсивным, чем в наши дни, но достаточно интенсивным, чтобы резко не нравиться Толкину. См. стихотворение *Прогресс в Бимбл-тауне* (опубликовано в 1931 г.), которое, согласно Х. Карпентеру, отражает чувства Толкина по поводу того, что он увидел в приморском городке Файли, где побывал в 1922 г. (и где начинается действие *Роверандома*). Вот что он увидел в витринах Бимбл-тауна:

Засилье жвачек, сигарет
(Обёртки, фантики, картон
Устали густо пляж морской);
Гарь гаражей, где лязг и звон
Не умолкает день-деньской;
Ревут моторы по ночам,
Огни спят — тут не до сна!

Порой сквозь гул, и гвалт, и гам
Мальчишек визготня слышна;
Порой, чуть в воздухе ночном

Затихнет воющий гудок,
Уловишь (но с большим трудом),
Как море плещет о песок.
Чем? Стелет шелухи ковёр,
Несёт обёртки от конфет,
Огрызки, корки, прочий сор,
Полощет банку и пакет.
А там туристы — дайте срок! —
Вновь хлынут с наступленьем дня.
Потянется машин поток,
Дымя, пыхтя, гудя, звоня,
В Богзнаетгде веза народ,
И в Бимбл-таун, и в Имплевать,
Где к дому дом теснится, льнёт,
Где прежних улиц не узнать.



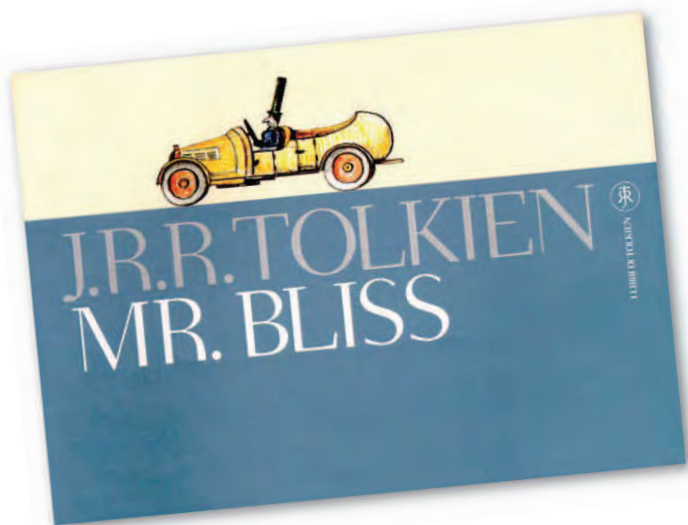
Дж. Р. Р. Толкин
Сады возле дворца Морского Короля



Роналд и Кристофер, 1928 год

Мистер Блосс

Перевод И. Хазанова



Предисловие

М*истер Блосс* — ещё одна из историй, рассказанных Дж. Р. Р. Толкином своим детям в 1920—1930 годы. В отличие от многих других она была записана и не просто записана, а, можно сказать, «зарисована»: сделав тетрадку из сложенных пополам больших листов бумаги, Толкин изложил в ней эту историю и дополнил её картинками, красив наброски, сделанные карандашом или чёрными чернилами, цветными карандашами и разноцветными чернилами.

Что же послужило источником этого простенького, но забавного повествования о человечке, который носил высокие цилиндры и купил автомобиль без фар?

Как в случае с Ровером-Роверандомом и Томом Бомбадилом, прототипами ряда персонажей *Мистера Блосса* послужили игрушки детей Профессора: об этом позднее вспоминали его родные. В частности, игрушечная машинка с водителем была одно время любимой игрушкой маленького Кристофера Толкина.

Однако в 1932 году семейство Толкинов обзавелось настоящим автомобилем. Это был почтенный «Моррис», прозванный «Старым Джо» (по первым буквам номера); в скором времени его сменила усовершенствованная модель, «Джо 2». Тогда не было никаких экзаменов на права, и Толкин сел за руль, как только научился водить. Однако вести машину у него получалось едва ли лучше, чем у мистера Блосса.

Особенно выдающейся в этом отношении стала поездка под Ив-



Джо 2

шэм, к брату Хилари. Расстояние было не очень большим, однако за несколько миль Толкин не только съёс каменную стену, съехав с дороги, но ещё и проколол шину. В те времена нелегко было найти ремонтную мастерскую, и неудивительно, что из-за происшествия и долгого ожидания часть семьи не пожелала возвращаться в Оксфорд на автомобиле. «В результате Эдит в течение нескольких месяцев отказывалась вновь садиться в машину; и недаром, поскольку водителем Толкин был скорее отважным, нежели искусным. Если ему предстояло пересечь оживлённую улицу в Оксфорде, чтобы попасть в переулок, он устремлялся вперёд очертя голову, не обращая внимания на все прочие машины» (Дж. Р. Р. Толкин: *Биография*, стр. 249). И всё-таки Толкины иногда выбирались на машине попить чаю в сельской гостинице, вроде той, в которой пьют чай герои *Мистера Блисса*, или на лоно природы: недаром пейзажи в книжке-картинке — вполне реалистичные, изображающие деревни, холмы, гостиницу, садики, огороженные стеной, — напоминают пейзажи тогдашней Англии, а точнее — западного Мидленда, окрестностей Ившэма. Вполне возможно, что *Мистер Блисс* был записан и нарисован либо во время одного из посещений фермы Хилари Толкина, либо вскоре после такого визита.

Другие персонажи *Мистера Блисса*, три медведя Арчи, Тедди и Бруно — это игрушечные мишки, принадлежавшие сыновьям Толкина, Джону, Майклу и Кристоферу. На иллюстрациях хорошо видно, что медведи — и в самом деле игрушки: на брюшках заметны швы и глаза стеклянные. Когда однажды во время поездки в отпуск Толкин вёл «Джо 2», доверху набитого всяким багажом, сидя за рулём в окружении мягких игрушек Присциллы, кто-то поинтересовался у Толкина — уж не коммивояжер ли он, торгующий игрушечными медведями?

Загадочный жирэббит-жиролик, длинношей и пятнистый как жираф, но похожий также и на кролика, возможно, тоже обязан своим появлением на свет какой-нибудь детской игрушке, однако слово «джирэббит» (жираф + кролик) подозрительно напоминает слово «хоббит»: хотя жиролик — животное, а хоббит — разновидность человека, оба они тем не менее живут в норах, любят поесть и боятся медведей.

Имеется в *Мистере Блиссе* и ещё один персонаж, напоминающий о мире *Хоббита* и *Властелина Колец*: в числе уличных зевак, глазеющих на спор мистера Бинкса с сержантом Боффином, упомянут Папаша Гэм-

джи (Gaffer Gamgee). Как известно, впоследствии так стали звать отца Сэма Гэмджи.

Наконец, в качестве курьёза можно упомянуть о мяснике Оллобуэне (буквально «Одни кости»), который хоть и не упомянут в тексте *Мистера Блисса*, но зато его вывеска и сам он нарисованы на картинке 36. Такое же прозвище — Олл-боун — получил от своих одноклассников Альбоин Эррол, персонаж незаконченной повести о «путешествии во времени» *Утраченный Путь*, начатой в 1936 году.

В том же 1936 году Толкин предложил своим издателям, фирме «Аллен и Анвин», в качестве «преемника» *Хоббита* уже готового *Мистера Блисса*. Несмотря на то, что Толкин был скромного мнения о своих художественных способностях: «картинки, по-моему, доказывают только то, что автор не умеет рисовать», — «Аллен и Анвин» были готовы опубликовать книжку, однако стоимость цветных иллюстраций сделала бы книгу слишком дорогой. Толкина попросили перерисовать иллюстрации — сделать их покрупнее и использовать только три цвета, не считая чёрного. Но Толкину эта идея не понравилась: «Три цвета — это катастрофа. Без зелёного не обойтись, медведи требуют коричневого. А что нарисуешь, оставшись вместо красного, синего и жёлтого только с одним из этих цветов?» Кроме того, у него не было на это времени: «Легче писать урывками, чем рисовать (хотя и писать нелегко)»¹. Переписка на эту тему продолжалась ещё несколько лет, но ни к чему не привела: так «многоцветность» *Мистера Блисса* задержала его публикацию более чем на сорок лет.

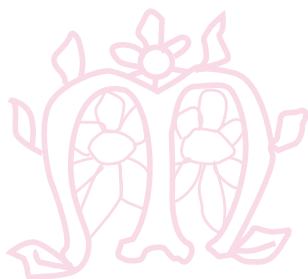
Позднее Толкин проникся неприязнью к идее публикации *Мистера Блисса*, считая его шуткой, имеющей узко личное значение. В 1958 году он продал рукопись в США, университету Маркетта, вместе с рукописями *Властелина Колец*, *Хоббита* и *Фермера Джайлса из Хэма*. Опубликован *Мистер Блисс* был лишь через девять лет после смерти автора, в 1982 году.

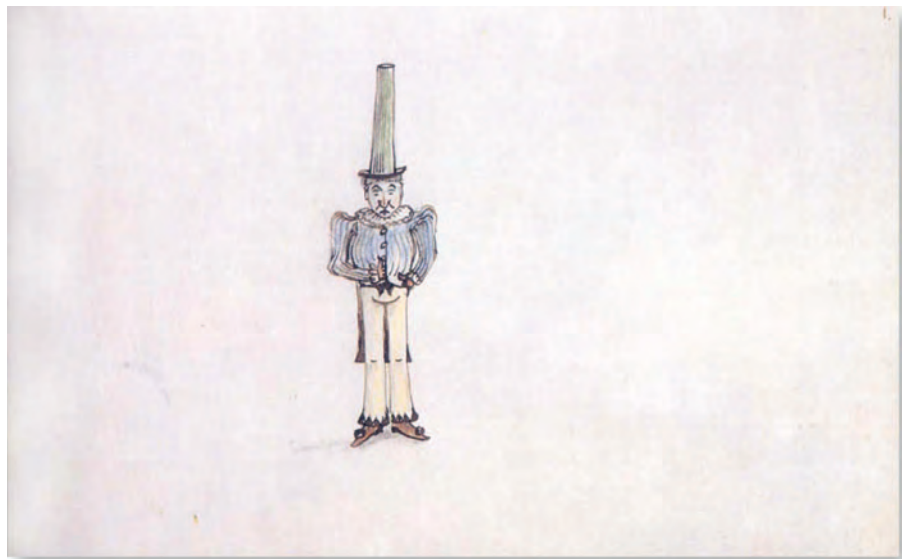
На русском языке *Мистер Блисс* был впервые напечатан в «Литературной газете» (за 27 декабря 1995 года), в переводе Олега Битова, однако перевод этот неполон. Мы публикуем полный перевод *Мистера Блисса*, прилагая к нему страницы оригинальной авторской рукописи, поскольку эта история являет собой нерасторжимое единство текста и рисунка.

С. Таскаева

¹ Письма Дж. Р. Р. Толкина цитируются по книге К. Скалл и В. Г. Хэммонда Дж. Р. Р. Толкин: *Художник и Иллюстратор* (1995).

Mr. Bliss.





Mr. Bliss—

*М*истер Блiss...

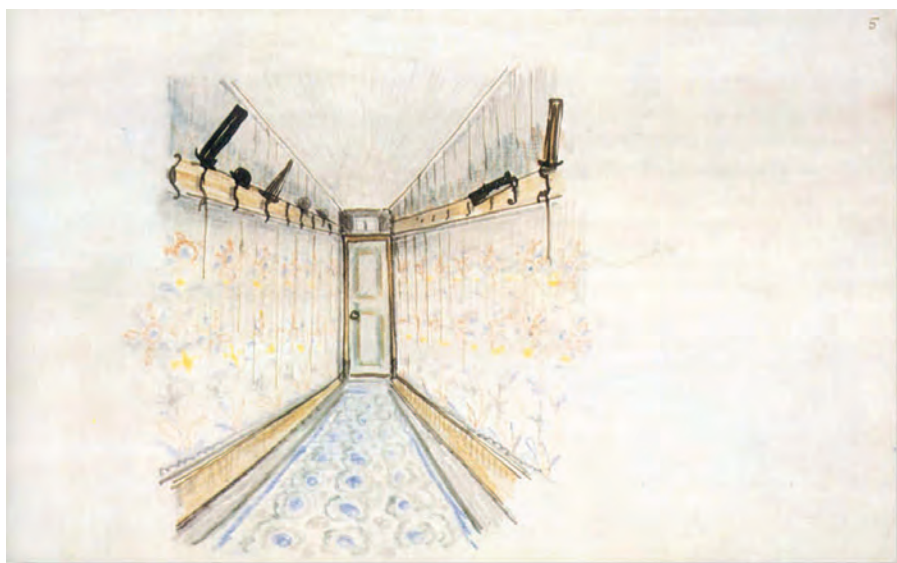






Lived in a house. It was a white house with red roofs. It had tall rooms, and a very high front door, because Mr. Bliss wore such tall hats. He had rows of them on rows of pegs in the hall.

...Жил в доме, белом доме с красной крышей. Потолки там были высокие и входная дверь тоже очень высокая, потому что мистер Блiss носил ужасно высокие шляпы. В прихожей они висели рядами.



One day Mr. Bliss looked out of the window early in the morning. "Is it going to be a fine day?" he asked the girabbit (which he kept in the garden, but its head often looked in at the bedroom window).

"Of course it is!" said the girabbit. All days were fine to it, for its skin was of mackintosh, and he had made a deep, deep, hole in the ground, and he was blind, so he never knew whether the sun was shining or not. As a matter of fact he usually went to bed after breakfast and got up for supper, so that he knew very little about the daytime.



Однажды рано утром мистер Блисс выглянул в окно.

— А что, денёк будет погожий? — спросил он у жиролика (которого держал в саду, но голова жиролика часто заглядывала в окна спальни на втором этаже).

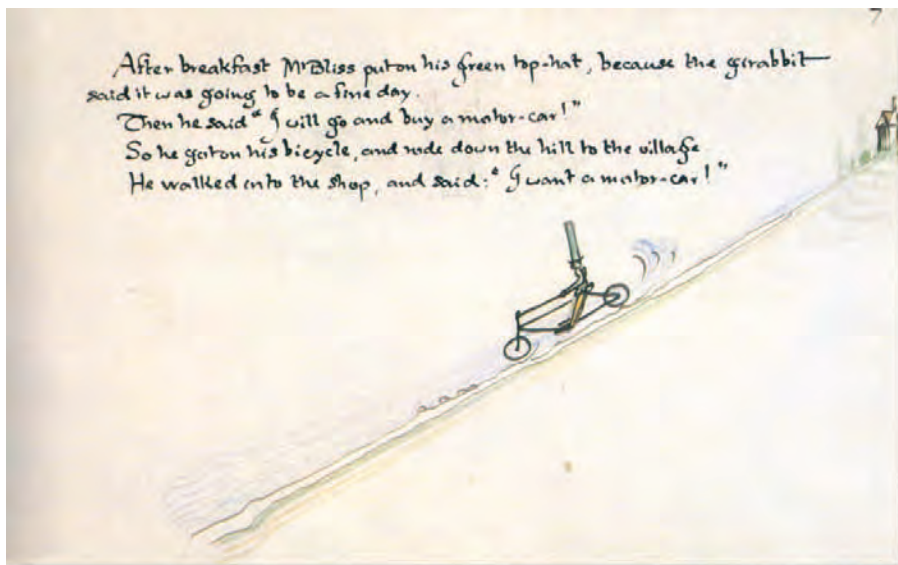
— Конечно! — сказал жиролик. Все дни ему были погожи, потому что шкура у него была как макинтош. Он вырыл в земле глубокую-преглубокую нору и вообще был слепой, и потому никогда не знал, светит солнце или нет. По правде говоря, жиролик обычно ложился спать после завтрака и просыпался только к ужину, так что знал о дне очень немного.

After breakfast Mr Bliss put on his green top-hat, because the grabbit
said it was going to be a fine day.

Then he said "I will go and buy a motor-car!"

So he got on his bicycle, and rode down the hill to the village.

He walked into the shop, and said: "I want a motor-car!"



После завтрака мистер Блосс надел зелёный цилиндр, по-
скольку жиралик обещал погожий денёк. И сказал:

— Пойду-ка куплю себе авто!

Он вскочил на велосипед и покати́л по склону холма вниз,
в деревню.

Вошел в магазин и сказал:

— Я хочу авто!



"What colour?" said Mr. Binks. "Bright yellow," said Mr. Bliss, "inside and out."

"That will be five shillings," said Mr. Binks.

"And I want red wheels," said Mr. Bliss.

"That will be sixpence more."

"Very well," said Mr. Bliss; "only I have left my purse at home."

"Very well, then you will have to leave your bicycle here; and when you bring your money you can have it back."

It was a beautiful bicycle, all silver — but it had no pedals, because Mr. Bliss only rode down hill.

— *Какого цвета?* — спросил мистер Бинкс.

— *Ярко-жёлтого!* — ответил мистер Блосс. — *Снару-
жи и внутри!*

— *С вас пять шиллингов,* — сказал мистер Бинкс.

— *Ещё я хочу красные колёса!* — добавил мистер Блосс.

— *Это будет шестипенсовиком больше.*

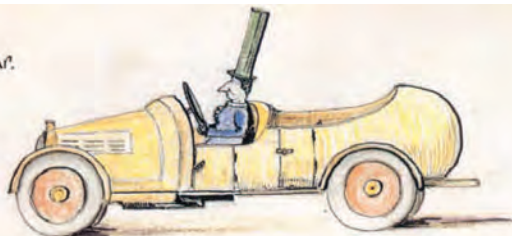
— *Отлично,* — сказал мистер Блосс. — *Только я забыл
дома кошелек.*

— *Отлично, но тогда вам придётся оставить здесь вело-
сипед; а когда принесёте деньги, заберёте его обратно.*

*Это был красивый велосипед, весь серебристый — зато
без педалей, потому что мистер Блосс ездил только вниз по
склону.*

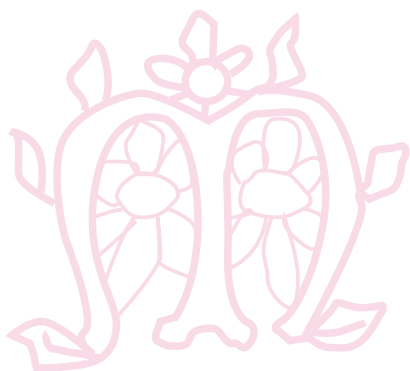


Mr Bliss's motor car.



Mr. Bliss got into the motor car and started off. Soon he asked himself :
"Where are you going to Mr. Bliss?"
"I don't know, Mr. Bliss," he answered himself.
"Let's go and visit the Dorkinses, and give them a surprise!"
"Very well!" said Mr. Bliss to himself, "very well!"

Автомобиль мистера Блесса.



*М*истер Блосс уселся в авто и поехал. Скоро он спросил сам себя:

— Куда это вы собрались, мистер Блосс?

— Не знаю, мистер Блосс, — ответил он сам себе.

— Давайте съездим провести Доркинсов, устроим им сюрприз!

— Отлично! — сказал сам себе мистер Блосс. —
Замечательная идея!



*Т*ак что на следующем повороте он резко свернул направо — и врезался прямо в мистера Дэя: тот выкатывал с огорода тачку с капустой. Здесь нарисовано, что произошло.



So he had to pick up Mr. Day and put the cabbages on the back of the motor car. Mr. Day said he was too bruised to walk. Now he went on again, and turned sharp round the second turning to the left, and ran slap into Mrs. Knight with her donkey-cart piled with bananas. The cart was smashed. So he had to pile the bananas on top of the cabbages, and Mr. Knight on top of Mr. Day, and tie the donkey on behind the car.



Так что ему пришлось посадить в машину мистера Дэя и сложить капусту на заднее сиденье. Мистер Дэй сказал, что сильно расшибся и идти не может.

Мистер Блисс поехал дальше, резко свернул на втором повороте налево и с размаху налетел на миссис Нэйт и её ослика, который вёз тележку с бананами.

Тележка развалилась. Пришлось мистеру Блиссу погрузить бананы на капусту, миссис Нэйт — на мистера Дэя, а ослика привязать сзади к авто.

The Car was now very full and would not go very fast. Soon they came into the wood, because the road ran through the middle of it.



*П*ерегруженное авто тащилось ужасно медленно, однако вскоре они въехали в лес, поскольку как раз через чащу дорога и пролегала.

Of course the bears came out, and stood in the middle of the road and waved their arms: Archie and Teddy and Bruno.



ARCHIE

TEDDY

BRUNO

АРЧИ ТЕДДИ БРУНО

И конечно же, из лесу выскочили медведи. Они встали посреди дороги и замахали лапами: это были Арчи, Тедди и Бруно.

14
So Mr. Bliss had to stop, because he could not get by without running over them.

"I like bananas," said Teddy.

"And I like cabbages," said Archie.

"And I want a donkey!", said Bruno.

"And we all want a motor-car," they all said together.

"But you can't have this motor-car; it's mine," said Mr. Bliss.

"And you can't have these cabbages — they're mine," said Mr. Day.

"And you can't have these bananas, or this donkey — they're mine," said Mr. Knight.

"Then we shall eat you all up — one each!", said the bears.

Of course they were only teasing; but they rolled their yellow eyes, and growled, and looked so fierce that Mr. Bliss was frightened (and so was Mr. Day and Mr. Knight). So they gave the bears the cabbages and the bananas.

Archie and Teddy piled them on the donkey and took them away to their house in the wood. Bruno sat and talked to Mr. Bliss. Really he was watching to see Mr. Bliss did not drive away before Archie and Teddy came back.



*П*ришлось мистеру Блиссу остановиться, чтобы не задавить их.

— Я люблю бананы, — сказал Педди.

— А я люблю капусту, — сказал Арчи.

— А я хочу ослика! — крикнул Бруно.

— А авто хотим мы все, — произнесли медведи хором.

— Но вы не можете забрать это авто; оно моё, — возразил мистер Блосс.

— И капусту вы не можете взять, она моя, — сказал мистер Дэй.

— И бананы с осликом вы тоже не можете забрать, они мои, — добавила миссис Найт.

— Тогда мы вас съедим, выйдет каждому по одному! — сказали медведи.

Конечно, медведи только грозились; но когда они выкатили свои жёлтые глаза и зарычали, вид у них был такой свирепый, что мистер Блосс испугался (да и мистер Дэй с миссис Найт тоже). Так что пришлось отдать медведям и капусту, и бананы.

Арчи и Педди взвалили их на ослика и увезли к себе домой, в лес. Бруно сидел и беседовал с мистером Блоссом. Вообще-то, он следил, чтобы мистер Блосс не уехал, пока Арчи и Педди не вернутся.

When they came back the beans said: "Now we want a motor-ride!"
 "But I am going to see the Dorkines", said Mr Bliss, "and you don't know them."
 "But we could know them", said Archie.

So Mr Bliss had to let them all get in at the back, and there was such a squash that Mrs Knight had to sit in front by Mr Bliss, and he was so squeezed he could hardly steer.

Then they started off again, and came out of the Wood to the top of the Hill, because the road ran straight up it and down the other side.



Mr Bliss motor car drawn by going up the hill and rushing down the other side.

Авто мистера Блесса здесь нарисовано два раза:
 сначала оно едет вверх по склону, а потом катится вниз.



Возвратившись, медведи сказали:

— А теперь мы хотим прокатиться на авто!

— Но я еду к Доркинсам, — возразил мистер Блосс, — а вы с ними незнакомы.

— Так познакомимся! — ответил Арчи.

Мистер Блосс — деваться некуда! — усадил всех на заднее сиденье, и теснотища была такая, что миссис Найт пришлось втиснуться рядом с мистером Блоссом. Она так его прижала, что он с трудом вёл машину.

И они снова тронулись в путь и выехали из Леса прямо на вершину Холма, потому что дорога сначала вела вверх, а потом вниз.



Бедного ослика снова привязали сзади. Сначала он не слишком возражал, так как с шестью пассажирами авто ехало в гору медленно. Но когда они добрались до вершины и покатились вниз (поскольку Доркинсы жили у подножия холма), тут-то и начались неприятности. Миссис Найт так придавила мистера Блесса, что тот не мог нажать на тормоза. Они мчались со свистом, а вслед за ними, привязанный на верёвке, летел по воздуху ослик! Авто неслось всё быстрее и быстрее, пока не врезалось в стену сада Доркинсов! Все пассажиры перелетели через стену вверх тормашками, все — кроме ослика, который совершил сальто и приземлился прямо в авто. Вот так: —————.

The poor donkey was tied on behind again. He did not much mind at first, because with six inside the motor did not go very fast up hill. But when they came to the top of the hill, and began to go down (because the Dorkinss lived at the bottom) it was very different. Mrs. Bliss was so squeezed by Mrs. Knight he could not put on the brakes. Soon they began to whizz and the Donkey was dragged flying through the air. Faster and faster they ran, until they crashed plump into the Dorkinss' garden wall. They all shot out head first, and flew over the wall, all except the donkey, who turned a somersault into the car. Like this: —————.

The cabbages and bananas are not in the picture, ~~because the bears had hidden them~~, of course — the bears had hidden them all in the wood.



Капуста и бананы здесь, конечно, не нарисованы, ведь медведи спрятали их в Лесу.



The Dorkinises

were the other side of the wall, sitting on their beautiful lawn on little stools. They were eating soup out of little bowls, and their lovely carpet was spread on the grass. They were fat people: but one of them was specially fat, and he

Доркинсы как раз расположились на красивой лужайке по другую сторону стены, сидя на маленьких табуретках. Они ели суп из плошечек, расстелив на траве свой красивый коврик. Ох и толстые же они были; но один из них уродился толще всех прочих; он

was known as the fat Dorkins (or just Fattie). He had curly black hair; and wore no coat, because he split coats, when he tried to get into them. So he went about in a dirty shirt with yellow spots and misleaves. The second fattest Dorkins (who was called Albert) is on the left; his legs were very short. Herbert is the one on the far side of the soup-tureen. He looks so horrified because he has just swallowed a beetle that got into his soup. Egbert is the one with a green jacket. He also looks cross, because there is another beetle on the lovely carpet. (You can see he is just going to smack it with his spoon). But Albert looked much more horrified a second later, and the beetle was squashed very flat. Not by Egbert! It was just then that Mr Blissard and his party fell out of the sky onto the Dorkins, the soup, the beetle, and the lovely carpet.





гордо звался Толстый Доркинс (или просто Толстяк). У него были кудрявые чёрные волосы, и он не носил курток, потому что при примерке они все лопались. Поэтому он ходил в безрукавке, белой в жёлтый горошек. Второй по толщине Доркинс (по имени Альберт) сидит слева; ноги у него очень короткие. А по ту сторону супницы устроился Терберт. Он в ужасе, поскольку только что проглотил жука, который упал ему в суп. Четвёртый, Эгберт, в зелёном жакете. Он тоже сердит, потому что заметил на красивом коврике другого жука (видите, он собирается прихлопнуть его ложкой?). Но через секунду Альберт перепугался ещё сильнее, а жука раздавили напрочь. Только не Эгберт, нет! Это мистер Блiss и вся его компания свалились с неба на Доркинсов, суп, жука и красивый коврик.

inside,
I mean

Mr Bliss fell face downwards on the bath. Mr Day knocked Albert over and stood on his head on the lovely carpet. Bruno sat down bump. Archie sat on Herbert. Mrs Knight sent Egbert over backwards. But Teddy put his head bang through the lid of the lureen, and soup splashed all over him, and got into both his eyes.

The Doinkinses were quite bowled over — and angry asurfy, because nobody had fallen on him. Though he lost of soup, he laughed very loud. That only made Albert all "Next time you come" he said to Mr Bliss, "go to the front and don't throw people out of a bathroom onto our piece!"

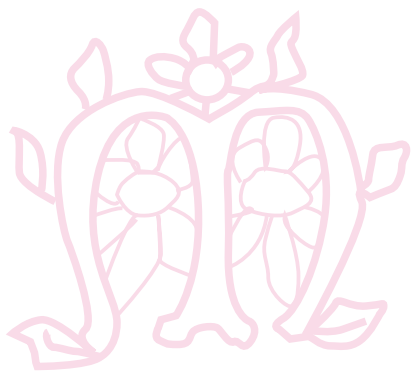


Enthe was last
his hand helping
the angrier.
door and my,

"We didn't come in a balloon — I brought my friends in a motorcar, and we left it at the gate!"

"Thank goodness" said Egbert. "A motorcar on the lovely carpet — would have been too much to bear. I believe one of your friends is sitting on a beetle!"

Then Mrs Knight jumped up with a shriek, although she had been lying on her back crying "O my bananas — all my bones are broken!" She would not sit down, till Mr Bliss showed her the beetle squashed on his front. By that time ^{Archie} ~~Teddy~~ had licked himself clean of soup; Mr Day had found his hat, and was sitting up again; and Bruno (who was



*М*истер Блосс упал лицом прямо на жучка. Мистер Дэй сбил Альберта и остался стоять на красивом коврикe головой вниз. Бруно шлёпнулся на спину. Арчи (то есть Педди!) уселся верхом на Герберта. Миссис Нэйт опрокинула Эгберта. А Педди (то есть Арчи) пробил головой крышку супницы и весь измазался в супе, аж по самые глаза.

Измучённые Доркинсы ужасно рассердились — а уж насупились-то как! Полстяк рассердился меньше прочих, потому что на него никто не упал. Хотя он и лишился третьей добавки супа, зато хохотал от души. От этого Альберт разозлился ещё пуще.

— Когда придёте в следующий раз, — сказал он мистеру Блосу, — идите к входной двери и звоните, а не прыгайте на наш пикник с воздушного шара!

— Мы прибыли не на воздушном шаре: я привёз моих друзей на авто, мы оставили его у калитки.

— Премного благодарны, — сказал Эгберт. — Авто на красивом коврикe — это было бы слишком. Кажется, кто-то из ваших друзей сидит на жучке.

Пут миссис Нэйт с воплем подпрыгнула, хотя до того, лёжа на спине, она только всхлипывала — «Ох, мои бананы... Ох, я себе все кости переломала!». Она не пожелала присесть, пока мистер Блосс не показал ей жучка, которого он расплющил собственным лбом. Тем временем Арчи облизал с себя суп; мистер Дэй нашёл свою шляпу и снова принял сидячее положение; а Бруно (который был

ещё мал) рвал ромашки. Тогда мистер Блiss представил их всех Доркинсам, Доркинсы (они были люди очень вежливые), сказали:

— Рады познакомиться; надеемся, у вас всё в порядке. Прекрасная погода, не правда ли? Не останетесь ли на ланч?

Ничего этого они взаправду не думали (кроме как о погоде: жиролик случайно оказался прав). Но мистер Блiss и миссис Нйт ответствовали:

— Премного благодарны.

А медведи заявили:

— А мы бы прогулялись по вашему прекрасному саду, если не возражаете.

Тогда Доркинсы принесли ещё много-много супа, пирожные, квашеную капусту и банановые оладьи, и все они, усевшись на траву, принялись за еду. Кроме медведей, которые куда-то подевались.

После ланча они отправились прогуляться по саду. Но там не было и следа медведей, и тогда все пошли в огород.



ven little) was picking daisies. So Mr Bliss introduced them all to the Dorkinses, and the Dorkinses, who were very polite, said: "Pleased to meet you; we hope you are quite well. Is it a lovely weather, and want-must stay to lunch?" They did not really mean any of it very much (except the part about the weather — for the girabbit had, by accident, been quite right). But Mr Bliss and Mrs Knight said: "Thank you very much." And the bears said "We would rather walk round your beautiful garden, if you don't mind." So lots more soup was brought out, and cakes, and pickled cabbages and banana-fritters, and they all sat on the grass and ate. Except the bears who disappeared.

After lunch they walked round the garden. There was no sign of the bears, till they came to the kitchen-garden.

This is just a glimpse of what they saw there.

The three bears fast asleep under a large apple-tree.



They were snoring, and their tummies were frightfully full.

There was only one little row of cabbages left in all the great big garden.

The bears had eaten all the rest, and lots of green apples, and new potatoes.

И что же они там увидели!
 При медведя крепко спят под большой яблоней.
 Они хрюпают, а животики у них страшно раздулись.
 И на всём большом-пребольшом огороде уцелела только
 одна небольшая грядка капусты!
 Всё остальное съели медведи, и ещё целую гору зелёных
 яблок и сырой картошки.

The Dorkings were really and truly angry this time, because Archie had not even left the purple cabbages they used for pickling.

So they shook the bears, and woke them up,



and told them to go away at once.

'What nasty cross people your friends are, Mr Bliss' said Archie. 'They ask you to lunch and then are angry if you eat it. We are going to finish our nap!'

They all lay down under the tree again and would not move. But the crossiest Dorking, Albert, let loose the dogs.



На сей раз Доркинсы рассердились не на шутку, поскольку Арчи съел даже лиловую капусту, которую они так любили в квашеном виде.

Так что они растолкали медведей и велели им немедленно убираться прочь.

— С какими гадкими и сердитыми людьми вы дружите, мистер Блiss, — сказал Арчи. — Они зовут вас на ланч, а потом злятся, если вы его кушаете. Мы будем дальше спать.

Они все снова улеглись под деревом и вставать упрямо не хотели. Но самый сердитый Доркинс, Альберт, натравил на них собак,

Then the bears woke up very suddenly and scrambled over the wall and ran away as hard as their legs would carry them. Luckily for them the gates were all shut, and the Dorkinses did not let the dogs into the road.

"Never mind," they called back, "we have got lots of cabbages and bananas at home."



*В*от тогда-то медведи сразу проснулись, перелезли через стену и побежали со всех ног. Им повезло, что все калитки были закрыты, а на дорожку Доркинсы собак не пускали.

— Ничего, — кричали медведи, — дома у нас полно капусты и бананов!

'My cabbages!', shrieked Mr Day.

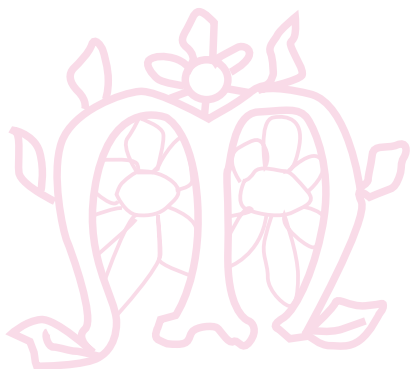
'My bananas!' shrieked Mrs Knight. 'Drot the bears; I am a-going after them!'

'But they will eat you all up', said Mr Bliss; 'and anyway you will never catch them up now!'

'They will eat the cabbages and bananas all up, you mean!', said Mr Day. 'We shall easily catch them up in the motor-car.'

'No!', said Mr Bliss. 'I am not going to chase bears. I would rather let them eat bananas than me.'

'That's because they ain't your bananas', said Mr Knight. And they pushed Mr B. towards the gate.





— *М*оя капуста! — воскликнул мистер Дэй.

— Мои бананы! — завопила миссис Нэйт. — Негодные медведи; побегу за ними!

— Но они же вас съедят, — сказал мистер Блисс. — Да и уж во всяком случае вы теперь их не догоните.

— Значит, они съедят всю капусту и бананы, так надо понимать? — возразил мистер Дэй. — Мы легко догоним их на авто.

— Ни за что! — отрезал мистер Блисс. — Я не собираюсь охотиться за медведями. Пусть лучше едят бананы, а не меня.

— Я всё потому, что это не ваши бананы, — сказала миссис Нэйт.

И они стали толкать мистера Б. к калитке.

But they could not get him through! Still they pushed and squeezed him against the posts, until at last he said he would go after the beans, if the Dorkinses came too, and brought the dog. The Dorkinses rather liked the idea, for they were still angry with the beans. But, of course, when they got to the motor-car, the Dorkinses saw at once that it would not go again without a lot of mending.

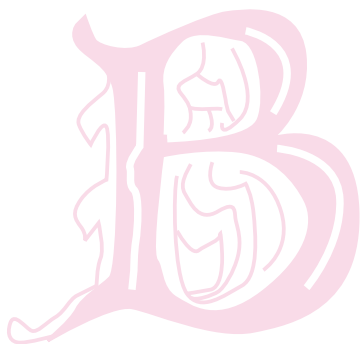
"What have we ^{do?} said Mr Bliss "This car is worth five and sixpence, and Binkie has got my silver bicycle!"

"Hee-haw! Hee-haw!" said the donkey suddenly from behind a hedge. They had forgotten all about him, and he had gone to find his own lunch — *Whistle!*

"I know!" said Mr Bliss, immediately he heard the donkey — "the donkey shall push the car home."

"No he can't," said Mr Knight; "not if I know him".

She knew him quite well. He was already trotting away quickly. They shouted, and shouted, and offered him four pounds of carrots. So at last he stopped and waited to see what would happen next.



Но пропихнуть его в калитку оказалось невозможно! Всё же они толкали и пихали мистера Блисса, притиснув его к столбам, пока тот наконец не сказал, что отправится за медведями — если поедут Доркинсы и возьмут своих собак. Доркинсы одобрили идею, ведь они всё ещё злились на медведей. Но, конечно, дойдя до авто, Доркинсы сразу поняли, что оно не тронется с места, поскольку нуждается в основательном ремонте.

— Что же нам делать? — спросил мистер Блосс. — Эта машина стоит пять шиллингов и шесть пенсов, и Бинкс забрал мой серебристый велосипед!

— Иа! Иа! — раздалось вдруг из-за изгороди. Это был ослик! Про него совсем забыли, и он отправился за ланчем — чертополохом.

— Придумал! — воскликнул мистер Блосс, услышав ослика. — Мы запряжём его в авто!

— Он не захочет, — сказала миссис Нэйт, — насколько я его знаю.

Миссис Нэйт действительно очень хорошо знала ослика: он уже мчался прочь. Все присутствующие кричали, звали ослика, соблазняли его четырьмя фунтами морковки. Тогда наконец он остановился посмотреть, что из этого выйдет.



You can guess what did! They brought out camels, and coaxed the donkey back. And then they tied him up. Then they fetched out three ponies (Albert, Egbert, and Herbert's — Falkie was too heavy to have a pony). Then they tied all the ponies and the donkey onto the front of the car, after they had hammered and banged the wheels straight, and after that they all got in: Mr. Miss, Mr. Dog, Mr. Knight, Albert, Herbert, Egbert, and Falkie, and the dogs, who couldn't be trusted not to go off after rabbits.





***Д**огадайтесь-ка, что из этого вышло! Они принесли морковку и подманили ослика. А затем привязали его по-новой. Потом привели трёх пони (Альбертова, Эгбертова и Гербертова: Толстяк был слишком тяжёл, чтобы ездить верхом). Затем запрягли всех пони и осла в авто, выпрямили колеса — нещадно стуча и колотя по ним, и после всего этого все забрались в авто: мистер Блисс, мистер Дэй, миссис Найт, Альберт, Герберт, Эгберт, и Толстяк, и собаки — чтобы они не удрали за кроликами.*

Just as they were starting Fattie said : " Think be- tea-time long before we get there. Let's wait till after tea, or have an early tea now!" But they wouldn't listen to him. Anyway it was too much bother to unpack themselves all over again.

It took them much longer than they expected getting up the long long hill. And it took them still longer going down the other side, because they had to keep the brakes on, or the car would have run away and pushed the ponies and the donkey over. It was already very late tea-time when they got to the inn at Cross Roads. Then Fattie insisted on stopping. They had a huge tea, especially Fattie. They had no money, so the innkeeper made out a huge bill for Mr Bliss — the Doshinets said it was his party.

I have drawn a picture of the party on the inn-grounds, the road side. The car is just here (and the ponies and donkey) but I am tired of drawing it.



Я нарисовал привал на гостиничной лужайке, у самой дороги. Авто, конечно, вот здесь (и пони, и ослик), но мне лень их рисовать.



Как только они тронулись в путь, Толстяк сказал:

— Но ведь до чая мы туда не доберёмся. Давайте поедem после чая или почаёвничаем прямо сейчас!

Но его не послушали. В любом случае было бы слишком хлопотно выгружаться обратно.

Поднимаясь по долгому-долгому склону холма, они потеряли гораздо больше времени, чем рассчитывали. И ещё больше времени у них ушло на то, чтобы спуститься по другому склону, ведь им приходилось жать на тормоз не переставая, а то бы авто покатилося вниз и наехало на пони и ослика. Так что, когда они добрались до гостиницы на Перекрёстке, время для чая было позднее. Тут уж Толстяк настоял на привале! Все выпили ужас как много чая, особенно Толстяк. У них не было с собой денег, поэтому трактирщик выписал огромный счёт на мистера Бласса: Доркинсы сказали, что это он всех пригласил.

Когда Толстяк допил наконец свой чай, все загрузились обратно и тронулись в путь.

От Перекрёстка до Леса Трёх Медведей было не так уж и близко. Очень скоро солнце начало садиться. Когда путники добрались до опушки Леса, наступили сумерки и взошла луна.

When Fattie had finished at last they packed themselves up and started.

This a good way from Cross Roads to Three Bears Wood. Very soon the sun began to sink. Dark was coming on and the moon was rising when they came to the edge of the Wood.

Even Mrs Knight
bananas were with
bluey-dark. The
"the dogs will look
This one thing to
afternoon, and
in their own word
canby himself!"

Albert said: "Is't
Then Mr Bliss
any — as you will see
He had only bothered



began to wonder whether her
all the double when she saw how
wood could look. She thought
after us!". But the dogs thought
chase beams out of the garden in the
quite a different thing to hunt them
after dark. "Where are our men

It time you put on your lamps?"
remembered he had never brought
if you look back at the pictures,
about the colour of the wheels.

"Never mind," said Herbert. "There won't be any policeman out in this lonely place."

"I wish there were," said Mr. Shes — "lots and lots of policeman."

Даже миссис Хайт, поглядев на тёмно-синий лес, придумалась, стоит ли искать бананы. «Ничего, собаки за нами приглядят», — подумала она. Но собаки подумали: «Одно дело выгнать медведей из сада средь бела дня, и совсем другое — охотиться на них в темноте в их собственном лесу. Ах, где же наши милые уютные конурки?»

— Не пора ли включить фары? — спросил Альберт.

И только тут мистер Блисс спохватился, что не купил их — можете проверить по прошлым картинкам. Он позаботился только о цвете колёс.

— Ничего, — сказал Герберт. — Какие полицейские в такой глуши?

— Ах, как я хотел бы, чтобы здесь водилось побольше полицейских, — отозвался мистер Блисс.



Не заезжая в глубь леса, они стащили авто с дороги. Потом привязали пони и ослика и отправились дальше пешком. Впереди, вынюхивая следы медведей, шли собаки — Альберт Доркинс не спустил их с поводка, а мистер Блiss плёлся позади: он бы, наверное, и не пошёл со всеми, но оставаться одному ему очень не хотелось. Да и миссис Найт всё время оглядывалась, проверяя, не сбежал ли он. Они забирались всё глубже и глубже в чащу, и лес становился всё темнее и темнее. Кроме еле заметной тропинки — по ней медведи ходили к себе домой и из дому — ничего видно не было.

They drove only just inside the wood, and dragged the car off the road. Then they tied up the ponies and donkey, and set off. The dogs were leading, because they smelt bear, and Albert Dorkins would not let them run away, but Mr Bliss was behindmost, and he probably would have never come along, if he had not hated being left alone. Anyway Mr Knight kept on looking back to see he was following. The wood got darker and darker as they went deeper and deeper. All they could see was the faint signs of a path — the path the bears made going round from their house.

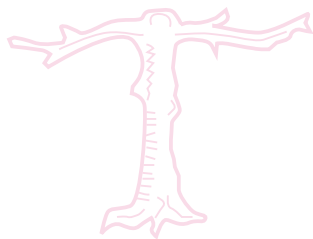
Then the path got wider, and became a trail. So they walked very slow and quiet. Mr Bliss sat down and thought he would wait till they came back.



This is all he could see. He did not like it all. "I can't see if my hats black or green," he said.

² I know your

face is white without looking," said Mr K., who was only just in front. "You come along with the rest!" So Mr Bliss had to come along. Not much further. They were very near the bears' house now. As a matter of fact, it should just round a corner at the back of the picture, which Albert has nearly reached.



Затем тропинка сделалась шире и превратилась в настоящую дорогу. Тогда они пошли очень медленно и осторожно.

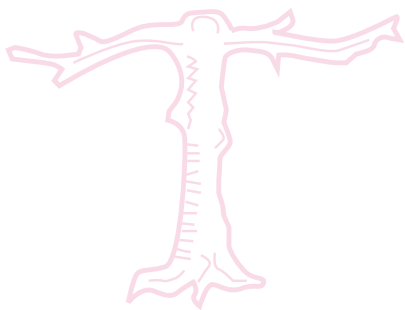
Мистер Блисс присел: ему пришло в голову, что лучше подождать здесь. Вот и всё, что он видел, и это ему ужасно не нравилось.

— Даже не разглядеть, чёрная моя шляпа или зелёная, — пожаловался он.

— А вот я и не глядя знаю, что лицо у вас белое, — откликнулась миссис Нэйт, которая шла впереди. — А ну-ка поднимайтесь и в путь!

Пришлось мистеру Блиссу идти. Не слишком далеко, правда. Они уже почти добрались до медвежьей берлоги. По правде говоря, она была как раз за поворотом тропы в глубине картинки. Альберт, можно сказать, уже там.

Собаки повернули за угол. И вдруг с ужасным воем рванули обратно, поджав хвосты, — а шерсть на них стала дыбом. Мистер Блисс не стал выяснять, что они там увидели, а вместо этого бросился бежать за ними следом со всех ног — а ноги у него были длинные. Стукнувшись о какое-нибудь дерево, он пугался ещё сильнее, споткнувшись и упав носом в землю, он поднимался и бежал всё быстрее, даже не оглядываясь. Он и думать забыл об авто, пони, капусте, Доркинсах и всех остальных и не останавливался до самого утра. Но вам между тем, наверное, хотелось бы знать, что же увидели собаки — и Доркинсы, и миссис Хайт, и мистер Дэй. Они-то не успели убежать.



The dogs went round the corner. Suddenly they gave the most dreadful howl, and halted back with their tails between their legs and their hair on end. Mr Bliss did not wait to see what they had seen, but fled after them as fast as his long legs would carry him. Every time he bumped into a tree he got more frightened, and every time he dipped up and fell flat on his nose he got up and ran faster without ever looking back. He forgot motor-car, pines, cabbages, Dorcas and all, and ran all night till morning. But in the meanwhile, you would like to see what the dogs saw — and the Dorkings and Mr Wright, and Mr Day. They didn't turn back away until it was too late.



Now are you down on the ground Albert?

How did the bears

private secret.

selves with something that shines in the dark, and that they had been expecting the people to come after them. I expect that, as soon as they heard the dogs snuffling outside their house (such you can see), they pipped out. But I don't think they expected to frighten

surprised that they all lay and hid their faces — even

do it? That's their own I expect they painted them-

Ну и как, вы удивлены, что они все попадали на землю лицом вниз — даже Альберт?

Что же такое сделали медведи? Это их секрет. Полагаю, они вымазались чем-то светящимся в темноте, зная, что люди погонятся за ними. Сдаётся мне, услышав, как собаки сопят у самой их берлоги (вот она), медведи выскочили наружу. Но не думаю, что они собирались напугать

everybody as much as they did. The people thought they were bogies, or ghosts, or goblins, or all three. Fattie rolled on the floor. So did Mrs Knight, and she kept on saying 'bananas, bananas, bananno', as if she was counting. Mr Day hid his face in his hat, and said 'I will be good, I will be good'. The other Dorkines lay as quiet and as still as they could for shakiness.

Then the bears began to laugh. They did laugh! They sat on the floor and roared; and when they got up again they left shiny patches like enormous gleeworms on the ground.

"Now we had better all have supper", said Archie, when he got his breath. Herbert was the first to recover, and he was cross, because he felt so silly. But when Fattie heard 'supper', he forgot all his troubles.

The bears really broke paws with that supper, and the Dorkines and Mrs Knight and old Mr Day forgave them altogether when they saw this; and when they had eaten it they danced and sang together like old friends. But they couldn't find Mr Bliss anywhere, though they rummaged all the ^{cupboards} and shelves, before they sat down. There is a picture of the party on the other side.



всех до полусмерти. Люди приняли их за привидений, призраков, гоблинов или за то, за другое и за третье сразу. Толстяк катался по земле. Миссис Нэйт тоже: она причитала — «бананы, бананы, бананы» — как если бы считала вслух. Мистер Дэй спрятал лицо в шляпе и бормотал «Я буду хорошим, я буду очень хорошим». Остальные Доркинсы старались лежать тихо и неподвижно — если не считать того, что дрожали всем телом.

Медведи хохотали до упаду. Как они смеялись! Сев на землю, они ревели от смеха, а когда встали, на земле остались светящиеся следы, похожие на огромных светлячков.

— Давайте теперь поужинаем, — сказал Арчи, переведя дух.

Герберт пришёл в себя первым; он был очень сердит из-за того, что повёл себя так глупо. Но Толстяк, услышав про ужин, забыл все свои злоключения.

Медведи и в самом деле устроили ужин на славу, и Доркинсы, миссис Нэйт и старый мистер Дэй, увидев угощение, простили медведей от всего сердца; а после ужина все танцевали и пели хором будто старые друзья. Но мистера Блисса они не нашли, хотя, прежде чем сесть за стол, кричали и звали его так громко, что перебудили всех птиц в округе.

Я нарисовал эту вечеринку на следующей странице.

Herbert is not
in this picture.
He swallowed
a crumb the
wrong way &
is coughing in
the scullery.
He was sitting
beyond Ernest
next to Teddy.

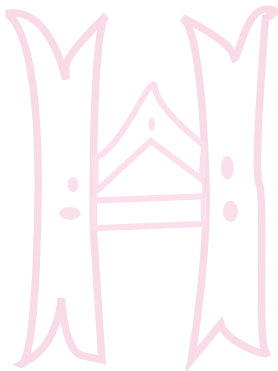


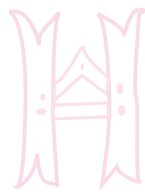
This is at the end of the party
when nearly everything had been eaten -
cold chicken, ham, lettuce, beet-root,
tomatoes, beef, cheese, brown bread
and asparagus - the birthday cake
(it wasn't any body's birthday, really)
is still left, but the beer-banquet is
very nearly empty.

Mr. Day is telling a story, and Mrs.
Knight is pretending not to listen.
Dinner and Fattie are too full to
do anything except sit quiet.

It was very late before they finished,
and very late indeed when they had
washed up. Of course it was
too late to go home. So the bears

Терберта на этом рисунке нет. Ему крошка попала не в то горло, и он выбежал
в буфетную откашляться. До этого он сидел за Эгбертом, рядом с Жедди.





*Э*то конец вечеринки, когда уже съели всё подчистую: и холодного цыплёнка, и ветчину, и салат-латук, и свёклу, и помидоры, и бисквит, и сыр, и ржаной хлеб, и спаржу. Деньрожденный торт (хотя ни у кого не было дня рождения) ещё держится, но пивной бочонок почти опустел.

Мистер Дэи рассказывает историю, а миссис Найт делает вид, что не слушает. Бруно и Полстяк так наелись, что сидят тихо.

Когда все вышли из-за стола, было уже довольно поздно, а когда закончили мыть посуду — и того позднее. Конечно же, было слишком поздно идти домой. Так что медведи

пригласили их переночевать. Только вообразите себе — ночлег в Медвежьей Берлоге! Но теперь все подружились, гости не вспоминали ни про капусту, ни про бананы и не спрашивали медведей, где те раздобыли такое прекрасное угощение (считалось, что медведи ни за что не платят, а всё таскают: вообще-то, они были воришки, хотя и очень славные сотрапезники).

invited them to stay the night. Imagine staying all night in the Bears' House — but they all felt quite friendly at this time, and no one mentioned either cabbages or bananas, nor did anyone ask the bears where they got their excellent food (the bears were generally supposed not to pay for anything, but to get it by 'pulling' — in fact they were rascals, though they could be very jolly at supper).

The Bears had quite a large house, long and low, with no upstairs. Harbert and Eybert slept in the double spare-bed, and every one found some sort of bed — except Fattie. None of the beds would bear him. So he slept by



the fire, on a mattress and cushions, and snored happily all night. Perhaps he dreamed he was a kettle on the hob. The porridge and plunkies were ~~delicious~~ fetched too, and put in an after bear's leg out-houses. So everyone was comfortable.

And they ate early next morning, and then the story went on.



Медведи жили в большом одноэтажном доме, длинном и приземистом. Терберт и Эгберт улеглись на гостевой двухспальной кровати, да и все остальные нашли себе по кровати — кроме Толстяка: его бы ни одно ложе не выдержало. Поэтому он расположился у камина, на матрасе и подушках, и счастливо прохрапел всю ночь. Наверное, ему снилось, будто он — чайник над огнём. Привели также пони и ослика и устроили их в сарае на медвежьем дворе. Итак, все ночевали в уюте.

На следующее утро они проснулись рано, и история продолжилась дальше.



Но что же случилось с мистером Блиссом? Он бежал всю ночь, не разбирая дороги: прыгал через изгороди, падал в канавы, изорвал одежду о колючую проволоку. Когда рассвело, он почувствовал, что смертельно устал, и обнаружил, что сидит на вершине холма. Ему полагалось оказаться за много миль от родных мест, но, глянув вниз, он увидел свою собственную деревню и свой собственный дом на вершине соседнего холма.

33.

What happened to Mr. Bliss? He ran all night without knowing where he was running to, jumping over hedges, falling into ditches, leaving his clothes on barbed wire. When dawn he came he was dead tired, and he found himself sitting on the top of a hill. He ought to have been miles and miles away, but he was looking down into his own village and could see his own house in the distance on a further hill.



"There is either a flag flying from my chimney or else the sweep has got in — though I never ordered him to come," he said to himself.

— Либо над моим дымоходом развевается флаг, либо это трубочист — хотя я его не звал, — сказал он сам себе.

"Well, Tam blessed!" said Mr. Bink, ^{about} and he got up and staggered down hill, over fields and fences, till he struck the road through the village. He went to Bink's, but no one was up. So he pushed into the yard at the side of the shop, and there was his bicycle just inside a shed. He wheeled it out, and started home.



Of course he meant to come sailing down the hill again with his purse as soon as he had changed his clothes and put on his shopping hat (and had some breakfast). But you will agree it looked most suspicious. So thought Mr. Bink peeping through his bedroom window. He began to dress in a great rage, long before his usual time. "All right, my lad," said he, "I'll go straight to





— *Ну* надо же! — воскликнул мистер Блосс, поднялся и побрёл вниз по склону, через поля и изгороди, пока не добрался до дороги, которая вела через деревню. Он дошёл до магазина Бинкса, но все ещё спали. Так что он забрался во дворик сбоку от магазина: там-то, под навесом, и стоял его велосипед. Мистер Блосс выкатил его на улицу и поехал домой.

Конечно, он собирался вернуться с кошельком — как только переоденется и наденет шляпу, в которой ходил за покупками (и как только позавтракает). Но согласитесь, что выглядел его поступок весьма подозрительно. Именно так и подумал мистер Бинкс, который всё видел из окна спальни. Он пришёл в страшную ярость и начал одеваться намного раньше своего обычного часа.

— Ну погоди, приятель, — сказал он, — я пойду напрямиком

Sergeant Boffin at the pulchritude, and he'll learn ^{you} to go off in the my motor car, and never bring 'em back". All the same he did not put off breakfast, nor did he hurry over it. While he was munching a sausage, and wondering how Mr Bliss would like to spend his summer holidays in prison, away in the Devil's Throat there was a lot of talking.



[This is a lifelike portrait of Sergeant Boffin without his helmet]

The Bears were in every good temper that morning. They gave back Mrs Knight her bananas (or most of them); they gave Mr Day some fresh cabbages (and he did not ask where they got them). But Mrs Knight wanted a new cart, and Mr Day wanted a new

[Это очень похожий портрет сержанта Бобфина без шлема]





в полицейский участок, к сержанту Бобфину: уж он-то покажет вам, как брать у меня авто и не возвращать их обратно.

Однако он всё же позавтракал и за завтраком не особенно спешил. Пока он, жуя колбасу, думал, что мистеру Блиссу не очень-то понравится проводить летний отпуск в тюрьме, в Медвежьей Берлоге шёл разговор.

Медведи проснулись в очень хорошем настроении. Они вернули миссис Найд её бананы (ну, почти все); они дали мистеру Дэй свежие кочаны (и он не спросил, откуда те взялись). Но миссис Найд хотела новую тележку, мистер Дэй — новую

barrow, and the Dorkines wanted a new soup-tureen, and the bears wanted some fun; and each of them thought Mr Bliss was the man to get it from. Also the Dorkines suddenly thought they might change Mr Bliss for hire of ponies — which was not nice of them, as they were disgusting-ly rich.

Anyway after an early breakfast they all started off again together. It was a great squash of course, because although Mr B. had no goodness knows where, and the dogs had no home, the bears and the Dorkines and the other two made nine. Bruno sat on Mr Knight's lap, and Archie and Teddy took up as much room as they could — but Father did not leave much.

When they got to the village, they found a race going on — or just beginning. Mr Binks was trying to make Sergeant Doffin believe that Mr Bliss was a Huef, and that he ought to run straight up the hill





тачку, Доркинсам требовалась новая супница, а медведи были не прочь поразвлечься; и все полагали, что всё это можно получить с мистера Блисса. Опять же Доркинсам вдруг пришло в голову взять с мистера Блисса плату за прокат пони — не очень-то красиво с их стороны, ведь они были до отвращения богатыми людьми.

И вот после раннего завтрака они все вместе отправились в путь. Им, конечно же, было очень тесно, поскольку — хотя мистер Блосс пропал неизвестно куда, а собаки удрали домой — медведей, Доркинсов и прочих оказалось общим числом девять. Бруно устроился на коленях у миссис Найт, а Педди и Арчи заняли всё оставшееся место — впрочем, Толстяк оставил его не так уж и много.

Добравшись до деревни, они угодили в самый разгар — ну, или в начало — скандала. Мистер Бинкс пытался втолковать сержанту Боффину, что мистер Блосс — вор и что сержанту надо сбегать на холм

and bring him back to prison. In the picture Sergeant Boffin is just saying: "Wot!" in as lives up the hill"; and Dinks is shunning, and people are coming out. You can see Sam, Sergeant Boffin's eldest boy, calling to his friends to come and see his dad Kerschaid Dinks down. The barber, and the butcher are there; the cobbler (next door) is peeping; Uncle Joe is at the door with his 'specs on, Mrs Soligity is standing into a porch in her arm, and has stopped talking to Mrs Dinkins; old Gaffer Gamgee is trying hard to hear; elegant Alfred is taking a superior interest; there is somebody else's face at another window, and there are one or two kids.

But this is absolutely nothing to the excitement a minute later. Then up rolled Mr Dinks' car, full of bears and Dorkens and others, drawn by three ponies and a donkey. All the village was there in a minute. And they laughed. And they said things about Mr Dinks' fun-cars that made him angrier than he was before.

"He ought to be in prison hereight", said he, "sending home a nice car bent and all, and full of a parcel of bears and strange folk."

"G-r-r-r-r" said Archie; and Mr Dinks stopped back sudden and fell in the gutter.

"Now stand up and be polite, and say 'thank you!'" said Archie. "You ought to be very pleased we have bothered to bring you car back. Mr Dink left it in our wind, and ran away, and hasn't been seen since."

"O yes, & as", said Dinks. "I seen him sneaking 'ome, early this mornin', so I was a-telling the sergeant 'en'."



за мистером Блиссом и отвести его в тюрьму. На картинке сержант Боффин говорит:

— Чего? К этому, что на холме живет? — а Бинкс кричит, и вокруг собираются люди. Пут и Сэм, старший сынишка сержанта Боффина: он созывает друзей посмотреть, как его папа настучит старикану Бинксу по шее. Пут же и парикмахер, и мясник; из соседней двери выглядывает сапожник; дядюшка Джо в своих очках стоит у двери, миссис Голайтли, со свёртком под мышкой, даже перестала разговаривать с миссис Симкинс; старый Папаша Гэмджи из всех сил пытается расслышать, о чём речь, элегантный Альфред выказывает большой интерес; ещё чьё-то лицо появилось в окне, и тут же толкнутся ребяташки.

Но это ещё ничего — по сравнению с тем, что началось минутой позже, когда на улицу въехало авто мистера Бинкса, битком набитое медведями, Доркинсами и прочими, запряжённое тремя пони и осликом. Пут же вокруг собралась вся деревня. Все покатывались со смеху. И много чего наговорили мистеру Бинксу про его жёстянки — отчего тот разозлился ещё сильнее.

— В тюрьме ему место, вот и весь сказ, — гнул своё мистер Бинкс, — раз он вернул мне хорошее авто всё побитое и искорёженное, битком набитое медведями и прочими странными личностями.

— Тр-р-р-р-р, — зарычал Арчи; и мистер Бинкс как отскочит да как свалится в сточную канаву!

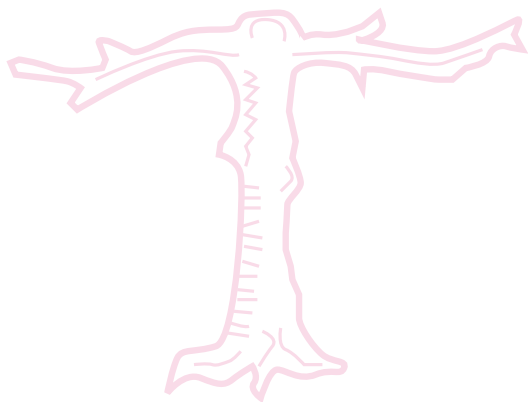
— Пеперь вставай, веди себя вежливо и не забывай про «спасибо!» — сказал Арчи. — И радовался бы лучше, что мы потрудились вернуть твоё авто. Мистер Блосс бросил его в нашем лесу, а сам сбежал, и с тех пор никто его не видел.

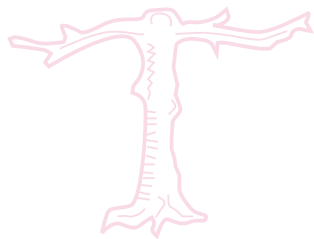
— Ещё как видел! — возразил Бинкс. — На моих глазах он крался к себе домой рано утром — о чём я и докладывал сержанту.

"Then we must follow him", said Teddy; "he owes money to everybody. Mr. Day wants a new bonnet, Mrs. Knight wants a new cart, the Dorkensons want a new soup-bureen, Mr. Smith wants his money, and we want to see him too. We will all call together."

And that's what they decided to do. Poor Mr. Bliss knew nothing of all this. He was mending fresh bonnets. As soon as he got to the top of the hill (very tired) he looked up at his chimney. Then he stood still in the road.

"Tumbled and butchered", he said; "isn't the Girabbit's head sticking out of my chimney; and he seems to be mending carpet?" (That's why he looked like a fly from far away).





— *П*ақ пойдёмте қ нему, — сқазал Педди, — он
всем нам должен. Мистер Дэй хочет новую тачку, миссис
Найт хочет новую тележку, Доркинсы хотят новую супницу,
мистер Бинкс хочет денег; мы тоже не прочь с ним
повидаться. Пошли все вместе!

На том они и порешили. Бедный мистер Блисс и знать
ни о чём не знал. У него стряслись новые беды. Доковыляв до
вершины холма, он (очень усталый) взглянул на трубу.
И остолбенел.

— Побери меня тысяча чертей, — сқазал он, — если
это не жироликова голова торчит из дымохода! Он что, жуёт
мой ковёр?! — (вот почему издали жиролиқ походил на
флагиштоқ).

*Н*у разумеется, это была голова жиροлика! Мистер Б. ушёл из дому, забыв его покормить, так что жиरोлик взломал заднюю дверь, протиснулся в столовую, проел в потолке дыру на второй этаж, в лучшую спальню — и через следующий потолок на чердак, а потом вверх по чердачному дымоходу, сбив колпак с дымовой трубы. И теперь жиролик щурился на утреннем солнце, а изо рта у него свисал здоровенный кусок каминного коврика из лучшей спальни.

Примерно вот что увидел мистер Блисс, когда вошёл в дом. Хотя жиролик жил у него уже несколько лет, мистер Блисс очень удивился. Он и не подозревал, что шея жирика до такой степени напоминает раздвижную подзорную трубу.

Кроме того, мистер Блисс по-настоящему и сильно рассердился; однако жиролик не хотел спускаться вниз, сколько мистер Б. ни тянул его за хвост в столовой. Жиролик только и делал, что повторял:

— Дождь собирается! Оставьте меня в покое!

Мистер Блисс так устал, что бросил хвост, переоделся, принёс кое-какую еду на лужайку и устроил себе обедозавтрак.

Затем он улёгся под деревом, крепко заснул и даже про сны не вспомнил.

It was the girabbit's head! Mr. B. had gone off and forgotten to feed it, so it had burst open the back-door, squeezed in finally into the dining-room, and eaten its way through the ceiling into the best bedroom — and through the next ceiling into the attic, and up the attic chimney, knocking off the pots. There he was blinking in the morning sun with a large piece of the best-bedroom hearthstone in his mouth.

This will give you some idea of what Mr. Bliss saw when he got inside. Though he had the Girabbit for some years, he was very surprised. He did not know that its neck was quite so telescopic. Mr. Bliss was also really and truly angry; but the girabbit would not come down again, not though Mr. B. pulled



hard as his tail in the dining-room. All he could do was to keep on saying 'It's going to be a wet day — leave me alone!'

Mr. B. was so tired that he left it alone, changed his clothes, took some food on the lawn, and had a kind of breakfast-lunch (or brunch).

Then he fell fast asleep, under a tree, and forgot even to dream.

Just after eleven he was waked up by the girabbit speaking. 'There's a powerful lot of people coming up the hill, Mr. Bliss', said he. 'I can hear Sergeant Boffin's voice, and Bink's, and the voices of those Downses you had to tea last Tuesday; and other folk; and bears grunting.'

В самом начале двенадцатого его разбудил жиролук,
— На холм взбирается целая толпа, мистер Блосс, —
сказал он. — Я слышу голос сержанта Ботфина, Бинкса,
голоса тех Доркинсов, что пили у нас чай в прошлый вторник;
и других людей; и рычание медведей.

(Хоть жиरोлик и был почти слеп, слух он имел необычайно острый.).

— И все они вроде страсть как злы на вас, мистер Блосс, — добавил жиरोлик.

— Неужто? — воскликнул мистер Блосс. — А что они говорят?

— Они говорят: мы всё вытрясем из старого Блосса, и даже в два раза больше.

— Караул! — воскликнул мистер Блосс, вбежал в дом, задвинул все засовы и заперся на все замки.

(The Gnatbit may be practically blind, but it can hear mighty sharp). "And they all seem dreadfully angry with you, Mr. Bliss", added the gnatbit.

"Lawds!", said Mr. Bliss; "What are they saying?"

"They are saying: we are going to take it out of old Bliss, and twice over, we are."

"Save us!" said Mr. Bliss, and dashed indoors and shut all the bolts and turned all the keys.

Then he peeped out of a lead-
-glass window but the gnatbit
pulled in his head.

Soon up came Boffin, and
Binks, and the Dorkens, and
the Bees, and Mr. Knight, and
Mr. Day, and lots of the people
of the village.

There was no sign of the vet-
-erary the gnatbit spoke of.
They waited, and they missed
their force.

Then they all shouted:
"Mr. Bliss!"



No answer.

So Mr. Binks shouted:
"I want my money",
And they all shouted in
chime: "I want my
money, and a means
to have it."

No answer.

"Why don't you arrest
him?" said Archie, who
was standing by the
gate.

"Tut!" said Boffin.

Затем он украдкой выглянул из окна спальни, а жирилик, наоборот, втянул голову в дымоход.

Вскоре подошли Бобфин, Бинкс, Доркинсы, медведи, миссис Найт, мистер Дэй и множество деревенских

Дождём, про который говорил жирилик, и не пахло. Было жарко, и все вытирали пот со лба.

Шут все как закричали:

— МИСПЕРБЛИСС!

Тишина.

Тогда завопил мистер Бинкс:

— Отдавай мои деньги!

И все закричали хором:

— Он хочет вернуть свои деньги, и он своего добьётся!

Никакого ответа.

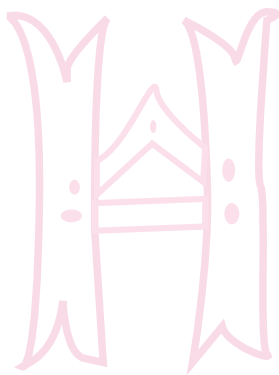
— Что ж вы не арестуете его? — спросил Арчи, стоя у ворот.

— Вот возьму да арестую! — отозвался Бобфин.

"Ha! ha!" I see you" said the girabbit at that second, popping his neck as far out of the chimney. He heard them, not saw them, but they did not know that. They looked up and saw him, and that was enough. They were astonished. Indeed most of them fell flat on the spot. (You see Mr. Bless had so far kept the girabbit quite secret, 'cause he did not want to pay Sergeant Doffin for a licence for keeping him, as he was sure it would be double price — quite 15/- a year). The girabbit was bound to dive down a hole when strangers came up the hill, and up to now none else had let more than his head. This day was an exception — because the girabbit had quite forgotten where it was, and thought it was in its own hole).

"Get up, get up!" squeaked the girabbit. "Get up, and go away, or I shall come out of my hole and jump on you" and he popped his head.

Then they got up and went (I renounce them on the last page) — very quickly. All except the bears who are not particularly frightened. They went behind a hedge.



— Ха! Ха! А я вас вижу, — вмешался тут жиролик, высунув шею из трубы на ярд или два. Он их слышал, а не видел, но люди-то этого не знали! Посмотрев наверх, они увидели жиролика, и им этого хватило. По-то они изумились! По правде говоря, в большинстве своём они попадали на землю. (Дело в том, что мистер Блосс держал жиролика в тайне, поскольку не хотел платить сержанту Боббину за лицензию на его содержание: он опасался, что за жиролика потребуют двойную плату, целых 15 шиллингов в год. Жиролик был приучен нырять в свою нору, если на холме появлялись чужие, и вплоть до этого дня никто не видел ничего, кроме жироликовой головы. Но сегодняшний день был исключением — поскольку жиролик совсем забыл, где он, и думал, что он у себя в норе!).

— А ну вставайте, вставайте! — запищал жиролик, — Вставайте и крыш отсюда, а то я как выйду из норы да как прыгну на вас, — и как вытянул шею!

Шут все вскочили и бросились бежать (см. следующую страницу) — и очень быстро. Кроме медведей, которые не особенно испугались. Они просто спрятались за изгородь.

The others fell over one another in their hurry. Fattie and Sergeant Bother pulled over and over like barrels, quite a long way down hill before they stopped in the ditch.

42

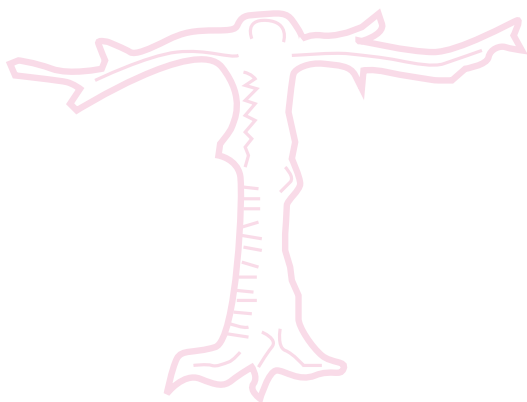
It was now Mr Bloss's turn to laugh; and as he had not laughed since the day before yesterday, with nothing but bother in between, he laughed a bit. He came out and stood in the road, and waved to his friends.

"Good morning!" said the bears, peeping their heads over the hedge.

"Lawds!" said Mr Bloss, jumping into the air.



"Any thing we can do for you?" said they.



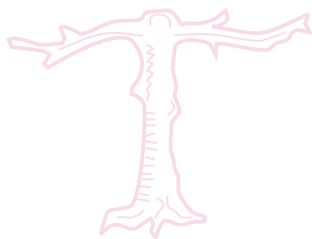
А остальные в спешке поопрокидывали друг друга. Толстяк и сержант Бобфин катились всю дорогу как бочонки, весь длинный путь вниз по склону — пока не застряли в канаве.

Теперь пришёл черёд посмеяться мистеру Блиссу; а так как он не смеялся с позавчера, а в промежутке только нервничал, то уж теперь-то он нахохотался всласть. Он вышел из дому, встал на дороге и помахал вслед друзьям.

— Доброе утро! — сказали медведи, высунувшись из-за изгороди.

— Ох! — мистер Блисс так и подпрыгнул.

— Не нужна ли вам наша помощь? — спросили те.



"No thank you!" said he. "Well — yes, that's not unless you can help me to get my gerbbit out of the house?"

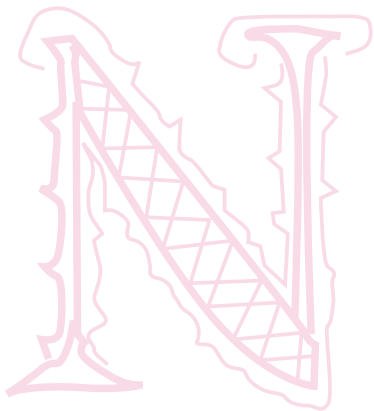
"Certainly!" they said, "Delighted — but not for nothing!"

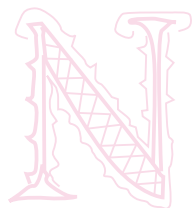
"Certainly not," said he, "I will remember you!"

"You will," said Archie, "I shall send in a bill."

So they came in, and stalked up to the gerbbit that they were going to start eating at his tail and work upwards, if he didn't come down and out immediate.

Of course he drew in his neck immediate — in a fine flurry of soot and plaster —, but when he looked into the dining-room and saw (he could see very clear to) what looked like bears, and what smelt like bears, he took such a fright that he jumped bang through the window. In two more jumps he was over the hedge and in the road.





— **Н**ет, благодарю вас! — ответил мистер Блосс. — Хотя... не можете ли вытащить жирилика из дома?

— Конечно, поможем! — согласились медведи. — С удовольствием, но не за просто так!

— Безусловно, — сказал он. — Я не забуду о вашей услуге.

— А как же, — отозвался Арчи, — я и счёт представляю.

Итак, они вошли в дом и закричали на жирилика, что станут его есть, начиная с хвоста, а потом всё выше, если он не втянется и не вылезет из дома прямо сейчас.

Конечно, жирилик тут же укоротил свою шею — вокруг него висело облако сажи и побелки — но, когда он заглянул в столовую и увидел (вблизи-то он мог видеть!) нечто, напоминающее медведей и пахнущее медведями, жирилика взял такой испуг, что он выскочил прямо в окно.

Сделав два больших прыжка, он оказался за оградой, на дороге.

Увидев жиरोлика, люди завопили хором «Убивают!» и побежали и покатались ещё быстрее прежнего, и двери в деревенских домах все позахлопывались. Что до жиरोлика, то он скакал без остановки и скоро исчез вдалеке; и мистер Блосс оплакивал свою потерю горькими слезами.

После ланча медведи составили счёт за помощь; и мистер Блосс взял кошелек и копилку, поскольку полагал, что настало время рассчитываться. Вам наверняка любопытно, во сколько именно ему влетели все его приключения. Вообще-то, в копейку.

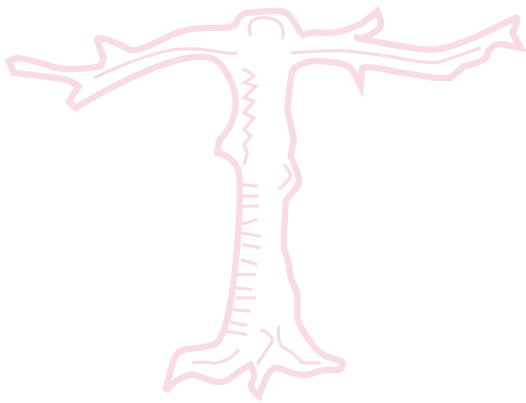
Вот копия заметки мистера Блосса, которую он сделал в своём дневнике, расплатившись за всё.

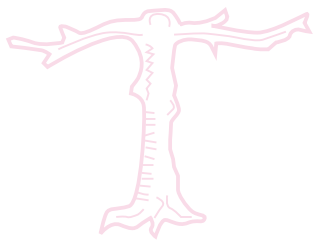
Его копилка совершенно опустела (если не считать одной или двух иностранных монет, что он оставил для коллекции); этим летом он даже не смог съездить отдохнуть.

Фунты Шиллинги Пенса							
<u>Мистеру Бинксу</u>	за 1 авто	5	6	<u>См. ранее</u>		2 ф.	12 7
« »	за его ремонт	3	0	<u>Лицензия на ж.</u>	за три предыдущих года	1	2 6
<u>Мистеру Дэйю</u>	за 1 тачку	1	6	<u>На чай</u>	<u>сержанту Боффину</u>		6
<u>Миссис Найт</u>	за 1 тележку	3	6			3 ф.	15 7
<u>Доркинсам</u>	за 1 супницу		7	Кроме того: <u>испорченная шляпа</u>			8,5
« »	за наём пони	2	0	<u>Испорченная одежда</u>			4
<u>Мистеру Бэнксу</u>	(строитель и маляр)	12	6	<u>Итого</u>		3 ф.	16 7,5
<u>Новый кровёр и кровик</u>		7	6				
<u>Чай в гостинице</u>	(в основном <u>Полстак</u>)	6	6				
<u>Прём Медведям</u>	за помощь	2	6	14 июня.	П. Блосс		
<u>Лицензия на жирика</u>		7	6				
<u>См. далее</u>	2 ф.	12	7				

That afternoon, as soon as he had said goodbye to the boys, he took all his money, got on his bicycle, and went down to the village. He paid Mr. Binks and Mr. Day and Mrs. Knight on the spot (and sent postal orders to the Darkies (and the Innkeeper). They said then, when he was a gentleman all the time.

As a matter of fact Mr. Bliss never used the motor car again — he had taken a great dislike to it. So he gave it to Mr. Day as a wedding-present. Yes, wedding-present. Very soon after this Mr. Day became Mr. Knight's third husband. She said it seemed suitable, seeing how they were both in the same line of business, and had a lot of adventures together. So they set up a green-grocery shop in the village, and called it "Day and Knight's".





*Д*нём, попрощавшись с медведями, мистер Блосс взял все деньги, сел на велосипед и покатил в деревню. Он заплатил мистеру Бинксу, мистеру Дэй, миссис Хайт на месте (и отправил почтовые переводы Доркинсам и хозяину гостиницы). Все сказали, что ни минуты не сомневались: мистер Блосс — истинный джентльмен.

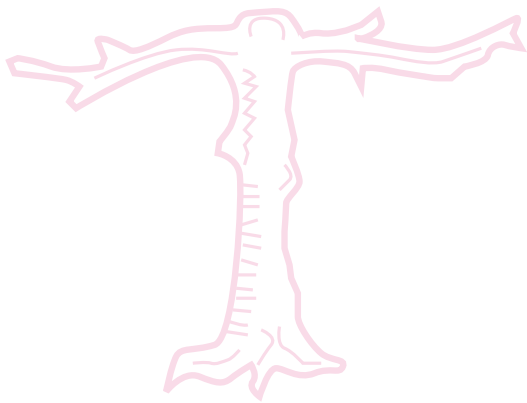
Больше мистер Блосс никогда не ездил на авто — он его очень невзлюбил. Так что он подарил авто на свадьбу мистеру Дэй. Да-да, именно на свадьбу. Поскольку очень скоро мистер Дэй стал третьим мужем миссис Хайт. Она сочла его подходящей партией, поскольку оба они занимались одним и тем же делом и пережили вместе столько приключений. Так что они открыли в деревне овощной магазин и назвали его «Дэй энд Хайт'с».

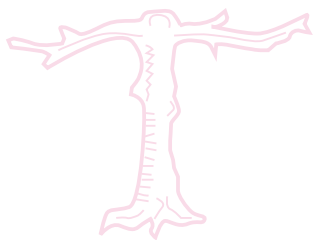
They are very friendly with Mr Bliss now, and they always let him have bananas and cabbages very cheap.

There were great doings at the wedding. Mr Bliss played his concertina. Fathe Dokins sang a comic song, but as it was all about policemen with large feet, Sergeant Boffin did not laugh. The bears drank everybody's health several times and did not go home till next morning. The bears drank everybody's health several times and did not go home till next morning. But best of all, in the middle of it - the gimbbit put his head in through the window!

"Ha! ha!" he said. "Here we all are again!"

And even body choked





Они очень подружились с мистером Блиссом и всегда продавали ему бананы и капусту весьма дёшево.

Свадьба удалась на славу. Мистер Блисс играл на концертино¹. Толстяк Доркинс пел комическую песню, но так как она была про полицейских с большими ногами, сержант Боффин не смеялся. Медведи выпили по нескольку раз за здоровье каждого из присутствующих и отправились к себе домой лишь на следующее утро. Но самым замечательным сюрпризом стало появление жирюлика — в самый разгар веселья он просунул голову в окно и сказал:

— Ха-ха! Вот мы все и в сборе.

И все чуть не подавились.

¹ Музыкальный инструмент, разновидность гармони. Наиболее распространён в Англии.

"Where have you been?" said Mr Bliss.

"Ha! ha!" said he, "wouldn't you like to know!" Ask the Dorkinses and the bears!"

That's why the Dorkinses left early. They didn't like the sound of it. But just then the bears did not care what happened, though they changed their minds when they did get home. The girabbit had eaten every bit of food in their house, and broken the pantry window.

As for the Dorkinses, they found he had bitten the tops off every tree in their orchard, and made an enormous hole in the night right in the middle of their best lawn.

The bears said: "Well we're blowed! Old Bliss has got the best of it after all", and they left it at that. But the Dorkinses sent in a bill again, and while they were about it they added on a charge for the bears' cabbages, which they had forgotten about: total £1. 9. 8.

But Mr Bliss had got not money at the moment, and he was getting rather tired of the Dorkinses, so sent the fourpence in stamps, and a bill of his own.

This is how he made it out.

When the Dorkins got this they were very annoyed, and Mr B. and they have not been particularly friendly since.

Dorkins & Prop.	
Dr to T Bliss	
To Hampering my flowerbed @ 10 each	3. 20
To T Dorkins tea at Inn	0. 00
To frightening mischievous Girabbit	£10 0
	£11 9 4
Balance in Stamps	1. 9. 8
T. Bliss	



— *И* где тебя носило? — спросил мистер Блосс.

— Ха-ха! — ответил тот. — Что, интересно? Спросите у Доркинсов и у медведей!

Вот почему Доркинсы уехали рано. Им слова жирика не понравились. И хотя тогда медведи не обратили внимания на сказанное жириком, они изменили своё мнение, когда вернулись домой: жирик разбил у них окно кладовой и съел все припасы.

Что касается Доркинсов, то они обнаружили, что жирик обглодал верхушки всех деревьев в их саду и вырыл ночью огромную нору как раз посреди их лучшей лужайки.

Медведи сказали:

— Чтобы нам провалиться! Старина Блосс, как ни крути, в выигрыше, — но оставили всё как есть.

Однако Доркинсы опять прислали счёт, прибавив ещё плату за съеденную медведями капусту — в прошлый раз они про это забыли: всего вышло 1 фунт 9 шиллингов 8 пенсов.

Но тогда у мистера Блосса не было денег и Доркинсы его утомили, так что он послал им почтовых марок на четыре пенса и свой собственный счёт.

Вот этот счёт.

Братьям Доркинсам от М. Блосса	
За потоптанные клумбы, по 10 ш. за каждую	3. 4
За чай, выпитый в гостинице Дж. Доркинсом	6. 0
За пугание ценного жирика	ф 1/0. 0
	ф 1/9/4
Цена марок	4
	ф 1. 9. 8
Искренне Ваш, М. Блосс	

Получив его, Доркинсы очень рассердились и с той поры раздружились с мистером Блоссом.

But Mr Bliss is quite happy, though the village children are always trespassing in his garden, to catch a glimpse of the Grabbit. He drives a little donkey cart now, not a motor, and Sergeant Bother salutes him every time he appears in the village.



"Ow's yer little pet, sir?" says he.

"Nicely thank you," says Mr B., "but hard on cabbages." And how are all the Botherises?"

"Nicely, thank you," says he, "but cruel hard on shoe-leather."

And that's the end of the story — except that Mr Bliss threw the green hat away (and the Grabbit found it on the clusthery), and he wears a white hat now in Summer, and a brown in winter. And that is all.



There is just one more picture, over the page.



Но мистер Блосс всё-таки счастлив, хотя деревенские ребята привыкли повадаться лазить к нему в сад, поглазеть на жирюлика. Теперь мистер Блосс катается не на авто, а на небольшой повозке, запряжённой осликом, и сержант Бобфин отдаёт ему честь каждый раз, когда тот появляется в деревне.

— Как ваша зверушка, сэр? — спрашивает сержант.

— Хорошо, благодарю вас, — отвечает мистер Блосс, — только с капустой беда. Как Бобфины?

— Хорошо, благодарю вас, — отвечает сержант, — только с башмаками ужас какая беда.

Вот и конец истории — только ещё надо сказать, что мистер Блосс выбросил свою зелёную шляпу (и жирюлик подобрал её на помойке) и теперь носит летом белую шляпу, а зимой — коричневую. Вот и всё.

Есть ещё одна картинка, просто так, на следующей странице.





The End.

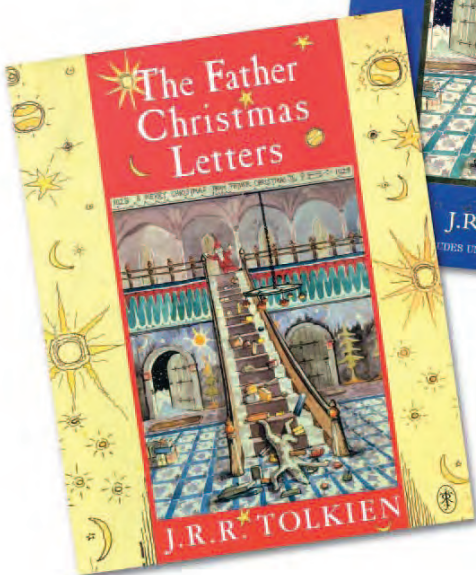
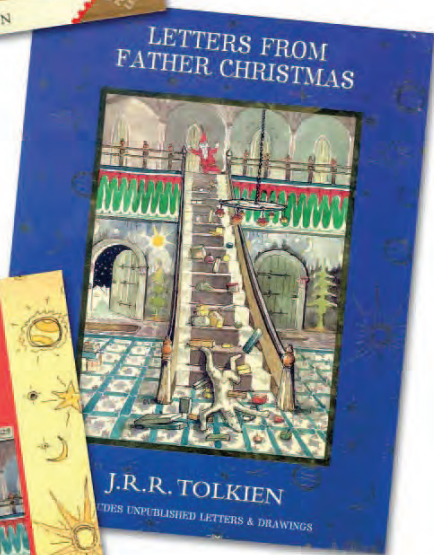
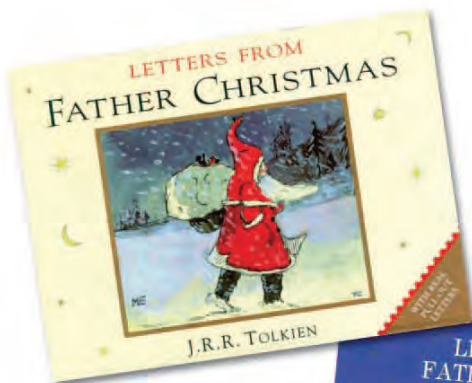


*Кристофер, Майкл и Присцилла с родителями
в Уэстон-сьюпер-Мэр, 1940 год*

Письма Рождественского Деда

*Под редакцией
БЭИИ ПОЛКИН*

Перевод С. Паскаевой





Предисловие

Рождество, любимый праздник англичан, в доме Толкинов справляли, как принято в уважаемой английской семье: с подарками, сурпризами, добрыми пожеланиями. Для детей Толкина — Джона (родился в 1917 году), Майкла (родился в 1920 г.), Кристофера (1924 г.) и Присциллы (1929 г.) — эти семейные торжества стали одним из самых отрадных воспоминаний детства. Вот что пишут Джон и Присцилла Толкины¹: «В Сочельник возбуждение своего апогея: после чая наступало время подняться вверх и выбрать один из Рональдовых шерстяных зимних чулков, — весьма серьёзный ритуал! — и выбирали мы с превеликим тщанием, оценивая размеры каждого. Уснуть потом долго не удавалось.

В рождественское утро — подобно тысячам других детей — нам разрешалось заглянуть в чулки и развернуть тщательно выбранные для нас подарки. Однако кроме подарков мы каждый раз получали письмо от самого Рождественского Деда, со штемпелем «Северный Полюс» и самой что ни на есть настоящей «северно-полюсной» маркой!» (с. 59). В отличие от большинства детей подрастающим Джону, Майклу, Кристоферу, а потом и Присцилле сказочно повезло: Рождественский Дед, английский аналог привычного нам Деда Мороза, с ними переписывался! Причем не просто отделялся несколькими поздравительными строчками, но вёл живой, остроумный, очень «личный» диалог: отвечал на просьбы, благодарил за тёплые послания, сетовал на непредвиденные задержки и неприятности с подарками, передавал приветы близким, с нетерпением осведомлялся, когда же в переписку включатся младшие, и ненавязчиво намекал старшим о том, что они вот-вот выйдут из «чулочного» возраста. И рассказывал, рассказывал...

¹ Дж. и П. Толкины, *Семейный Альбом Толкинов*, 1992.

Началась переписка незадолго до Рождества 1920 года: именно тогда трёхлетний Джон получил по почте необычного вида конверт с письмом и вложенной картинкой, на которой Рождественский Дед нарисовал себя и свой дом. Именно это незамысловатое послание и положило начало традиции, продержавшейся более двадцати лет: вплоть до 1943 года, когда младшей, Присцилле, исполнилось четырнадцать. За это время семейство Толкинов несколько раз переезжало: сперва в Лидсе, затем из Лидса в Оксфорд, а затем в Оксфорде — из дома 22 в дом 20 по Нортмур-роуд. Но письма Рождественского Деда неизменно и безошибочно находили своих адресатов (в 1937 году вестник явился по старому адресу и нашёл дом опустевшим; но, конечно же, вскорости недоразумение разъяснилось). На протяжении многих лет дети не догадывались, что роль Рождественского Деда играет их отец. Для вящего правдоподобия Толкин подкупал почтальона, который, как ни в чём не бывало, и доставлял письма адресатам вместе с прочей почтой. Или Толкин испещрял пол вокруг очага следами из саж, припорошивал конверты снегом и незаметно подбрасывал их в дом наутро после «визита» Рождественского Деда — изобретательность Толкина, как всегда, не ведала границ.

Дети подрастали один за другим, но, дорожа традицией, не спешили раскрывать младшим секреты «Рождественского Деда», точнее, его инкогнито. Так что маленькая Присцилла продолжала переписываться с хозяином Северного Полюса, когда братья её уже учились в университете. В шуточном стихотворном послании от 1938 года Рождественский Дед выражает надежду на то, что Присцилла ещё не раз ему напишет и не забудет ни его самого, ни прочих обитателей Северного Полюса — Северно-Полярного Медведя, снеговичков и эльфов. И, конечно же, ни Присцилла, ни её братья ничего не забыли. Более того, они сохранили этот своеобразный архив вплоть до наших дней: «Письма и картинки тщательно сберегались в огромном коричневом конверте: Рональд держал его в углу ящика письменного стола в своём кабинете. Там им суждено было лежать как семейному памяtnому сувениру до тех пор, пока, после смерти Толкина, письма не опубликовала Бэйли, жена Кристофера, в роскошном издании под названием *Письма Рождественского Деда*» (*Семейный Альбом Толкинов*, с. 60). Сегодня на английском языке существует по меньшей мере пять изданий *Писем*,

три из которых можно считать основными: *Письма Рождественского Деда* (выпущено в 1976 году), *Письма от Рождественского Деда* (1995) — малого формата, с вынимающимися из конвертов письмами, *Письма от Рождественского Деда* (1999) — дополненное, в жёстком переплёте и суперобложке. К сожалению, все они неполны. Несколько писем (например, за 1921 и 1922 годы) безвозвратно утрачены и не представлены ни в одном из изданий; кое-где картинки не соотносятся с текстом и с маркой.

Тем, кому интересно проследить эволюцию Толкина как художника на примере иллюстративного материала *Писем* и оценить иллюстрации с художественной точки зрения, можно порекомендовать обратиться к соответствующей главе превосходной книги Вэйна Хэммонда и Кристины Скалл Дж. Р. Р. Толкин: *Художник и Иллюстратор* (1995). Сами оригиналы — то есть письма и конверты — хранятся сейчас в Бодлеянской библиотеке (Оксфорд) в отделе рукописей Толкина: рисунки 36—68; 83, фолио 1—65; 89, фолио 18.

Письма Рождественского Деда предназначены в первую очередь для того, чтобы поразвлечь детей, доставить им несколько приятных минут, — как благодаря элементу неожиданности и сюрприза, так и благодаря максимально приближенному к детскому восприятию сюжету. Комичные перипетии особенно замысловатыми не назовёшь; ежегодные истории представляют собою набор забавных и увлекательных эпизодов, в которых неисправимые шалуны получают по заслугам, а Рождественский Дед, несмотря на все свалившиеся на него неприятности, успевает-таки доставить подарки в срок. Каждый год представителям подрастающего поколения семейства Толкинов приходили вести с Северного Полюса: об очередных проделках и провинностях Северно-Полярного Медведя, о шалостях белых медвежат, о героических битвах с гоблинами.

Письма Рождественского Деда возникают из традиции. Они существуют на прочной основе, зафиксированной в массовом сознании через всевозможную печатную продукцию, общераспространённые обычаи, поверья, игрушки, — одновременно запечатлённой и в слове, и в визуальных символах (в одном из писем Рождественский Дед просит не верить картинкам, где его изображают на аэропланах и автомобилях, в другом уверяет, что вопреки «книгам» оленей у него не двенадцать пар, а семь). *Письма*

вырастают из традиции — и возвращаются в неё же, в свою очередь способствуя её непрерывному формированию: так, ежегодные английские подборки рождественских открыток пополняются репродукциями толкиновских рисунков, а следовательно, уже устоявшаяся в культуре система образов обогащается новыми подробностями видения Рождества. Для ребёнка и взрослого, соприкоснувшегося с вымышленным миром *Писем*, эльф Ильбэрэт и Северно-Полярный Медведь Карху становятся столь же полноправной и неотъемлемой частью рождественской традиции, как сам Рождественский Дед и его оленья упряжка.

Но что представляет собой сама английская традиция празднования Рождества, своеобразной летописью которой и являются *Письма*, при всей их простоте и комичности? Это сложная, прихотливая смесь христианских и языческих элементов; придуманный Толкином мир как раз и отражает двойственный характер её «английскости». А для того, чтобы лучше понять мир *Писем*, необходимо подробнее рассказать о том фоне, на котором *Письма* возникают — и начинают жить своей жизнью.

Сама дата Рождества — 25 декабря (принятая христианским миром Западной Европы ещё в IV веке) — удачно пришлась на дни, когда германский мир праздновал свой собственный праздник — Йоль (в Англии получивший название Yule, Йуль). В это время, в день зимнего солнцестояния, германцы, норвежцы, исландцы жгли костры, приветствуя возвращение солнца. Сегодня мы с трудом распознаём в христианском празднике черты языческой обрядовости, но изначально Рождество как таковое вводилось «под маской» Йоля. Так, один из правителей германского мира, норвежский конунг Хакон Добрый (умер около 960 года), желая утвердить в стране христианство, ввёл закон, повелевающий отмечать христианское Рождество одновременно с Йолем: «Каждый должен тогда варить пиво из меры зерна под страхом денежного взыскания и праздновать, пока хватает пива». Но тот же самый принцип успешно применила и Церковь в отношении языческих празднеств 25 декабря. Папа Григорий велел своим миссионерам «по возможности приспособливать церемонии христианских служб к языческим, чтобы нововведения не отпугивали людей». Обряды не отменяли — им находили альтернативное христианское истолкование, а английское Рождество так до конца и не избавилось от языческого при-

вкуса. Неудивительно, что ближайшим родственником Рождественского Деда *Писем* оказывается Прадедущка Йуль: тот, кто выполнял его функции до Рождества как такового.

Та же самая двойственность ощущается и в образе заглавного героя *Писем*. Очевидно, что это персонаж, параллельный русскому Деду Морозу; на западе его традиционно именуют Санта-Клаусом. Однако Толкин называет этого персонажа Рождественским Дедом (Father Christmas), и это показательно: он одновременно и Санта-Клаус англоязычной культуры, и Рождественский Дед, восходящий не столько к образу святого Николая, сколько к народной традиции. Именно поэтому в переводе мы предпочли «Рождественского Деда» более привычному «Деду Морозу». Но кто такой Рождественский Дед и кто такой святой Николай?

К Рождеству жители Британских островов готовились долго и основательно. Собственно, Рождество в представлении англичанина являет собой не столько конкретный день, сколько достаточно длительный период и целую цепочку событий — недели рождественского поста, предваряющие праздник как таковой (начало поста — четвёртое воскресенье перед Рождеством), и «двенадцать дней Рождества», за праздником следующие, и целая череда увеселений, в распорядители которых избирался Лорд Безобразий: именно ему предстояло обеспечить непрекращающуюся смену развлечений и забав начиная от сочельника и вплоть до Крещения (т. е. вечера 6 января: пресловутая «Двенадцатая ночь» Шекспира). А Рождественский Дед в качестве одного из обязательных персонажей фигурировал в рождественских пантомимах: их разыгрывали по всей Англии начиная с Духова дня и вплоть до самой Пасхи. В отличие от мистерий и мираблей такого рода рождественские действия подчеркнуто нерелигиозны: противник убивает героя, но вмешивается доктор, и герой оживает вновь. Главный герой неизменно звался Святым Георгием, или Королем Георгием, противником его выступал Турецкий Рыцарь, а вот открывал представление Рождественский Дед. Вот как звучит начало традиционной рождественской пантомимы, текст которой был записан в 1893 году (любопытно, что данное действо ежегодно игралось в городке Чаддингтон в Оксфордшире, неподалеку от Оксфорда, университетского города, где учился и много лет преподавал Толкин и где росли его дети):

Рождественский Дед [*декламирует, расхаживая по сцене*]:

А вот и я, Рождественский Дед!
Рождество, честной народ,
Веселит нас всякий год;
Сочный ростбиф, сытный пудинг,
Добрый эль с собой несёт!..
Хозяин и хозяйка, мир вам и благодать:
В весёлый праздник Рождества зашёл вас повидать!
Надеюсь, шутки мои никого не обидели?
А не то скажите, и я уйду — только меня и видели!

(Перевод С. Лихачёвой)

События *Писем* тоже можно воспринимать как своеобразные мни-мистерии, где, как предписано жанром пантомимы, установленный порядок нарушается усилиями персонажа-трикстера (в этой роли выступает неисправимый шалун Северно-Полярный Медведь и его племянники, удавшиеся в дядю) или врага (гоблины), а потом благополучно восстанавливается. Заманчиво соотнести Медведя с пресловутым Лордом Безобразий: злополучный мишка не покладая рук участвует в подготовке к Рождеству — однако «безобразий» от него в результате едва ли не больше, чем пользы.

В одном из писем Рождественский Дед сообщает, что и его самого, и его батюшку со временем стали звать Николасами, в честь святого: того самого святого Николая, который стал прообразом английского Санта-Клауса. О жизни этого удивительного святого известно крайне немного: родился он в Ликий, малоазиатской провинции Римской империи, прожил там всю жизнь, стал архиепископом, умер в начале IV века н. э. Однако с именем его связано столько историй и легенд, что в средние века святой Николай-Николас числился одним из самых популярных святых: своим покровителем его почитали лодочники и рыбаки, пивовары, путешественники и паломники — и в особенности дети. В день святого Николая, 6 декабря, было принято оделять детишек гостинцами вроде золочёных пряников и игрушек: возможно, поэтому раздачу подарков под Рождество доверили именно ему, упростив его имя до Санта-Клауса. Именно ему 6 де-

кабря дети пишут записки, сообщая, чего бы им хотелось получить в качестве рождественского подарка. Записки с пожеланиями полагается оставлять на подоконнике или в дымоходе: согласно легенде святой Николай наделил приданым трёх бедных девушек, оставив для них на окне три кошельки с золотом. Другая версия гласит, что святой Николай бросил кошельки с золотом в открытое окно и они упали в чулок, вывешенный на просушку. Отсюда обычай вывешивать чулки в Сочельник, столь популярный в семействе Толкинов.

Час вручения подарков не фиксирован и по сей день, хотя чулки обычно проверяют утром. Традиция рождественских даров — не только детям, но и взрослым — восходит также и к античности: в январские календы, 1 января, римляне обменивались подарками под названием *strenae*. Уже в средние века обмен подарками в Рождество упоминается как типично английский обычай — в аллитерационной поэме XIV века *Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь* (текст, с которым Толкин, как известно, работал вплотную) говорится о том, как:

...Из рук в руки дары вручались,
знать препиралась игриво, награды деля;
неудачам дамы долго смеялись;
тот же, кто выиграл, верно, не видел в том горя.

(Перевод С. Лихачёвой)

После Реформации святые утратили былую популярность — в том числе и святой Николай. Постепенно теряя черты христианского святого, образ Санта-Клауса слился с образом Рождественского Деда, уже знакомого нам краснолицего весельчака рождественских пантомим. Изначально этот персонаж респектабельностью не отличался: щегольский алый балахон распахивался на груди, щёки алели румянцем, — уж верно, не от воды! — а голову украшал венок из остролиста. Американцы слегка облагородили языческую картинку: благообразный старичок, седовласый и седобородый, в алой шубе и шапке (в Британии шапку заменяет капюшон), разъезжающий в саних, — это создание американских художников XIX века. Любопытная деталь: в 1914 году в Нью-Йорке была основана Ассоциация Санта-Клауса «для поддержки детской веры», которая отвечает на письма, ад-

ресованные англо-американскому коллеге Деда Мороза. А традицию семейства Толкинов в той же Америке продолжает издатель журнала *Ravenhill* Гэри Ханневел: каждое Рождество читатели и почитатели Толкина получают послание, в точности стилизованное под подлинные *Письма* вплоть до почерка и марок на конверте.

Помимо Рождественского Деда, чулков с подарками и озорного духа старинных пантомим в *Письмах* упоминаются и другие подробности, связанные с английским Рождеством. В письме от 1929 года Рождественский Дед сообщает о том, что он и его домочадцы отпраздновали приход зимы, устроив костёр (чтобы порадовать Белого Медведя): это соотносится и с кострами Духова дня (а в английской традиции именно с 31 октября начиналась подготовка к Рождеству), и с церемонией «святочного» (Йульского) полена. Упоминаются всевозможные вкусности и пиршества, а в дразнилке про Полярного Медведя говорится о его неуёмном аппетите: он съедает «мёд с ветчиной, с индейкой джем, соленья в сливках», «окорок, изюм, плам-пудинг и рахат-лукум». Во времена средневековья праздник Рождества — 25 декабря — ознаменовывался роскошным пиршеством. Летописи гласят, что на нескольких таких увеселениях гостям предлагалось «до трёх тысяч блюд». Для примера, при дворе Генриха V под Рождество, помимо всего прочего, подавались: «студень с горчицей, щука, приправленная пряностями, солёная минога, желе, подкрашенное цветком водосбора; лещ, морской угорь, лососина, плотва, белокорый палтус, раки речные, омар, осетрина, моллюски, жареный дельфин, линь, сазан, окунь и так далее, ещё 40 наименований пресноводных рыб; и марципан, украшенный ангелочками», а также непременно индейка и плам-пудинг (сливовый пудинг), причем в пудинг вкладывали монетку, кольцо и напёрсток: монетка — в залог мирских благ, колечко означало свадьбу, а напёрсток — праведную жизнь (вспомним попытки Повара начинить Большой Пирог такого рода «сюрпризами» в *Кузнеце из Большого Вуттона*).

Испокон веков в Англии принято было в преддверии Рождества — собственно, задолго до 24-го числа — украшать дом зеленью: остролистом, плющом и омелой. Этот обряд тоже заимствован из античности — во время зимних празднеств римляне убрали дом вечнозелёными растениями и дарили ветки друзьям: считалось, что зелень приносит счастье. Превра-

тить остролист в христианский символ оказалось несложно: острые, как иглы, листья и кроваво-красные ягоды ассоциировались с терновым венцом. А ещё остролист отпугивал ведьм и, следовательно, приносил в дом удачу. В западных областях Англии девушкам рекомендовалось украшать постели ягодами остролиста, дабы отогнать гоблинов. В лучших английских традициях в *Письмах Рождественского Деда* веточки остролиста украшают марки, служат виньетками для стихотворного текста, тут и там встречаются на картинках. А непоседливый медвежонок Валкотукка, племянник Северно-Полярного Медведя, подкладывает остролист Рождественскому Деду в постель. С символикой зелени соотносится и второй загадочный родственник Рождественского Деда: Зелёный Брат. По всей видимости, это дух весны в фольклорной традиции, Зелёный Человек, или Зелёный Георгий: его изображение часто фигурирует на резных орнаментах старинных церквей как человеческая голова, окружённая листьями или выглядывающая из ствола дерева. Винчестерский собор — наглядный тому пример. Вполне уместно выглядит подарок Зелёного Брата Рождественскому Деду — зелёные штаны, по поводу которых Дед замечает: «И вообще, гоблины ненавидят зелёный цвет, так что и от этих штанов есть польза».

Никакое Рождество не обходится без ёлки, однако в Англии эта традиция существует сравнительно недавно, не более 140 лет, будучи заимствована из Германии. Предполагается, что восходит она к языческим вегетативным культам, точно так же, как символика рождественских пантомим и обычай убирать дом остролистом и плющом. Некоторые авторы ссылаются на легенду о святом Бонифации, английском миссионере VIII века, проповедовавшем христианство в Германии. В канун Рождества святой Бонифаций якобы срубил священный дуб, под которым совершались человеческие жертвоприношения. Едва дуб рухнул, на его месте, словно по волшебству, выросла ёлочка; и проповедник предложил ёлку в качестве символа новой веры, принесённой им в Германию.

Чсть познакомить Англию с рождественской ёлкой принадлежит королеве Виктории и ее супругу: отдельные упоминания о ёлках встречались и ранее, но именно королевское семейство ввело ёлку в моду как непрменный атрибут семейного Рождества. В 1841 году королева Виктория

описывала рождественские празднования в Виндзоре: «Теперь у меня двое своих детей, которых можно задаривать подарками; малыши с радостным изумлением смотрят на немецкую рождественскую ёлочку и лучезарные свечи». В лучших английских традициях наряжают ёлку и обитатели Северного Полюса, как явствует из писем и картинок за 1930, 1934, 1937 годы.

В обиход жителей Северного Полюса входит и такая неотъемлемая составляющая английской рождественской традиции, как «День Подарков» (26 декабря); в этот день принято оделять подарками тех, кто оказывает нам те или иные услуги — почтальонов, электриков, дворников, слуг (тем, у кого они есть). 26-го числа празднуется также день святого Стефана, первого христианского мученика, отдавшего жизнь за новую веру вскоре после Христа и, возможно, в тот же самый год; и о нём тоже упоминается в *Письмах* (на день святого Стефана Рождественский Дед намеревается «закатить шумную гулянку»: ведь вся работа уже будет закончена).

До сих пор, казалось бы, Толкин в точности воспроизводит «английскость» традиции празднования Рождества. Однако же *Письма* — это нечто большее. Необузданному воображению Толкина было тесно даже в рамках неохватного *Сильмариллиона*. И хотя *Письма*, как и любое другое произведение Толкина, неразрывно связаны с национальной почвой, однако вместе с тем они (как, опять же, всё творчество Толкина) ориентированы и на германскую традицию, и — отчасти — на его собственный *легендариум*. Даже в детские письма, рассчитанные на двенадцатилетнего Майкла и восьмилетнего Кристофера, Толкин, не удержавшись, вставляет всяческие хитрости вроде «драсилей»: название этих забавных созданий, на которых разъезжают наездники-гоблины, отсылает нас ни много ни мало как к скандинавской мифологии — к названию Мирового Древа, ясеня Иггдрасиль (чьё имя переводится как «конь Игга», т. е. Одина).

Фольклорные по сути, очень простые и «детские», *Письма Рождественского Деда* приобретают у Толкина особую личную окраску, как во всём, что Толкин знал и любил — от *Беовульфа* до эльфийских алфавитов. Письма пестрят прямыми и косвенными отсылками на события семейные. Даже история про то, как Белый Медведь принимал ванну и вода перелилась через край (письмо от 1936 года), подсказана досадным происшестви-

ем в доме самих Толкинов. А со вкусом живописуя медведей — и главного безобразника Северно-Полярного Медведя Карху, и его непоседливых племянников Паксу и Валкотукку, и прочих белых медвежат («как бочка с маслом, всяк пузат»), и степенного Пещерного Медведя — Толкин явно стремится угодить вкусам Джона, Майкла, Кристофера и особенно Присциллы, обожавших своих игрушечных медвежат. Недаром те же самые игрушечные медвежата войдут и в мир *Мистера Блесса*. Особую слабость к белым медведям питал и сам Толкин: в тридцатые годы



«Семья» Присциллы

на новогодней вечеринке, как явствует из *Биографии* Х. Карпентера, Толкин «накрылся каминным ковриком из исландской овчины, вымазал лицо белой краской и изображал белого медведя» — можно с уверенностью предположить, что своего же собственного персонажа.

Таким образом, на материале *Писем* вырисовывается некая универсальная формула творчества, применимая к наследию Толкина в целом и в наибольшей степени к малым произведениям, напрямую с миром Арды не связанным: традиция (английская и германская) плюс некие личные воспоминания, параллели и аллюзии, и всё это помноженное на недюжинный талант рассказчика. И сюда же добавляются слабые отголоски собственной мифологии, что в *Письмах* выражается не напрямую, а через параллелизм образов: медведь с горящими ветками в лапах обрушивается на гоблинов; сцена, безусловно, комична, но не может не вызвать ассоциаций с соответствующим драматическим эпизодом в романе *Властелин Колец*. Эльфы Северного Полюса, так же как и гномы (Gnomes — не надо путать их с Dwarves, карлами), совершенно не похожи на своих силмариллионовских родственников, но имя «Ильбэрэт» и эльфийский язык порождают соответствующие ассоциации. На картинке от 1933 года Белый Медведь игрушки расправляется с гоблинами, под стать Беорну, вышедшему на Битву Пяти Воинств в обличье гигантского медведя. Та же самая фор-

мула применима и к образному ряду: не секрет, что для своих рождественских картинок Толкин кое-что срисовывал с открыток, дополняя «плагиат» множеством декоративных элементов, наводящих на мысль об эльфийской геральдике, — тех прихотливых гербах, что Толкин рисовал для персонажей *Сильмариллиона*.

Для вящего правдоподобия Толкин вводит в *Письма* целую галерею рассказчиков. Главный из них, конечно же, Рождественский Дед — он рисует картинки и ведёт канву повествования, то и дело списывая погрешности почерка и кляксы на злополучного Медведя: тот, дескать, вечно толкает его под локоть. Почерк у Рождественского Деда и впрямь неразборчив: ведь самому персонажу более 1900 лет, да к тому же после каждой домашней «катастрофы» рука у него начинает дрожать сильнее обычного. Кое-что приписывает от себя и Медведь — сперва это жирные буквы, начертанные «неуклюжей лапой», а после Карху переключается на «арктический» алфавит, очень похожий на руническое письмо. У секретаря Рождественского Деда, эльфа по имени Ильбэрэт, изящный «летающий» почерк. Так образ рассказчика, возникающий в тексте, творится ещё и на уровне визуального ряда. Зачастую письма, написанные одним из персонажей, содержат на полях ехидные комментарии другого: несколько голосов начинают звучать одновременно, то споря, то соглашаясь, — и дополняя друг друга.

Картинки за авторством Рождественского Деда — непременная составляющая всех писем — немножко похожи на комиксы: их можно долго разглядывать, рассказывая по ним историю эпизод за эпизодом. По мере взросления детей иллюстрации усложнились: от простенькой картинки самого первого письма для Джона («Я нарисовал для тебя СЕБЯ и Мой Дом») до проработанного в деталях «батального полотна» (в письме за 1933 год), посвящённого сражению с гоблинами.

Нельзя сказать с уверенностью, что в *Письмах* первично, а что вторично: тексты, картинки или «общее оформление» — надписанные разноцветными карандашами и чернилами конверты с марками, штемпелями, обратным адресом и пометками вроде «Доставить гномом-курьером», «Вручить в Сочельник» и т. д. Такое сочетание разнородных элементов — стихов и прозы, текстового и иллюстративного материала, многоголосия рассказ-

чиков, выраженного, помимо прочего, и на уровне почерков, создает ощущение мультимедийности: *Письма* — это единое сбалансированное целое, созданное силами разных видов искусства. К сожалению, ни в одном из существующих изданий это «единое целое» не представлено как таковое, но распадается на составные элементы: тексты, прилагающиеся к ним конверты и картинки обычно разбросаны по разным страницам сборников и не всегда приведены полностью. Мы попытались рассортировать весь этот разнообразный материал по годам и упорядочить, насколько это вообще возможно.

Главной проблемой автора, как явствует из *Писем* (на сей раз не Рождественского Деда, но самого Толкина), была острая нехватка времени. То и дело, отвечая на запросы из издательств о задержке той или иной рукописи (идёт ли речь о *Властелине Колец* или о предисловии к *Беовульф*), Толкин сетует на невозможность выполнить работу в срок, ссылаясь на кипы экзаменационных работ, учебную нагрузку, грипп и сотню других (более чем объективных) причин. Рождественский Дед как две капли воды похож на своего «создателя», едва ли не в каждом письме он жалуется на задержки и неполадки: олени разбежались, подарки отсырели, сани с шоколадками перевернулись, Медведь сломал лапу, и помощник из него никудышный... С большой долей вероятности можно предположить, что и *Письма Рождественского Деда* сочинялись Толкином в последний момент, в спешке («Даже письмо от Рождественского Деда за 1937 год ещё не написано!» — сетует Толкин в декабрьском письме к Стэнли Анвину); опять-таки из текста писем следует, что дорогих подарков своим детям он дарить не мог. Однако можно ли придумать подарок лучше, нежели игра, затянущаяся почти на двадцать лет, волшебная возможность переписываться с самым настоящим Рождественским Дедом? Этот отцовский подарок остался с Толкинами-младшими на всю жизнь; а теперь, благодаря этому изданию, соприкоснуться с ним смогут и читатели других поколений и другой культуры.



С. Лихачёва
С. Таскаева



1320



NORTH POLE
22 DEC. 1920



Mrs Tolkien :

Master John Francis Reuel Tolkien
1 Alfred Street
St Giles
Oxford
ENGLAND

OXFORD

Christmas House
NORTH POLE



1920

Love to
Daddy, mummy
Michael & Auntie
so many

Dear John

I heard you ask Daddy
what I was like & where
I lived. I have drawn
ME & My House for you.
Take care of the picture.
I am just off now for
Oxford with my bundle
of toys — some for you.
Hope I shall arrive in
time: the snow is very
thick at the NORTH POLE
tonight: Yr loving Fr. D.



Рождественский Дом,
Северный Полюс,

1920

Передавай привет папе, маме,
Майклу и тёте Мэри

Дорогой Джон!

Я слышал, ты спрашивал папу, какой я из себя и где живу. И я нарисовал для тебя СЕБЯ и Мой Дом. Береги эту картинку. Я как раз отправляюсь в Оксфорд с мешком игрушек; там есть кое-что и для тебя. Надеюсь прибыть вовремя: сегодня на Северном Полюсе сильная метель.

Любящий тебя Рожд. Д.



Вот
Рождественский
Дед

А вот и его дом

1923



DEC. 23

1923



Master John Francis Tolkien
11. St Marks Terrace
Woodhouse Lane
Leeds



Christmas Eve : 1923

3101
Northole

My dear John

It is very cold to day and
my hand is very shaky and
I am nineteen hundred and twenty

~~four~~ ^{no! seven!}

years old on Christmas day,

It is older than your great-grandfather,

so I can't stop the pen wobbling,



but I hear that you are getting
so good at reading that I expect
you will be able to read my letter

Сочельник 1923

Северный полюс

Мой дорогой Джон!

Сего дня очень холодно, и рука у меня так и трясётся — ведь в Рождество мне стукнет тысяча девятьсот двадцать ~~четыре~~ ^{нет! семь!} года от роду — я куда старше вашего прапрадедушки, потому-то перо меня и не слушается. Однако я слышал, ты делаешь большие успехи в чтении, и полагаю, что это письмо ты одолеешь без труда.


 I send you lots of love (and lots for
 Michael too) and Lots of Bricks too
 (which are called that because there
 are lots more for you to have next year
 if you let me know in good time).
 I think they are prettier and stronger
 and tidier than Picabrix. So I hope
 you will like them. Now I
 must go; it is a lovely fine night
 and I have got hundreds of miles
 to go before morning. There is such
 a lot to do.  A cold kiss from
 Fr. Nicholas. Christmas

Шлю тебе (и Майклу) наилучшие пожелания вместе с кубиками «лоттс-брикс»
 (на следующий год вы получите их ещё больше, если известите меня заранее).
 Мне кажется, они и симпатичнее, и прочнее, и опрятнее, чем кубики «пикабрикс».
 Надеюсь, они придутся вам по вкусу. Теперь мне пора в дорогу; ночь выдалась
 чудо какая хорошая, и до утра мне надо проехать несколько сотен миль: рабо-
 ты у меня невпроворот.



С холодным поцелуем
Ф. Николас Рождественский

1924

N P N P
X 2 4

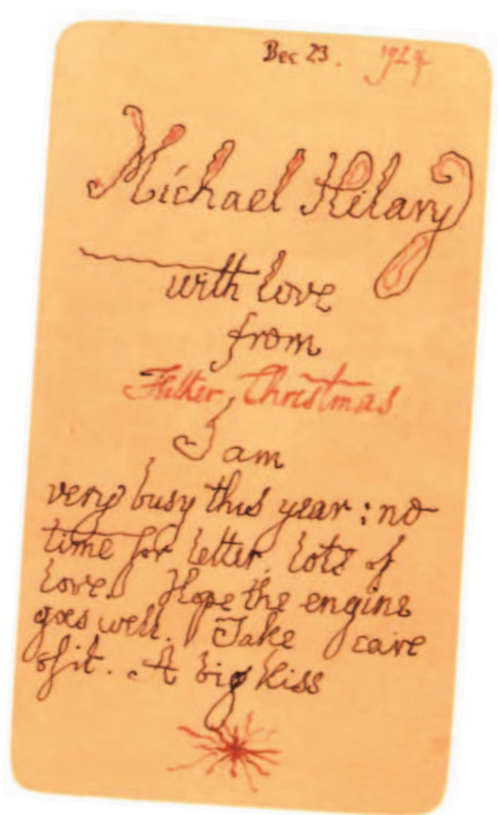


Master Michael Hilary Reuel Tolkien.
2 Darnley Road
West Park
Leeds

N P X 2 4



Master John Francis Reuel Tol
2 Darnley Road



23 декабря 1924

Майклу Хилари

с любовью

от Рождественского Деда

Я очень занят в этом году: некогда письмо написать. Шлю тысячу приветов. Надеюсь, паровоз на ходу. Береги его. Крепко целую.

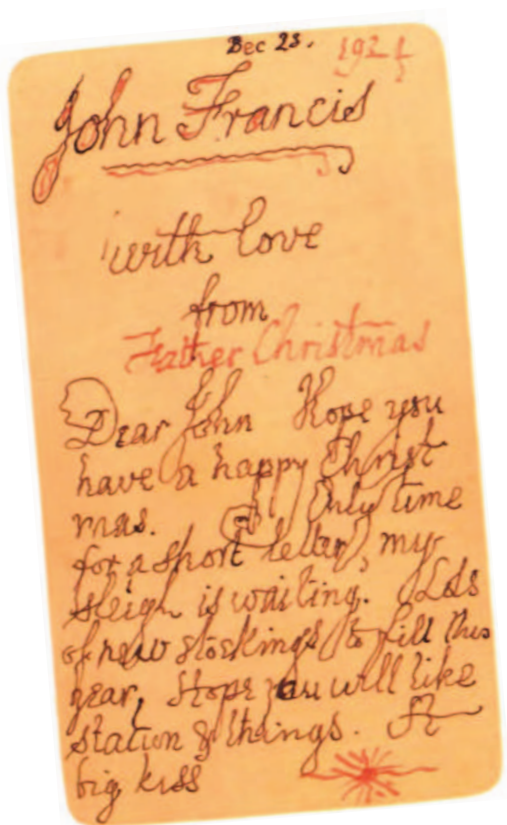
23 декабря 1924

Джону Фрэнсису

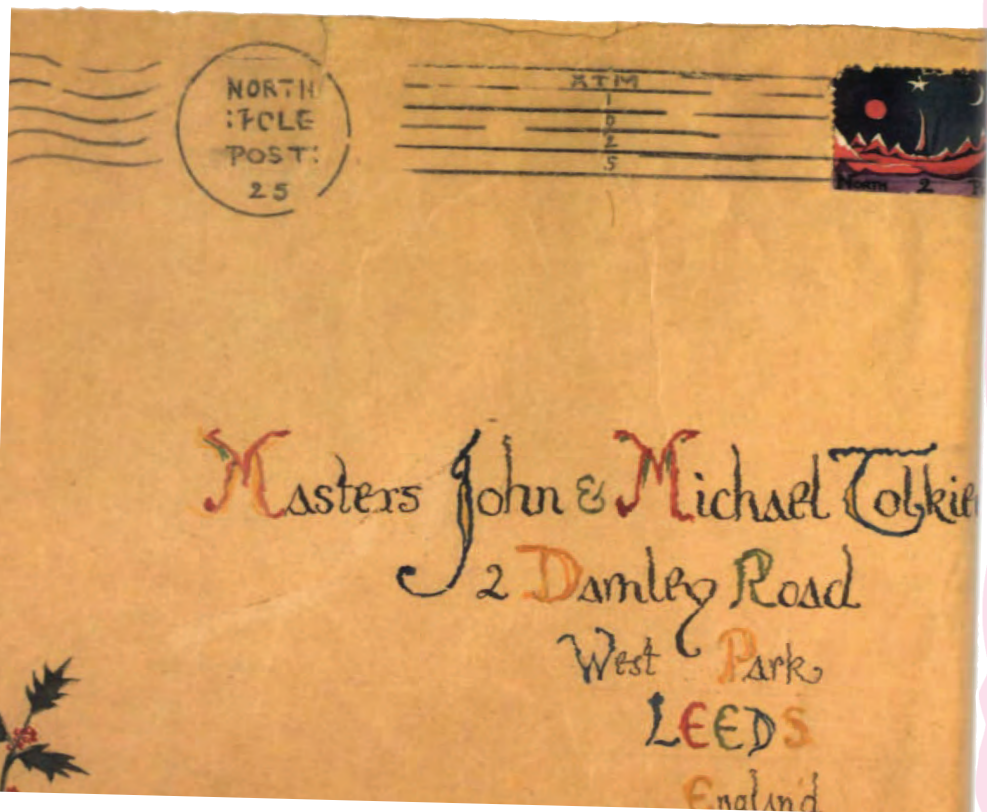
с любовью

от Рождественского Дeda

Дорогой Джон, желаю тебе счастливого Рождества. Нет времени на длинное письмо, сани ждут. Столько новых чулок надо наполнить в этом году! Надеюсь, станция и всё прочее тебе понравится. Крепко целую.



1925



Xmas

1925

Cliff House

Top of the World

Near the North Pole

Xmas

1925

My dear boys

I am dreadfully busy this year - it makes my hand more shaky than ever. When I think of it and I am very rich in fact awful things have been happening and some of the presentents have got spoilt and I haven't got the North Polar bear to help me and I have had to move house just before Christmas, so you can imagine what a state everything is in, and you will see why I have a new address and why I can write only one letter between you and my father.

It all happened like this: one very windy day last November my head blew off and went and stuck on the top of the North Pole. I told him not to but the N.P. Bear climbed up the chimney to get it down - and he did. The pole broke in the middle and fell on the roof of my house and the N.P. Bear fell through the hole it made into the dining room with my head over his nose and all the snow fell off the roof into the house and melted and put out all the fires and ran down into the cellars where I was collecting this year's presents and the N.P. Bears legs got broken. He is now again new but I was so cross with him that he said he won't try to help me again. I expect his temper is hurt, and will be mended almost Christmas.

I send you a picture of the accident, and of my new house on the cliffs above the N.P. with beautiful cellars in the cliff. I can't read my old shaky writing (yes, years old) he must get his father to. When is Michael going to learn to read and write his own letters to me? Lots of love to you both and Christopher, whose name is rather like mine.

That's all: Good bye. Father Christmas!



Рождество 1925
Дом-на-Утёсе
Макушка мира
У Северного Полюса

Мои дорогие мальчишки!

В этом году я страшно занят — как вспомню, так даже руки начинают дрожать пуще обычного и буквы прыгают — и несколько стеснён в средствах. По правде говоря, ужас что случилось, кое-какие подарки попортились, Северный Полярный медведь мне не помогал, а ещё мне пришлось переезжать перед самым Рождеством — так что вы сами можете вообразить, в каком всё состоянии, и поймёте, почему у меня новый адрес и почему я могу написать только одно письмо вам обоим. Я было всё так: в ноябре, в один на диво ветреный день с меня сдуло колпак и загнуло на самый конец Земной Оси, которая торчит из Северного Полюса. Я сказал С.-П. Медведю, чтобы он ни в коем случае туда не лазил, но он всё же вскарабкался на тонкую верхушку Оси, чтобы снять колпак. Ну, и снял. Ось переломилась посередине, рухнула на крышу моего дома, пробила в ней дыру, С.-П. Медведь провалился сквозь неё прямо в гостиную, а колпак нахлобучился ему на морду. Вдобавок через эту дыру осыпался весь снег с крыши и начал таять, затушил все *огни* и потёк вниз, в кладовые, где я хранил подарки на этот год, — а С.-П. Медведь ещё и заднюю лапу себе сломал. Сейчас с ним всё хорошо, но я здорово рассердился, и он теперь говорит, что не станет мне больше помогать. Я так думаю, он обиделся, но надеюсь, что следующему Рождеству он бросит дуться. Посылаю вам картинку, изображающую это происшествие и мой новый дом на утёсе над С. П. (в скале выдолблены отличные кладовые). Если Джон не разберёт, чего я тут нарисовал нетвёрдой рукой (весьма древней — ведь ей, как и мне, 1925 лет от роду!), пусть попросит папу прочесть. А когда Майкл собирается учиться читать и писать мне письма? Наилучшие пожелания вам обоим и Кристоферу — его имя очень похоже на моё английское, «Кристмас».



Вот и всё. До свидания.



Рождественский Дед





GREAT (Polar) BEAR

P. S.
— æ æEŁØ ~. Æß° E Ł
° ° ° Ł E ° Ł Æ
1° Ł E , Łæ ° Ø ° Ł . ° a
Æ , 1° , a Ø ° Ł
Ł æ Ł , E E æÆ — æ . " Ł
Ł Ł ßØ E: ° — °
æ . a —. ~. — E ß

1925

Луна смеялась

These stars shot!

Звёзды попадали!

С. П. Медведь
в моём кулаке
и немного
крыши

The N.P. bear
will bring
home
and a bit
of the roof

обломки
крыши
на снегу

посмотрите-ка,
как мы
починили
З.Ось:
к пеньку
красным
прикрепили
новый верх

the N.P. bear
will bring
home
and a bit
of the roof

звезда снова
стала
жёлтой



The
Star went
red when
Pole dropped
эта Звезда
покраснела,
когда
треснула Ось

N.P. bear

Сломанная Ось

Me! my!

Я
(сердитый)

my new house -
мой
новый
дом

Windows of
new cellar

окна
новых
кладовых

my friends are
climbing up the
cliff

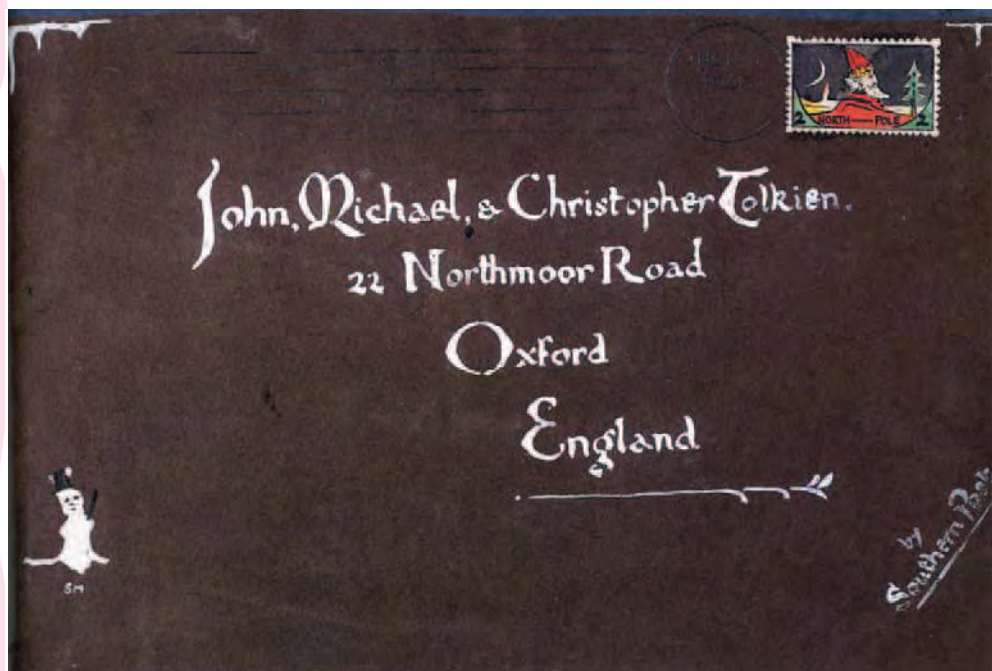
мои олени
умеют
взбираться
на скалы

my old house
мой старый дом

Me! my!

я (за работой)

Christmas 1926



Южной почтой

Christmas
1926

Coff House Top of the World

Near the North Pole

Monday Dec 1926 20th

My dear boys,
The North Star
hang in the world & the
in Cer has been. It
shook all the
four — and the
ate quite a lot of
said he felt better &
stars tidy. Then
They were. Nun-
tagging presents. Cus in the air. They were. Cell packed up
to start you see, yes it only happened this morning; it was a sleigh load
of disortate things. Which I always send to End & Land early. I hope
yours are not badly damaged. But isn't the N.P.B. silly? And
he isn't a bit. O boy! Of course he did it — you remember
had to move last year because of him? The top for turning in
the Pory Bory. My firework is still in the cellar of my
old House. The N.P.B. knew he must never never touch it. I only let
it off on special days like Christmas. He says he thought it was cut off since
we moved — quagay. He was nusing round the nung. This morning soon
after breakfast he hides things to be there and toned on all the Northern
lights for two years in. One for you have never heard or seen anything
like it. I have tried to draw a picture of it, but I am too shaky to
do it properly and you can't want freezing light can you?
I think the P.B. has spoiled the picture rather — of course he can't draw with
these great fat paws — by going and putting a bit of his son about me chasing
the Grandeur and him laughing. He did laugh too. So did I when I saw him.

rude. nro
I can — and write
without shaking

PTO

Дом-на-Утёсе

Макушка Мира

У Северного Полюса

Понедельник, декабрь 1926, 20-е

Мои дорогие мальчишки!

Рука у меня ходит ходуном сильнее обычного. Я всё Северно-Полярный Медведь! Хлопнуло будь здоров, а такого фейерверка свет не видывал. Земная Ось ПОЧЕРНЕЛА, звёзды посыпало с мест, луна разломилась на четвертушки – и Человек-с-Луны рухнул прямо в мой садик за домом. Пришлось скормить ему целую уйму шоколада, приготовленного к Рождеству, пока он не оправился и не полез обратно чинить луну и приводить в порядок звёзды. И тут обнаружилось, что северные олени сорвались с привязи: они носились по округе, обрывая поводья и верёвочки и разбрасывая подарки. А подарки были уже запакованы и готовы к отправке, представляете? Да-да, всё это произошло сегодня утром; целые сани шоколада – я всегда посылаю его в Англию загодя. Надеюсь, ваши шоколадки не пострадали. Ну не бесплодоч ли этот С.-П. М.? И ещё делает вид, будто он тут ни при чём! Я на самом деле очень даже при чём: помните, в прошлом году мне пришлось переезжать из-за него? А рубильник – которым включается фейерверк Фори Бори Эйлис¹ – остался в подвале моего старого дома. И С.-П. М. было строго-настрого заказано его трогать. Я запускаю этот фейерверк по особенным случаям, вроде Рождества. Медведь говорит, что думал, будто его отключили после переезда – но как бы то ни было сегодня утром после завтрака он рылся в развалинах (он прячет там всякие вкусности) и зараз выпустил двухлетний запас Северного Сияния. Нет, вы такого никогда не видели. Я попытался изобразить, как это было, но меня до сих пор дрожь бьёт, так что получилось не очень похоже. Да и кроме того, трудно нарисовать искрящиеся огни, верно?

Сдаётся мне, Б. М. испортил картинку – ну куда ему рисовать, с такими толстыми лапами? – взял и вставил (посередине) своё художество: как я гоняюсь за оленями, а он брюхо надрывает со смеху. Он ещё и смеялся! Но потом настала моя очередь потешаться: когда он, пытаясь нарисовать оленя, вымазал чернилами свои чистенькие белые лапы...

¹ Имеется в виду Аврора Бореалис, лат. «северное сияние».

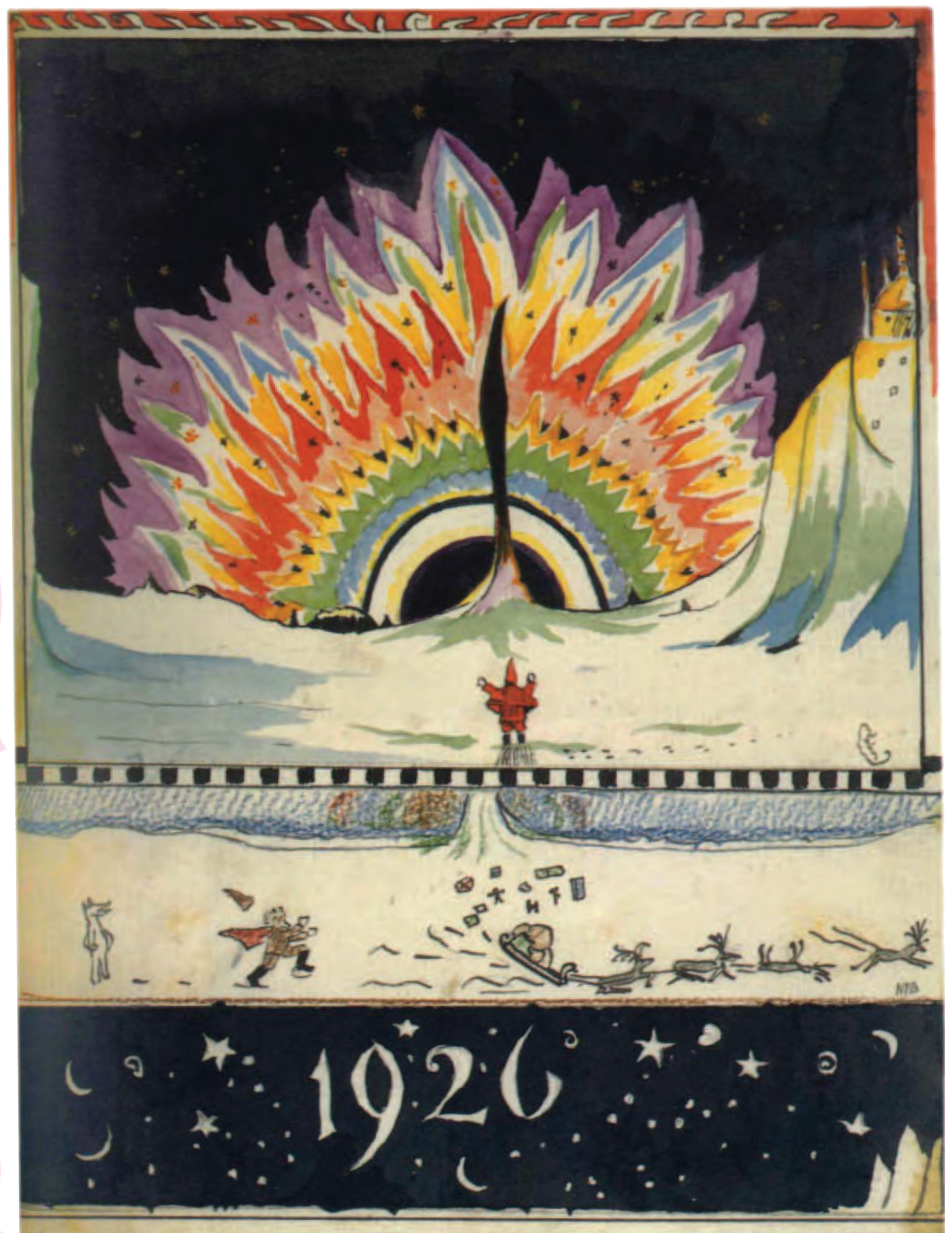
trying to load reindeer, and taking his nice white pants.
 FATHER X. had to hurry away and leave me to finish. He is old and gets
 worried when funny things happen. You would have laughed too!
 I think it is good of me laughing. It was a lovely firework.
 The reindeer will run quick to England this year. They are still
 frightened! ———
 I must go and help pack. I don't know what F.C. would do
 without me. He always forgets what a lot of packing I do
 for him. ———
 The Snow Man is addressing our envelopes this year.
 He is F.C.'s gardener—but we don't get much but snowdrops
 and frost-ferns to grow here. He always writes in
 white, just with his finger. ———
 A merry Christmas to you from NPB.

And love from Father Christmas
 To you all.

F.

—. ~ , E E L
 æ a . æ E L æ æ
 E a æ° æ - L Æ Æ - 's Æs
 L E L ° L ! , 1 1 ,
 æ ° æ . ° L s Ø s 1 ° Ø E. ' a
 ° L æ E a ° L æ s . L
 æ Æ æ 1 !
 Ø L æ æ Æ L. L
 Æs —. ~. ° ° æ Æ . L - L
 E æ a ° a E s .
 ' a E s L æs - a L E

С любовью, Рождественский Дед





Доставить прямым оленем



спешно! срочно!

Вроде как вас с каждым годом становится всё больше и больше, дорогие мои! Я же становлюсь всё беднее и беднее: однако, смею надеяться, я исхитрился доставить всем вам то, что вы хотели, хотя и не всё из того, что вы просили (Майкл и Кристофер, это я вам! В этом году от Джона не было писем. Я так понял, он вырос слишком большой и на сей раз даже не собирается вешать свой чулок).

Последнее время на Северном Полюсе стоит такая стужа, что Северно-Полярный Медведь то и дело залезает в спячку, и в это Рождество пользы от него меньше обычного. Земная Ось сделалась холоднее всего на свете, Северно-Полярный Медведь ткнулся в неё носом — да так и примёрз: вот почему на картинке нос у него перевязан красной фланелькой (только повязка сползла). Вы спросите, зачем он трогал Ось носом? Не знаю, но только Медведь всегда съёт свой нос куда не надо — взять, к примеру, мои кладовые.

А ещё у нас с самого начала зимы очень темно. Солнца мы, конечно, уже три месяца как не видели, и Северного Сияния в этом году нет — вы ведь помните эту кошмарную прошлогоднюю историю? Так что никакого сияния до конца 1928 года. Северно-Полярный Медведь упросил свою кузину (они даже дружат) БОЛЬШУЮ МЕДВЕДИЦУ посветить нам поярче, а на этой неделе я нанял комету, чтобы паковать подарки при её свете, — но и от кометы пользы немного, посмотрите на картинку и убедитесь своими глазами. Северно-Полярный Медведь нисколько не поумнел с прошлого года: вчера в садике кидал снежками в Снеговика, тот свалился с обрыва прямо в мои сани и много чего поломал, а заодно и сам рассыпался. Я взял то, что от него осталось, и использовал как белую краску. Придётся нам слепить нового садовника, когда дел поулавятся.

Заглядывал как-то на днях — ровно две недели назад — Человек-с-Луны: в это время года он у нас частый гость, поскольку на Луне ему тоскливо, а мы готовим для него отличный сливовый пудинг (он без ума от всего, что со сливами!).

Пальцы у него, как всегда, озябли, и Северно-Полярный Медведь заставил Человека-с-Луны играть в «снэп-дрэгон», чтобы согреть их. Человек, конечно, обжёг пальцы и сунул их в рот, бренди пришлось ему по вкусу, Медведь его как следует угостил, вот Человек и уснул на диване. Потом я спустился в кладовые, чтобы сделать хлопушки, а Человек скатился на пол — и мишка-пуг запихнул его под диван и думать про него забыл! Человеку нельзя отлучаться с Луны на всю ночь — но на сей раз именно это и произошло.

На следующий день сразу после чая Снеговик (он тогда ещё был цел) вдруг ворвался в дом с известием, что Луна гаснет! Выполнили драконы и напустили густого дыму. Мы выкатили Человека из-под дивана, встряхнули его, и он унёсся обратно просто со свистом, но немало минуло времени, прежде чем образовалась хоть какая-то ясность.

These are
 story which Fr
 Ch could not read
 may 21



believe he had to let loose and at his temple tempestuous evening made as
 before he could drive the dragons back into their holes and that he had
 set so cold down here. The Palace has one lantern when it is in its fault
 he curls up on my lap and does nothing but stare.

My mother-in-law told me that you have somebody from Iceland staying with
 you. That is not so far from where I live. I remember as well people don't
 much appreciate their own language. So in winter through (sometimes you
 don't and make a thing of it for their very holy Christmas trees. My usual way
 is down through Norway, Denmark, Germany, Switzerland, and then back through
 Germany, Northern France, Belgium, land to into England; or on the way back
 if you are the sea and sometimes Iceland if you can see the twinkling lights that
 in the valleys under their mountains. But if you are quick as my reindeer gallop as hard
 as they can there - they always say day I are frightened & welcome a dogger will
 go & hunt the north.

This must be all: I have written you a very long letter this year to make
 up for the dark card. There was nothing to give, but dark & snow and
 dust.

Love to you all, and happiness Next Year

Your loving
 Father Christmas



* 5. This is Fr Christ-
 mas's hearth and I
 am not on it. N.B.

My notes. N.B.

* 1. Of course you
 know! and every body does
 deep most of the time here in
 winter - especially Fr Ch.

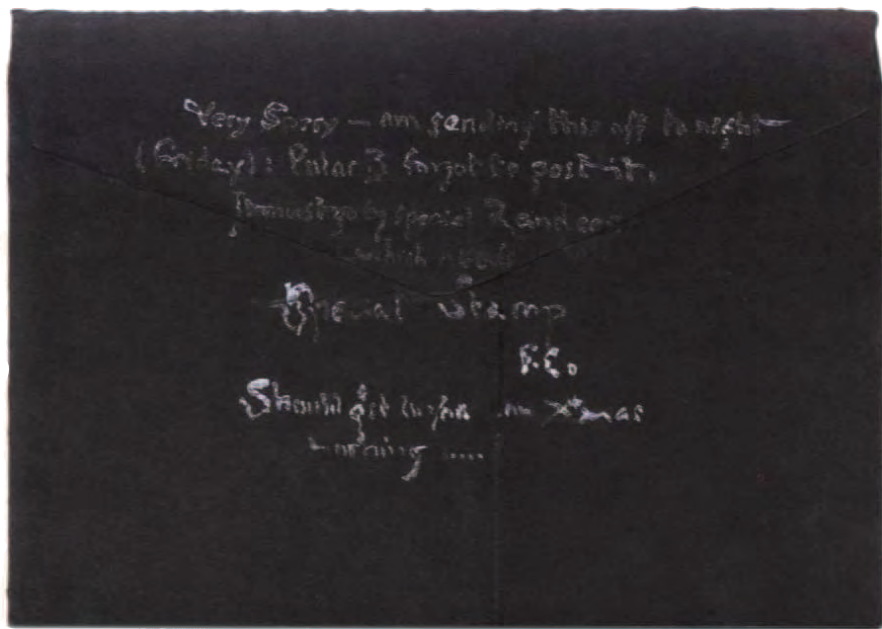
* 2. That's because
 I am hungry

* 3. I have been
 perfectly sensible and have learnt to
 write with a pen many months
 instead of a paintbrush

* 4. I have never been expected to look
 after the manuscript the same before. I am very nice to him, I believe
 My family under the sofa







Увы, посылаю письмо лишь сегодня вечером (в пятницу): Белый М. забыл его отправить. Письмо теперь пойдёт специальным Оленем, так что требуется Особая Марка.

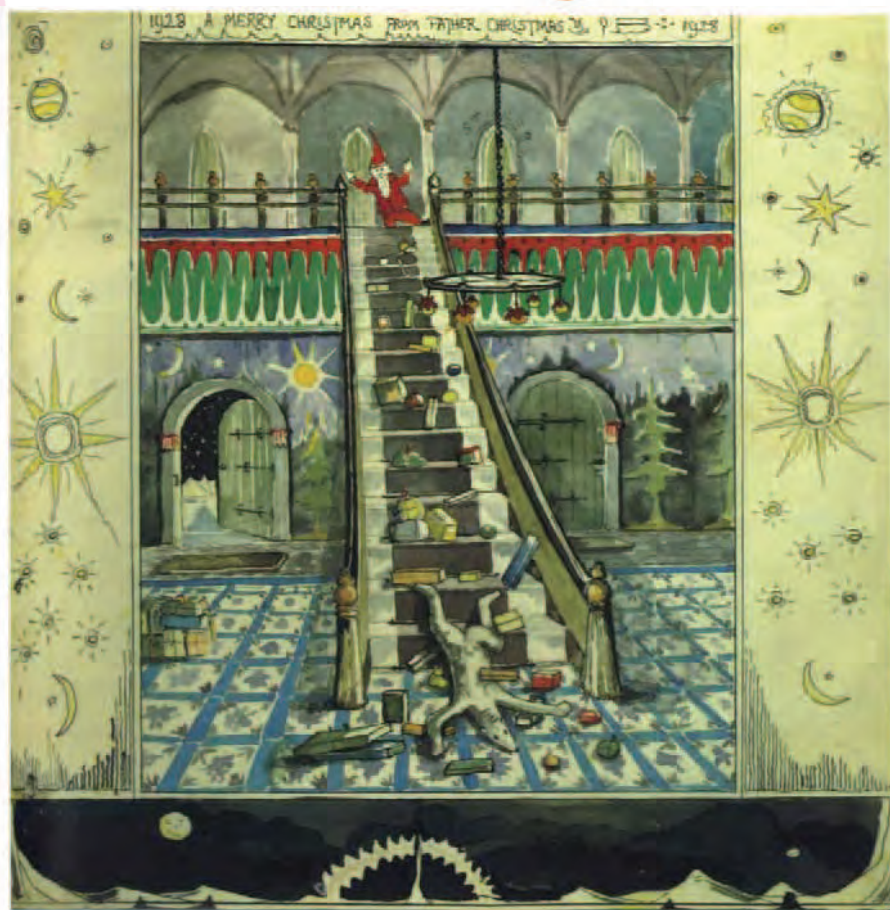
P. D.

P. S. Его должны вам доставить утром в Рождество...





1928





"Top o' the World"
NORTH POLE

Thursday December 20th
1928



8

My DEAR BOYS

ANOTHER CHRISTMAS and I am another year older—and so are you. I feel quite well all the same—very nice of MICHAEL to ask—and not quite so shaky. But that is because we have got all the lighting and heat (ing) right again after the cold dark Bear we had in 1927—you remember about it? And I expect you remember whose fault it was? What do you think the poor dear old bear has been and done this time? Nothing as bad as letting off all the lights. Only fell from top to bottom of the main stairs on Thursday! We were beginning to get the first lot of parcels down out of the store-rooms into the hall. PB would insist on taking an enormous pile on his head as well as lots in his arms. Bang Rumble Chatter Crash! awful moanings and growlings: I ran out on to the landing and saw he had fallen from top to bottom onto his nose—leaving a trail of balls bundles parcels & things all the way down—and he had fallen on top of some and smashed them. I hope you got none of these by accident? I have drawn you a picture of it all. PB was rather grumpy at my drawing it: he says my Christmas pictures always make fun of him & that one year he will send one drawn by himself (of me being idiotic (out of course I never am, and he can't draw well enough)). He joggled my arm and spoilt the little picture at the bottom of the moon

WHO
LEFT THE
SOAP
ON THE
STAIRS?
MUTTER

OF COURSE
NATURALLY

YES I CAN
DRAW
FLAG
AT
END.

«Маковца Мира»
Северный Полос
Четверг, 20 декабря
1928

Мои дорогие мальчики!

Снова Рождество, и я снова стал на год старше — как и вы. Однако чувствую я себя отлично — очень мило было со стороны Майкла осведомиться о моём здоровье — и рука почти не дрожит. Но это потому, что на сей раз у нас есть и огни, и отопление — это после прошлого тёмного и холодного года, 1927-го, — не забыли? И уж, наверное, вы помните, кто виновник тогдашнего переполоха. Как думаете, что на сей раз учудил бедный старина медведь? Да нет, ничего такого, что сравнилось бы с тем случаем, когда он разом выпустил все огни. Всего-навсего пересчитал в четверг все ступеньки главной лестницы! Мы как раз начали таскать подарки из кладовых вниз, в прихожую. Б. М. настоял на своём: взгромоздил гору свёртков на голову, да ещё и в лапы заграбастал целую охапку. Хлоп! Бум! Звяк! Шлёп! И ужасные стоны и поскливания. Выскაკиваю я на лестницу и вижу: он скатился с самого верха до самого низа и бухнулся на собственный нос оставив за собой дорожку из мячей-свёртков-пакетов и всего такого, — а кое-что оказалось под ним и расплощилось всмятку. Надеюсь, вам ничего из раздавленного не досталось? Я изобразил всё это на картинке. Б. М. изрядно на меня за это разобиделся: дескать, на моих рождественских картинках он всегда выглядит посмешищем и в один прекрасный год он нарисует и пошлёт что-нибудь от себя — выставив меня в идиотском виде (но я в таком виде никогда не бываю, да и художник из него не ахти какой). Он толкнул меня под локоть и испортил маленькую картинку внизу: луна смеётся, а Белый Медведь грозит ей кулаком. Едва поднявшись, он выскочил в дверь и не пожелал помочь с уборкой, ведь я сел прямо на лестницу и расхохотался — увидев, что ничего страшного не случилось: потому-то луна и улыбается.

☞ æ -
L° ß °
° æ -
?

—ø, æß,
☞ -

° -
1 L.
L æ
° а ☞ -

А кусок с сердитым Белым Медведем я отрезал, поскольку Медведь всё размазал.

Ещё я подумал, что вам бы понравилась картинка, которая изображает мой просторный новый дом ИЗНУПРИ — для разнообразия. Это главный зал под самым большим куполом, здесь мы обычно складываем подарки, прежде чем погрузить их в сани за дверью. Мы с Белым Медведем построили его, считай, вдвоём и выложили сине-лиловыми плитками. Перила и крыша немножко кривоваты, но это пустяки. Я разрисовал стены деревьями, звёздами, солнцами и лунами. И говорю Белому Медведю: «Я законченный вид придашь сам». А он в ответ: «Закоченелый вид? Вообще-то мороза и снаружи достаточно, а твоя внутренняя отделка, пурпурно-серо-сине-зеленоватая, тоже достаточно прохладная». «Не глупи, — говорю я ему, — лучше постарайся, будь молодцом» — и что же в итоге? По всему залу в качестве бордюра медведь пустил сосульки — но цвет выбрал ядовито-яркий, чтобы было потеплее!!!

Ну, дорогие мои, надеюсь, вам понравятся мои подарки: я везу вам почти всё, что вы просили, да добавок кучу мелочей, о которых вы не просили, — я подумал о них в последнюю минуту. Надеюсь, вы будете давать друг другу играть с железной дорогой, фермой и животными и не станете считать, будто подарки предназначены исключительно для тех, в чьих чулках они лежали. Берегите игрушки, они из числа моих самых лучших.

Привет Крису, привет Майклу, привет Джону, который, должно быть, очень вырос, раз больше мне не пишет (так что картинки шлю наугад, в надежде, что не ошибся. Выбирал их Белый Медведь: он уверяет, что знает вкусы Джона, поскольку Джон любит медведей).

Любящий вас Рождественский Дед.



BOXING DAY
1928

I am frightfully
sorry — I gave
this to the P.M. to
post and he forgot
all about it! We
found it on the hall
table today.

But you must forgive
him: he has worked
very hard for me & is
dreadfully tired. We
have had a busy Christ-
mas. Very windy here:
It blew several sleighs
over before they could
start —

Love again

День Подарков
1928

Мне безумно жаль: я отдал
письмо Б. М., а тот взял и
забыл отправить его! Мы
обнаружили конверт на
столе в прихожей только
сегодня.

Но вы уж его простите: он
очень много сделал для
меня и просто с ног
валился от усталости.
Рождество выдалось сума-
тошное. Очень ветренно:
несколько саней не успели
уехать — их просто сдуло.

Снова с любовью
Р. Д.



1929.

DEC 22
29



J. R. R. Tolkien
22 Northmoor Road
Oxford
ENGLAND.

PS I LIKE LETTERS AND THINK
CHRISTOPHERS ARE NICE

NOV 1929

DEAR BOYS

MY PAW IS BETTER I WAS CUTTING CHRISTMAS
TREES WHEN I HURT IT. DON'T YOU THINK MY WRITING
IS MUCH BETTER TOO? FATHER X IS VERY BUSY
ALREADY. SO AM I. WE HAVE HAD HEAVY SNOW AND
SOME OF OUR MESSENGERS GOT OVERRIED AND SOME
LOST: THAT IS WHY YOU HAVE NOT HEARD LATELY.
LOVE TO JOHN FOR HIS BIRTHDAY. FATHER X SAYS
MY ENGLISH SPELLING IS NOT GOOD. I CAN'T HELP IT. WE
DON'T SPEAK ENGLISH HERE, ONLY ARKTIK (WHICH YOU

DON'T KNOW. WE ALSO MAKE OUR LETTERS DIFFERENT
I HAVE MADE MINE LIKE ARKTIK LETTERS FOR YOU TO
SEE. WE ALWAYS WRITE A FOR T AND V FOR U.
THIS IS SOME ARKTIK LANGUAGE WHICH MEANS
"GOOD BY TILL I SEE YOU NEXT AND I HOPE IT
WILL BE SOON." MARA MESTA AN NI VELA TYE
INTO, YA RANO NEA

P. B.
MY REAL NAME IS KARHU BUT I DON'T TELL
MOST PEOPLE.

MI PAW

MARA NATIA

PS. Я ПОБЛОТИСЬМА
И КРИСТОФЕРОВЫ МНЕ ПАНРАВИЛИСЬ

НОЯБРЬ 1929

ДОРОГИЕ МАЛЬЧИКИ

МОЕЙ ЛАПЕ ЛУЧШЕ Я ПОРАНИЛ ЕЁ КАГДА РУБИЛ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЁЛКИ. НЕТ ПРАВДА МОЙ ПОЧЕРК ТОЖЕ СТАЛ МНОГО ЛУЧШЕ? Р. ДЕД УЖЕ ПА ГОРЛО В ХЛОПОТАХ. И Я ТОЖЕ. У НАС ТУТ СЛУЧИЛАСЬ МИТЕЛЬ И НЕКАТОРЬХ ИЗ НАШИХ ПОСЛАНЦЕВ ЗАМИЛО, А ЕЩЁ ЧАСЬТЬ ПОТЕРЯЛАСЬ: ВОТ ПОЧИМУ ВЫ НЕ ПАЛУЧАЛИ ВЕСТЕЙ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ДЖОНУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Р. ДЕД ГОВОРИТ, ЧТО Я ПИШУ ПО-АНГЛИЙСКИ С ОШИБКАМИ. НИЧЕВО ПОДЕЛАТЬ НЕ МОГУ. МЫ ЗДЕСЬ ГОВОРИМ НЕ ПО-АНГЛИЙСКИ, А ТОЛЬКО НА АРКТИЧЕСКОМ (ЕГО ВЫ НЕ ЗНАИТЕ). МЫ И БУКВЫ ПИШЕМ ИНАЧЕ. СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ВАС Я НАПИСАЛ БУКВЫ НА АРКТИЧЕСКИЙ МАНЕР ВМЕСТО «Т» МЫ ПИШИМ «Т», А ВМЕСТО «U» – «V». ДАЛЬШЕ НА АРКТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ НАПИСАНО «ДО СВЕДАНИЯ, НАДЕЮСЬ – СКОРАВО» – MÄRA MESTA AN NI VELA TUE ENTO, YA RATO NEA

Б. М.

МОЕ НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ – КАРХУ¹ НО Я МАЛО КОМУ ЕВО ГОВОРЮ.



Christmas Trees. 

¹ «Карху» в переводе с финского означает «медведь».

«Макушка Мира», Северный Полюс

Р-во 1929

Дорогие Мальчишки и Девочки!

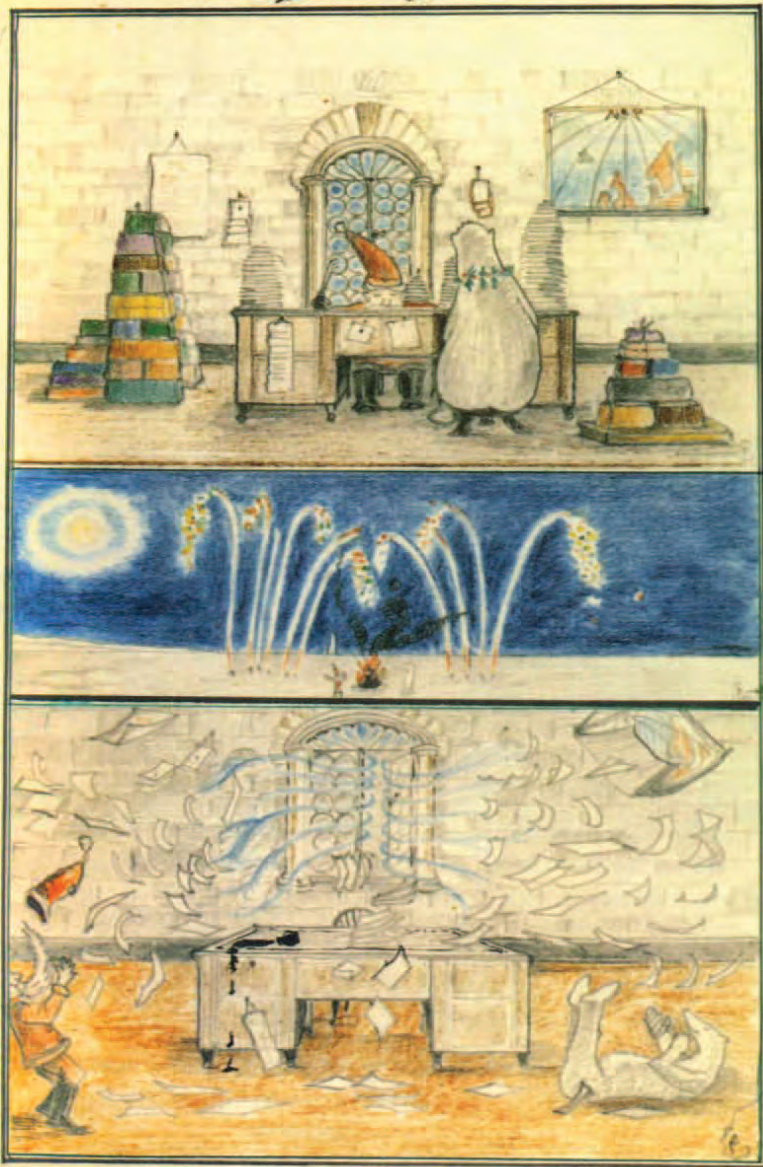
Рад сообщить, что Рождество в кри-то веку выдалось светлое — Северное Сияние особенно удалось. У меня есть о чём вам рассказать. Вы уже слышали о том, что Большой Белый Медведь рубанул по своей лапе, когда валил ёлки к Рождеству. Попал он по левой, не по правой, но всё равно неправ, и вообще жаль: потому как летом он убил немало времени на то, чтобы выучиться писать получше и помогать мне потом с зимними письмами.

В этом году в честь прихода зимы мы устроили костёр (чтобы порадовать Белого Медведя). Снежные эльфы выпустили разом все ракеты, застав нас обоих врасплох. Я попробовал изобразить это на картинке, но только ракет на самом деле были сотни и сотни. Я эльфов на фоне снега совсем не видно. Костёр проделал дырку во льду и разбудил Великого Тлоеня, который как раз оказался внизу. А потом Белый Медведь выпустил 20 000 серебряных потешных огней — извёл весь мой запас, вот почему я вам их и не прислал. Потом он уехал в отпуск!!! — на север Норвегии, в гости к лесорубу по имени Олаф — и вернулся с перевязанной лапой, как раз когда настала горячая пора.

Кажется, в странах, которые находятся на моём попечении: Англии, Норвегии, Дании, Швеции и Германии (и, конечно, в Северной Америке и Канаде) — детей изрядно поприбавилось, не говоря уж о том, что приходится везти подарки и на юг — для детей, которые уехали жить в Новую Зеландию, или Австралию, или Южную Африку, или Китай, но ждут от меня подарков. Хорошо ещё, что часы в мире показывают разное время, а то бы мне не успеть, хотя в Рождество, когда моё волшебство сильнее всего, я наполняю тысячу чулок в минуту, если только у меня всё распланировано заранее. Вы и представить себе не можете огромные киты составленных мною списков! И я их почти не путаю.

Но в этом году я несколько обеспокоен. По картинкам вы поймёте, что случилось. Первая картинка: в моей конторе-упаковочной я записываю имена под диктовку Белого Медведя. У нас тут случаются ужасные бураны — гораздо хуже, чем у вас: они рвут в клочья снежные тучи, завывают, как демоны, засыпают мой дом снегом по самую крышу. И в самый разгар бури Белый Медведь заявил, что тут, видите ли, душно — и не успел я ему помешать, как он распахнул северное окно. И вот результат —

1929.



"King of the World"



только на самом деле Северно-Полярного Медведя буквально завалило бумагами и списками; но он и тогда не перестал смеяться!

Вдобавок попрокидывались все мои красные и зелёные чернила, да и чёрные тоже — вот почему я пишу мелом и карандашом. А остатком чёрных чернил Белый Медведь подписывает свёртки с подарками.

Мне очень понравились все ваши письма, в самом деле, мои дорогие! Мне мало кто (можно сказать — почти никто) не пишет столько писем, и таких славных. Особенно мне пришлось по душе открытка Кристофера и его же письмо, и, раз он учится писать, посылаю для него первую ручку и отдельную картинку. На ней нарисовано, как я путешествую над морем на верховом северном ветре, покуда юго-западная буря — олени её ненавидят — вздымает внизу огромные волны.

Мне пора заканчивать. Шлю вам огромнейший привет. На этот год мне прибавилось работы — целый чулок! Надеюсь, вам понравится новый домики и всё то, что я вам привёз.

Ваш старенький Рождественский Дед

Great Polar Bear





1930



J. M. C. Tolkien

10

By messenger

Доставка посылным

Nov 28th 1950.

Fr Christmas has got all your letters! What a lot, especially from C & M! Thank you, and also Reddy and your bears, & other animals.

I am just beginning to get awfully busy. Let me know more about what you specially want. Also (if you can find out) what anyone else like Pa Mummy or Aunty (mean C Miss) & Grov wants. P.B. sends love. He is just getting better. He has had whooping Cough!! P.N.E.



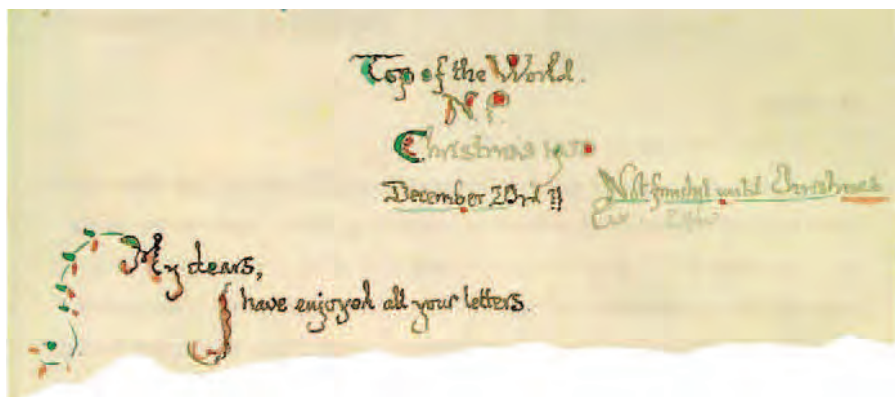
28 ноября 1930

Рождественский Д. получил все ваши письма! Сколько же их, особенно от Кристофера с Майклом! Спасибо вам, а также Редди, вашим мишкам и другим зверушкам.

У меня как раз начинается самое горячее время. Напишите точно, что вы хотите, а также (если сможете выведать) чего хотят все остальные — к примеру, п., мама или тётя (в смысле, мисс) Троув.

Б. М. шлёт привет. Он только-только на поправку пошёл. У него был Коклюш!

Д. Н. П.



Макушка Мира

С. П.

Рождество 1930

20 декабря?! Закончено только в Сочельник 24 числа

Дорогие мои,

я был рад всем вашим письмам. Мне очень-очень жаль, что не нашлось времени ответить на них, и даже прямо сейчас я не успеваю закончить толком рисунок или послать вам длинное подробное письмо, как я намеревался.

I hope you will like your stockings this year; I tried to find what you asked for, but the store have been my father & mother — I soon see the dear Bear has been ill. He had whopping-cough first of all (3) I could not let him hold with the packing & sewing which began in November — because it would be simply awful if any of my children caught Peter's Whopping-cough & looked like that in Boying-time. So I had to do everything myself in the preparation time. Henry & I was home in best — he cleaned up & mended my things and looked after the vinegar while I was busy. That is how the real bad accident happened. Early this month we had a most awful snowstorm & much snow & followed by an awful fog. The poor P. went out to the garden-shed, & got lost and nearly buried: I did not miss him & go to look for him for a long while. His chest had not got well from Mr. Cough & this made him frightenedly ill, & he was in bed until two days ago. Everything has got wrong & I have had to send no one to look after my messengers properly. Did you read the P. is letter? We had a party of Snow-bots (sons of the Snow-fairies) who are the only set of people that live near — not of course men made of snow though my gardener who is the oldest of all the snowmen sometimes draws a picture of a made snow man instead of writing his name) and polar-bears & the P.'s nephews) on Saturday as soon as we felt well enough.

Надеюсь, в этом году вы найдёте в своих чулках подарки себе по вкусу — я пытался раздобыть то, что вы просили, но в кладовых у нас неразбериха: Белый Медведь, сами видите, прихворнул. Начать с того, что он заразился коклюшным кашлем. Как я мог позволить ему возиться с подарками — упаковывать и разбирать (а работа у нас начинается в ноябре), ведь это было бы ужас что такое, если бы кто-нибудь из детей подхватил полярный коклюш и рас-кашлялся, как кашалоты в каникулы. Так что мне пришлось заниматься сборами самому. Конечно, Б. М. тоже старался как мог: почистил и починил мои сани, заботился об оленях, пока я был занят. Тут-то и свалилась на нас новая напасть. В начале месяца у нас случился жутчайший снегопад (почти шесть футов навалило!), а вслед за ним опустился такой же жуткий туман. Б. М., бедолага, отправился в оленюшню, заблудился, и его едва не засыпало

снегом. А я и думать про него забыл и хватился его ой как нескоро! К тому времени он ещё не оправился от Кока, и потому разболелся пуще прежнего — так что встал с постели всего три дня как. Всё пошло наперекосяк, и некому было приглядеть за моими посланцами.

Ну не чудесно ли, что Б. М. выздоравливает? В субботу, когда ему полегчало, мы устроили праздник для снеговичков (это сыновья снеговиков, которые единственные из людей живут в здешних краях. Нет, они, конечно, вовсе не из снега, хотя мой садовник, старейший из них, иногда вместо подписи рисует слепленного из снега снеговика) и белых медвежат (племянников Б. М.). На чай он не слишком-то налегал, но когда взорвалась огромная хлопушка, он так и взвился в воздух, отбросив своё одеяло, и с тех пор чувствует себя отменно.

Я зарисовал всё, что случилось: на верхней картинке — как Б. М. рассказывает обо всём случившемся — после того, как навели порядок после чая; на маленьких картинках — как я нашёл Б. М. в снегу и как он парит лапы в горячей воде с горчицей — а то его всё холодило озноб. Да только без толку: он расчихался так, что загасил пять свечей. Но теперь с ним всё хорошо, я точно знаю, ведь он снова принялся за своё: поссорился со Снеговиком (моим садовником) и проломил им крышу его же собственного снежного дома; а в подарок для непослушных детей положил — вместо подарков — ледышки. Может, мысль и неплохая, но мне-то он ничего не сказал! Некоторые из этих подарков (которые со льдом) попали на тёплый склад и растаяли, попортив подарки для хороших детей!

Ну, мои милые, я бы много ещё чего мог бы вам порассказать — про моего Зелёного Брата, про моего батюшку, старенького Прадедушку Нуля, и про то, почему нас обоих стали называть Николасами в честь святого Николая (у него праздник шестого декабря): этот святой тайне раздавал подарки, а ещё иногда подбрасывал в окна кошельки с деньгами. Но мне надо торопиться — я и без того уже не успеваю, а то, чего доброго, письмо дойдёт до вас слишком поздно.

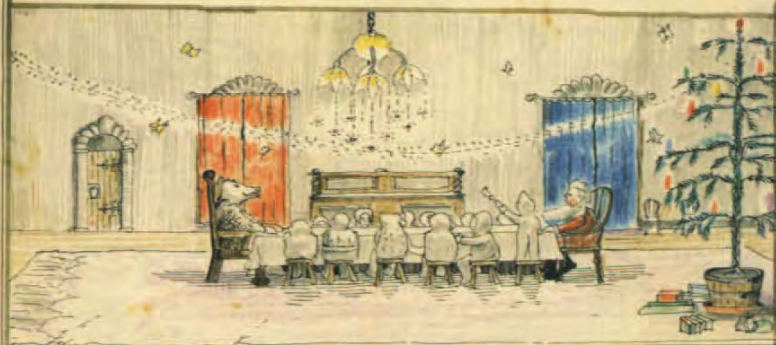
Целую вас всех,

Д. Н. Рождественский

P.S. (Крису совершенно незачем меня бояться).



1930



Party of Snowboys & Polar-cubs to celebrate PB's recovery.

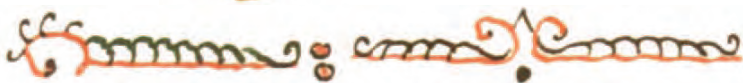


PB recovers!

Б. М.

Праздник для снеговиков
и бравых медвежат в честь выздоровления Б. М.

1931.



ИЗВИНИТЕ, Я ЗАБЫЛ ОТПРАВИТЬ
ПИСЬМО С ЛЮБОВЬЮ KARHU

IMHO
SORRY FOR
FORGOT TO
PUT LOVE
THIS
KARHU

1931

J. R. R. & M. R. C. R. P. M. R.
TOLKIEN.
20 Northmoor Road, Oxford, England.

URGENT.

By flying messenger please N.C.

СРОЧНО.
Пожалуйста, доставьте летучей почтой. Н. Р.

Cliffhouse

Oct. 31

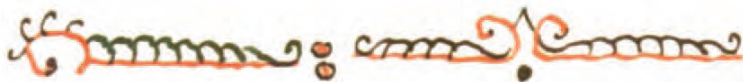
1931



Dear Children,

Already I have got
 some letters from you!
 You are getting busy early. I
 have not begun to think about
 Christmas yet. It has been very
 warm in the North this year, &
 there has been very little snow so
 far. We are just getting in
 our Xmas fire wood.

This is just to say my messengers
 will be coming round regularly now.

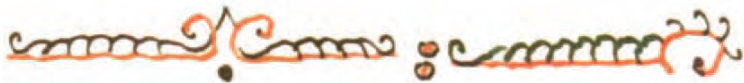


Winter has begun — we shall be
having a bonfire tomorrow — &
I shall like to hear from you:
Sunday & Wednesday evenings
are the best times to post to
me.

The P.B. is quite well & fairly
good — though you
never know what he will do
when the Xmas rush begins.
Send my love to John.

Yr loving
Mrs. Xmas

GLAD FR X HAS WAKT UP. HE SLEPT
NEARLY ALL THIS HOT SUMMER. I
WISH WE KODD HAVE KNOW. MY
COAT IS WHITE YELLOW. LOVE. P.B.



Дом-на-Утёсе

31 окт.

1931

Дорогие дети!

Я уже получил от вас несколько писем! Не рано ли вы о Рождестве вспомнили? Я о нём ещё и думать не думал. Этот год у нас на Севере выдался тёплым, и снегу ещё выпало мало. Мы пока только заготавливаем дрова для Рождества.

Это я к тому, что теперь мои посланцы начнут регулярные обходы — ведь зима наступила: завтра мы будем жечь костёр. Я был бы рад получить от вас письмецо-другое: лучше всего отправлять мне почту вечером в воскресенье и среду.

Б. М. чувствует себя неплохо — да и ведёт себя так же (хотя никогда не знаешь, что он выкинет, когда начнётся предрождественская суматоха).

Передавайте привет Джону.

Любящий вас Р-ский Д.

НА РАДОСТЯХ, ЧТО Р. Д. ПРАСНУЛСЯ. ОН ПРОСТАЛ ЧУТЬ ЛИ НИ ВСЁ НЫНЕШ-
НЕЕ ЖАРКОЕ ЛЕТО. ПОСКОРЕЕ БЫ СНЕК НАПАДАЛ! МОЯ ШУБА СОВСЕМ ЖЁЛ-
ТАЯ.



Мой последний портрет:
 Рождественский Дед
 за упаковкой подарков, 1931.
 С любовью ко всем вам.
 Остаюсь любящий вас Н. Р.

Cliff House.
North Pole.
December 29th 1931.

17



Dear Children

I hope you will like the little things I have sent you. You seem to be most interested in Barbara's. Just now, so I am sending you mostly things of that sort. I send as much love as ever, in fact more. We have both the old PB and I enjoyed having so many nice letters from you and your pets. If you think we have not read them you are wrong; but if you find that not many of the things you asked for have come, I am not perhaps quite so sorry as sometimes, remember that this Christmas all over the world there are a terrible number of poor & starving people. So my Green Brother have had to do some collecting of food & clothes, and toys too for the children whose fathers & mothers and friends cannot give them anything. Sometimes not even dinner. I know you won't forget you. So my dears, I hope you will be happy this Christmas. I won't quarrel, & will have some good games with you & Barbara all together. Don't forget old Father Christmas, when you light your tree.

NOR
ME-N.
FE!

It has gone on being warm up here as I told you - not what you would call warm. But warm for the NPde, with very little snow. The NPde, if you know who I mean, has been very sleepy as a result, & very slow over packing. In any job except eating - he has enjoyed sampling and tasting the food parcels, this year to see if they were fresh & good, he said. But that is not the worst - I should hardly feel it was Christmas, if he didn't do something ridiculous. You will never guess what he did this time! I sent him down into one of my cellars - the Cracker-hole we call it, where I keep thousands of boxes of crackers (you would like to see them, rows upon rows all with their lids off to show the kinds & colours) - well, I wanted 20 boxes, & was busy sorting soldiers & farm things,

IF SOMEBODY HAZ TO - AND I FOUND STONES IN SOME OF THE KUKRANTS

Дом-на-Утёсе
Северный Полюс
23 декабря 1931 года

Дорогие мои дети!

Надеюсь, вам придется по душе присланные мной мелочи. Вас, кажется, сейчас больше всего занимает железная дорога, так что посылаю вам всё в таком роде. Как всегда, шлю вам множество приветов — и даже больше обычного. Мы оба со старинной Б. М. немало радовались, получив столько хороших писем и от вас, и от ваших зверюшек. Если вы думаете, что мы их не читали, то вы ошибаетесь; но если вам покажется, будто вы получили не всё, что просили, да ещё и меньше обычного, вспомните, как много в это **Рождество** во всём мире бедняков и голодных. Я (вместе с моим **Зелёным Братом**) собрал кое-что из еды и одежды, да ещё из игрушек для детей, которых отцы и матери не могут иногда даже обедом накормить. Ваши-то родные, полагаю, вас не забудут. Так что надеюсь, мои дорогие, что вы счастливо встретите нынешнее **Рождество** и не будете ссориться, а станете все вместе весело играть с вашей железной дорогой. Вспомните старика Рождественского Деда, зажигаю свою ёлочку!*

И МЕНЯ!
С.-П. М!

У нас тут по-прежнему тепло — не по-вашему, но для **Сев. полюса** погода стоит тёплая и снегу очень мало. В результате **С.-П. М.** (если вы понимаете, кого я имею в виду)**, соня эдакая, обленился и всё делает ужасно медленно — подарки укладывает и всё прочее, только ест быстро: в этот год он повадился таскать на пробу еду из съедобных гостинцев (говорит, что всего лишь проверял, не испортились ли они)†. Но это ещё

ГЛУПО

‡ ну кому-то же НАДА БЫЛО ЭТО ДЕЛАТЬ! В СМОРОДИНЕ ИНОГДА ПОПАДАЛОСЬ ЧТО-ТО ТВЁРДОЕ

IT LOOKED
FINE

NOT FAIR!

I shall soon be off on my travels once more. You need not be lured by pictures you see of me in aeroplanes or motors. I cannot drive one & I don't want to; and they are too slow anyway (not to mention smelly); they cannot compare with my own runabout, which I train myself. They are all very well this year, I expect my post will be in very good time. I have got some new young ones this Christmas from Cleland (a great place for virgards, but these are WILTZERS). One day I will send you a picture of my deer-stables and harness-houses. I am expecting that John, although he is now over 14, will hang up his stock this last time, but I don't forget people even when they are past stocking-time, not until they forget me. So I send LOVE to you ALL & especially little PM, who is beginning her stocking-days & I hope they will be happy.

Your Loving Father Christmas

Your Loving Father Christmas

цветочки. Я бы и Рождества не заметил, если бы он не взялся снова за свои фокусы. Нет, ни за что вам не догадаться, что он отмочил на сей раз! Я послал его вниз, в одну из кладовок: мы её называем хлопущечной норой, там у меня хранятся тысячи коробок с хлопущками (вам бы это зрелище понравилось: хлопущки лежат рядами, со снятыми крышками, чтобы было видно, какого они цвета). В общем, мне понадобилось двадцать коробок, а поскольку я занимался разбором солдатиков и фермерской утвари, то послал его; и этот лентяй прихватил себе в помощь двух **снеговичков** (которым туда нельзя). Они стали таскать хлопущки из коробок, а когда Медведь попытался задать таску им (то есть ребятишкам), они разбежались, а он споткнулся, упал и уронил свою свечу прямо — **бух!** — в мои фейерверочные хлопущки и на коробки с шутихами. Услышав шум и почувствовав запах гари, я бросился из холла вниз, но там ничего не было видно, кроме дыма и искрящихся звёздочек. Старина **Б. М.** катался по полу, а на его шкуре шипели искры: на спине у него теперь здоровенная проплешина*. Снеговички умирали со смеху, а потом удрали. Заявили, что зрелище было роскошное, но на праздник в **день святого Стефана** они ко мне не придут: они уже и так получили больше, чем достаточно.

У нас уже некоторое время гостят племянники **Б. М.** — **Паксу** и **Валкотукка** (они говорят, что их имена переводятся как «толстячок» и «белый мех»). Оба они очень забавные белые медвежата-толстобрюшки: беспрестанно задирают один другого, а потом катаются

ЭТО Р. Д. НА
МЕНЯ ЗА
ОБЕДОМ
ПОДЛИВКОЙ
ПЛЕСНУЛ

БЫЛО НА
ЧТО ПО-
ГЛЯДЕТЬ!

по полу. Но в следующий раз я позвоу их на День Подарков, а не тогда, когда надо заниматься упаковкой. На прошлой неделе я спотыкался о них раз по четырнадцать на дню! Я Валкотукка проглотил клубок красного шпегата, приняв его за пирожное. Поскользнувшись шпегат внутри него запутался, медвежонка одолел запущенный кашель, и ночью он глаз не сомкнул — будет знать, подумал я, как подкладывать остролист мне в постель! Пот же Валкотукка вылил вчера в огонь все чёрные чернила, чтобы настала ночь — и ночь действительно настала, очень вонючая и дымная. Я в среду пропал Паксу, и мы нашли его только утром в четверг: он спал в кухонном буфете, слопав целиком и без ничего целых два пудинга. Кажется, племянники уродились в дядюшку.

НЕСПРАВЕДА-
ЛИВО!

Теперь *прощайте*. Скоро мне снова отправляться в дорогу. Не верьте картинкам, где меня рисуют на аэропланах или автомобилях. Я их не умею водить, да и не хочу; потом они слишком медленные (не говоря уж о вони), и до моих олений, которых я сам объезжал, им куда как далеко. В этом году они поживают очень неплохо, и я надеюсь, что моя почта будет доставлена вовремя. В это *Рождество* у меня есть несколько новичков из Лапландии (отличное место для магов; но олени-то *МЯГУЧИЕ*). Как-нибудь я нарисую вам мои оленюшны и сараи для упряжи. Надеюсь, Джон, хоть ему и пошёл пятнадцатый год, вывесит свой *чулок* в самый последний раз; но я помню даже тех, кто уже вышел из чулочного возраста, — пока они помнят меня. Так что шлю *ПРИВЕТ* вам ВСЕМ, особенно малышке *ПМ*, для которой чулочные деньки только начинаются — надеюсь, они придутся ей по душе.

НУ ТЫ
И ЛЯПНУ!

Любящий вас Рождественский Дед



Это всё нарисовал Северно-Полярный Медведь. Правда ведь, он делает успехи? Только зелёные чернила мои, и взял он их без спросу.



Набросок происшествия с хлопушками.

У меня не хватило времени сделать хорошую картинку.

1932

АНГЛИЯ
СРОЧНО

Доставить гномом-курьером, немедленно, спешно!

*
ENGLAND
URGENT

By post
* Immediate
Hush!

PAID 2
19 12
P



To
John Michael & Christopher
& Priscilla Tolkien
20 Northmoor Road
Oxford
ENGLAND

NE

Cliff House
North Pole

November 30th
1932.



Dear Children

Thank you for your nice letters. I have not forgotten you. I am very late this year & very worried—a very funny thing has happened. The P.B. has disappeared & I don't know where he is. I have not seen him since the beginning of this month, & I am getting anxious. Tomorrow December, the Christmas month, begins, & I don't know what I shall do without him.

I am glad you are all well, & your many pets. The snowbirds holidays begin tomorrow. I wish P.B. was here to look after them. Love to M, E & P. Please send my love when you write to him.

Edmund Christmas

Дом-на-Утёсе

Северный Полюс

30 ноября 1932

Дорогие мои ребята!

Благодарю за ваши милые письма. Я вас не забыл. В этом году я что-то припозднился и вдобавок весьма обеспокоен: творятся суициды чудеса в решете. Б. М. куда-то запропастился, и я ума не приложу, куда именно. Я не видел его с начала месяца и уже начинаю тревожиться. Завтра наступает декабрь, рождественский месяц, а без Медведя я как без рук.

Рад, что у вас и ваших многочисленных любимцев всё хорошо. С завтрашнего дня снеговички на каникулах. Эх, ну почему нет Б. М., он бы приглядел за ними! Привет М., К. и П. И Дж. тоже передавайте привет от меня, когда станете ему писать.

Дед Н. Рождественский

Дом-на-Утёсе, у Северного Полюса

23 декабря 1932

Дорогие мои ребята!

У меня для вас есть новости, но сначала поздравлю вас с Рождеством! Мы пережили немало приключений, и вам наверняка любопытно будет о них послушать. Началось всё со странных подземных шорохов: впервые мы услышали их летом, и с тех пор они делались всё громче и громче. Я опасался, как бы не случилось землетрясение. Северно-Полярный Медведь уверяет, что сразу догадался, в чём тут дело. Эх, если бы он мне тогда сказал! Но только, по-моему, он задним числом слегка привирает, ведь он всё проспал — и проснулся лишь к Майклову дню рождения¹. В общем, одним прекрасным днём в конце ноября он отправился на прогулку и не вернулся! Где-то пару недель назад я начал тревожиться по-настоящему, ведь старина очень мне помогает, несмотря на все свои промахи, и вообще очень забавный. В пятницу вечером (9 декабря) я услышал стук в дверь и ещё сопение. Я решил, что это мой медведь вернулся, а стучит, потому как потерял ключ (с ним такое уже бывало); но открыв дверь, я увидел другого медведя — очень старого, очень толстого и весьма чудного на вид. Это был старейший из немногих сохранившихся пещерных медведей (я его уже несколько веков как не видел), сам старый мистер Пещерный Медведь.

— Нужен вам ваш Северно-Полярный Медведь? — спросил он. — Если нужен, подите и заберите его!

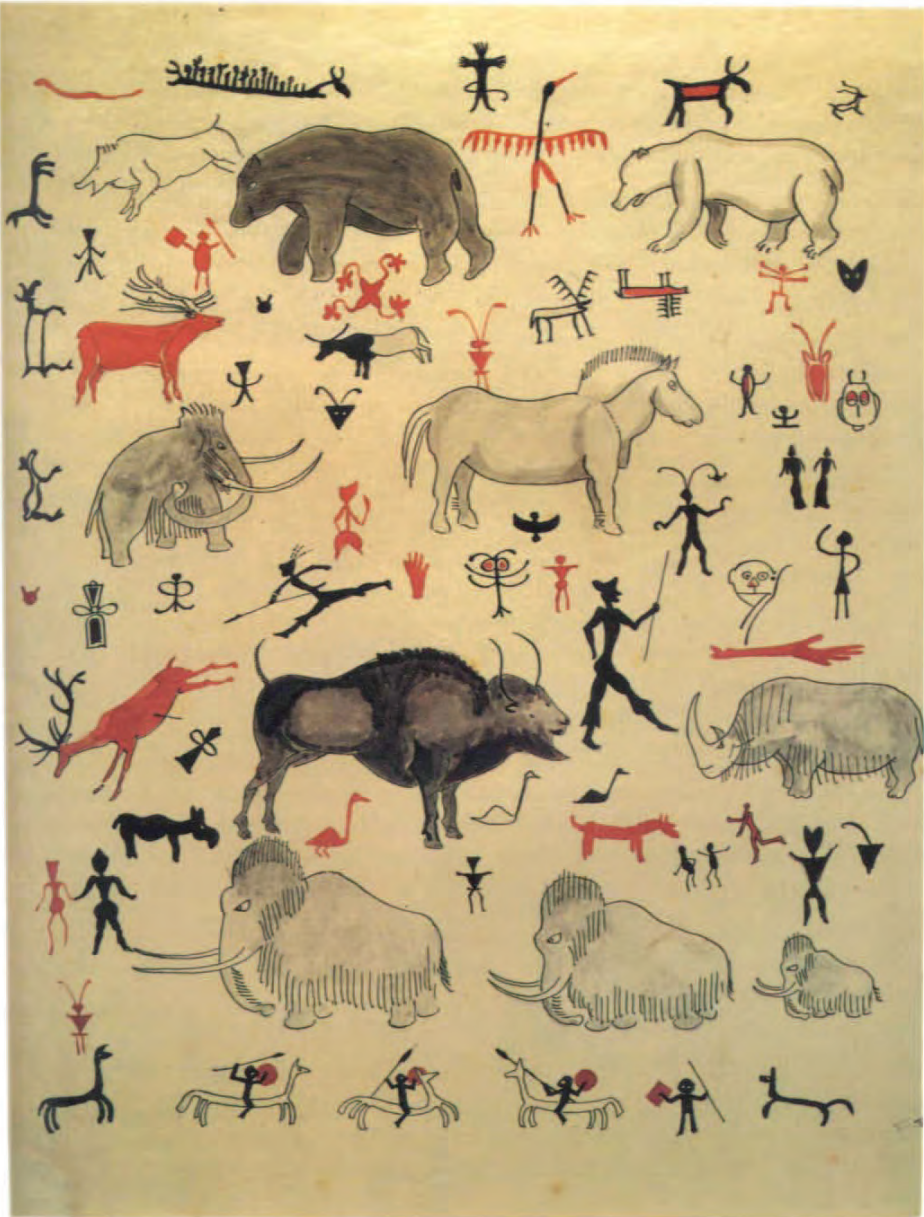
Оказалось, что Северно-Полярный Медведь заблудился в пещерах (которыми владеет мистер Пещерный Медведь — по его собственным словам), недалеко от развалин моего старого дома. Говорит, что наткнулся на нору в склоне холма и забрался в неё, потому что шёл снег. И долго ехал вниз, а за ним сыпались камни, так что он не смог вскарабкаться наверх и вылезти наружу. Но почти сразу он почувал ГОБЛИН! Медведю стало любопытно, и он решил разобраться. Не самый мудрый поступок: гоблины, разумеется, ему ничего сделать не могут, но их пещеры таят в себе множество опасностей. Ну и конечно, скоро он окончательно заблудился, а гоблины, погасив свои огоньки, морочили его странными шорохами и ложными отзвуками.

¹ 22 октября.

Для нас гоблины — всё равно что крысы для вас, только хуже, потому что они очень хитрые. Одно только хорошо: в наших краях их немного. Мы-то считали, их совсем не осталось. Давным-давно они наделали нам изрядных хлопот, года около 1453-го, я так думаю, но с помощью гномов — а гоблины боятся их как огня — мы их повывели. Как бы то ни было, старина Белый Мишка блуждал во мраке гоблинских пещер один-одинёшенек, пока не встретил мистера Пещерного Медведя, который там живёт. Пещерный Медведь — он хорошо видит в темноте — предложил вывести Белого Медведя через свой собственный чёрный ход. И они отправились в путь вдвоём, но гоблины заволновались и разозлились (когда они в темноте стали пихать Белого Медведя, он расплющил парочку, а остальным наговорил всяких гадостей). И гоблины отманили недруга в сторону, подражая голосу Пещерного Медведя, который, конечно же, прекрасно знали. И Белый Медведь забрёл в кромешный мрак, туда, где ветвятся многочисленные переходы. Так он потерял Пещерного Медведя, а тот — его.

— Свет — вот что нам нужно, — сказал мне Пещерный Медведь. И я прихватил несколько моих специальных искрящихся факелов — я беру их с собой в самые глубокие кладовые, и мы той же ночью отправились в путь. Пещеры — это чудо! Я про них знал, но даже не подозревал, что их столько и что они такие огромные. Гоблины, конечно, попрятались по самым глубоким норам и закуткам, и мы скоро нашли Белого Медведя. От голода он отощал и вытянулся, ведь он проторчал в пещерах около двух недель. «Ещё немного, и я бы и в гоблинскую щёлку протиснулся», — сказал он.

Белый Медведь и тот изумился, когда я принёс факел; ведь стены пещер, что самое замечательное, покрыты картинками, высеченными в камне или намалёванными красным, бурым и чёрным. Одни очень хороши (это по большей части изображения животных), другие странные, а некоторые гадкие, а ещё там много диковинных значков, письмён и каракулей. Иные из них такого мерзкого вида, что я уверен: без чёрной магии здесь не обошлось. По словам Пещерного Медведя, эти пещеры принадлежат ему и его семье со времен его пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра (умножьте это на десять) дедушки; и идея украшать стены пришла в головы именно медведям: они выцарапывали картинки там, где камень был мягче, и так точили когти. А потом туда явились ЛЮДИ — можете себе вообразить? Пещерный Медведь сказал, что некогда, давным-давно, люди обитали тут в немалом количестве: ведь тогда Северный Полюс находился в другом месте.



(Это случилось задолго до меня, и я ни разу не слышал, чтобы Прадедушка Йуль про это поминал, так что даже я не знаю, правду ли сказал Пещерный Медведь). Пещерные люди оставили множество рисунков, те, что лучшие прочих, в особенности большие (чуть ли не в натуральную величину) изображения животных, иные из которых давным-давно исчезли: там были драконы и куча мамонтов. Кое-какие из чёрных значков и картинок тоже оставили люди, но гоблинскими каракулями стены покрыты едва ли не сплошь. Сами-то гоблины плохо рисуют и вдобавок — только всякие гадости.

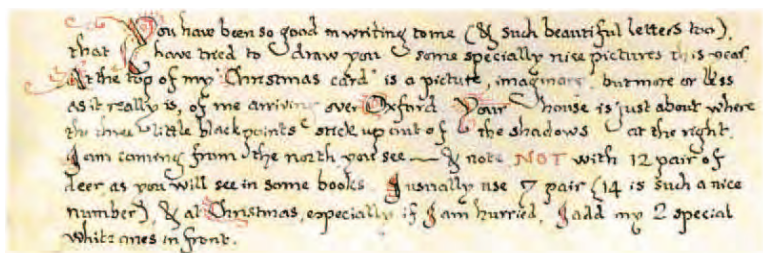
Северно-Полярный Медведь, увидев всё это, пришёл в восторг и сказал: «А ведь эти пещерные люди рисовали получше тебя, Дедуля ты мой Рождественский; и не захочется ли твоим юным друзьям увидеть по-настоящему хорошие картины (в особенности пристойно нарисованных медведей) — для разнообразия?»

Довольно грубо сказано, хоть и в шутку, подумал я; ведь я немало вожусь с рождественскими картинками: на некоторые трачу по целой минуте; и хотя я посылаю их только самым близким друзьям, друзей в разных местах у меня немало. И только чтобы натянуть Медведю нос (и порадовать вас), я скопировал рисунки со стены главной центральной пещеры — целая страница получилась! Посылаю копию вам.

Мои рисунки, наверное, не так хороши, как оригиналы (которые намного крупнее), если не считать гоблинской мазни, с которой всё просто. Это вообще всё, на что способен Белый Медведь. Он говорит, что они ему нравятся больше всего, но это только потому, что он ничего, кроме них, перерисовать не может.

Внизу страницы я поместил в ряд несколько гоблинских рисунков: они, должно быть, очень древние, поскольку гоблинские воины изображены на драсдах. На этих престранных существах — нечто вроде карликовой лошади, похожей на таку, — гоблины ездили верхом, пока те не вымерли. Думаю, что их род корень извели Красные Тномы где-нибудь во времена Эдуарда IV. На моей картинке ищите их на колоннах пещер.

Изображения животных просто великолепны: у этих мохнатых носорогов недобрый вид, да и мамонты глядят как-то по-подлому. А вот ещё бык, олень, кабан, пещерный медведь (мистер Пещерный Медведь сказал, что это портрет его предка в семьдесят первом колене) и ещё какая-то разновидность полярного, но не вполне полярного медведя. Северно-Полярному Медведю улыбается мысль, что это портрет кого-то из его предков. А под медведями самое лучшее, что гоблины могут изобразить по части оленей!!!



С вашей стороны было очень мило написать мне (и такие чудесные письма!), так что в этом году я попытался нарисовать для вас что-нибудь особенно симпатичное. Картинка в верхней части моей «Рождественской открытки» — взята из головы, но довольно похожа — изображает меня, прибывающего в Оксфорд. Ваш дом находится около трёх чёрных шишей, которые торчат из полосы теней в правой стороне. Я двигаюсь с севера, как видите, и обратите внимание: оленей у меня вовсе **НЕ** 12 пар, как написано в некоторых книгах. Я запрягаю семь пар (14 ведь такое хорошее число), а в Рождество, особенно если тороплюсь, добавляю вперёд ещё двух специальных белых оленей.

Потом идёт картинка про то, как я, Пещерный Медведь и Северно-Полярный Медведь исследовали пещеры, — сейчас я всё расскажу толком, потерпите минутку. Последняя картинка ещё не сбылась. Но скоро сбудется. На день святого Стефана, когда закончится вся работа, я собираюсь закатить шумную гулянку: позову внуков Пещерного Медведя (они точь-в-точь игрушечные медвежата!), снеговичков, детишек кое-кого из Красных Гномов и, конечно, белых медвежат, включая Паксу и Валкотукку.

Я щеголяю в новых зелёных штанах. Это подарок от Зелёного Брата, но я ношу их только дома. И вообще, гоблины ненавидят зелёный цвет, так что и от этих штанов есть польза.

Ну так вот, спасением Белого Медведя наши приключения не закончились. В начале прошлой недели мы наведались в кладовые приготовить подарки в Англию. И говорю я Белому Медведю:

— Кто это тут всё раскидал?

— Небось Паксу с Валкотуккой, — отвечает он мне.

Но ничего подобного! На следующий день всё было ещё хуже, особенно с игрушечными железными дорогами: их сильно не хватало. Я мог бы и догадаться, да и Белому Медведю неплохо было бы поделиться со мной своими соображениями.

1932



A MERRY CHRISTMAS

NC

А когда мы спустились вниз в прошлую субботу, мы увидели, что из главной кладовой пропало почти всё! Вообразите, каково мне было! Считай, посылать совсем нечего, а времени, чтобы раздобыть новые подарки, почти что нет!

— Здесь смердит гоблинами! — сказал Северно-Полярный Медведь. Ну да, ещё бы: они обожают механические игрушки (только быстро ломают их и хрюкают ещё и ещё); и пропали почти все паровозы и железные дороги фирмы «Хорнби»! Мы стали искать и наконец нашли за упаковочными ящиками в Западном Подвале здоровенную дыру (нам не пролезть, однако), за которой начинался туннель.

Нетрудно догадаться, что мы немедленно бросились к Пещерному Медведю и снова полезли в пещеры. И тут-то мы обнаружили причину странных шорохов. Гоблины, со всей очевидностью, давным-давно прорыли ход в мой старый дом (он не так далеко от их холмов) и утащили множество всякого добра.

Мы нашли подарки столетней давности — и даже несколько свертков, предназначавшихся для ваших прадедушек-прабабушек! Но тогда гоблины вели себя умнее, не очень жадничали, и потому я так ничего и не заметил.

А со времени моего переезда они, должно быть, рыли туннель к Утёсу, на котором стоит мой дом: сверлили, бухали и взрывали (как можно тише). И наконец добравшись до моих новых кладовых и увидев все игрушки «Хорнби» разом, не устояли и уволокли сколько смогли.

Добавлю, что они всё ещё злились на Белого Медведя. И думали, что мы им ничего не сделаем. Но я пустил в нору свой патентованный светящийся зелёный дым, а Белый Медведь гнал и гнал его по туннелю нашими огромными кулонными мехами. Гоблины завизжали и повыскакивали с того конца (пещеры).

А там их уже поджидали Красные Гномы, за которыми я нарочно посылал в Норвегию, где до сих пор живёт несколько по-настоящему древних родов. Они захватили сотни гоблинов и ещё больше выгнали наружу, в снег (а снег гоблины ненавидят). Мы заставили их показать тайники или просто отдать похищенное, так что к понедельнику мы вернули почти всё. Гномы еще разбираются с гоблинами и обещают, что к Новому году ни одного не останется. Но я не очень в этом уверен и думаю, что они снова объявятся лет через сто или около того.

Нам пришлось торопиться; но тут нам на помощь пришли старый добрый Пещерный Медведь с сыновьями, а также гномьи дамы; так что мы даже очень хорошо продвинулись вперёд и всё упаковали. Надеюсь, что от ваших подарков не пахнет гоблинским духом, мы их все как следует проветрили. Безвозвратно пропало лишь несколько железнодорожных игрушек, но вы, я надеюсь, получили

всё, что хотели. В этом году я повезу игрушек меньше обычного, поскольку надо прихватить немало еды и одежды (то, что может пригодиться): ведь слиш-ком много людей и у вас, и в других странах голодают и мёрзнут в эту зиму.

Рад слышать, что у вас стоит теплынь. У нас-то жуткая холодина. Ду-ют сильнейшие ледяные ветра, и после страшных буранов мой старый домик совсем спрятался под снегом. Но я чувствую себя очень хорошо, лучше, чем обычно, и хотя рука моя по-прежнему выводит каракули (отчасти потому, что писать я люблю меньше, чем рисовать — рисовать я выучился раньше), по-моему, тряётся она меньше.

Белый Медведь получил сегодня письмоцо от вашего отца, которое изрядно его озадачило. Я сказал ему, что оно весьма смахивает на старые конспекты лек-ций, а он рассмеялся. И теперь говорит, что Оксфорд, по его мнению, совершенно безумное место, раз там читают лекции на такие темы: «Только думаю, никто их не слушает». Рисунки понравились Медведю больше. Вот что он сказал по это-му поводу: «По крайней мере отец этих мальчишек пробовал рисовать медведей — хоть они и не удались. Нет, это всё, конечно, чепуха, но на письмо я отвечу».

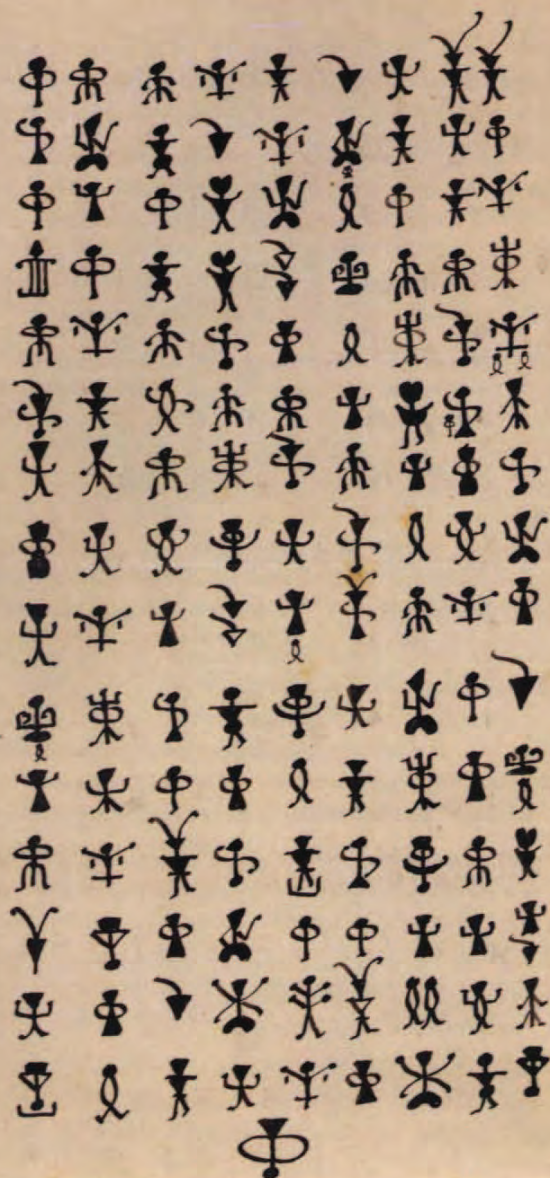
Так вот: он, насмотревшись значков на стенах пещер, придумал свой ал-фавит. Уверяет, что это гораздо красивее и обычных букв, и рун, и полярного алфавита — и его лапе подходит лучше. Он рисует буквы тупым кончиком сво-ей ручки! Послал вам короткое письмо, написанное этими буквами: желает вам очень счастливого Рождества, замечательного Нового года — много веселья и успехов в школе. Раз вы в школе стали такими умными (пишет он) со своей латынью, французским и греческим, то без труда прочтёте это письмо и по-лучите привет от Белого Медведя.

Я в этом не уверен (но, полагаю, он поделится с вами копией своего алфави-та, если вы пришлёте письмо и попросите его об этом. Кстати, писал он колон-ками, сверху вниз, а не слева направо: не говорите ему, что я выдал его секрет).

Это письмо из самых длинных. Да уж, мы тут не скучали. Надеюсь, мой рассказ вам понравился. Шлю всем вам привет: Джону, Майклу, Кристоферу и Присцилле, а ещё вашим маме, папе, тёте и всем, кто живёт у вас в доме. Сда-ётся мне, Джону и впрямь пора бы перестать вывешивать чулки и уступить место тем многочисленным детям, которые появились на свет с тех пор, как он впервые начал вешать свой чулок; но Рождественский Дед его не забудет.

Будьте счастливы.

Любящий вас Николас Рождественский



1933
A . . .



Л.Г.

North Pole.
Dec. 2nd. 1933.

У Северного Полюса

2 декабря 1933

Дорогие мои!

Наконец-то настали сильные холода. Работа уже идёт полным ходом, мы трудимся не покладая рук. Получил от вас много хороших писем. Спасибо вам. Я записал для себя ваши просьбы, но надеюсь, вы мне ещё напишете — у меня тут проблемы с посланцами, поскольку гоблины... но сейчас мне недосуг пересказывать вам наши тревожения. Авось у меня найдётся времечко на ещё одно письмо.

При встрече передавайте Джону привет от меня. Привет всем вам и поцелуй Присцилле — скажите ей, что борода у меня очень славная и мягкая, поскольку я ни разу не брился.

До Сочельника три недели!

Ваш Рождественский Дед Николай

Не унывайте, ребятки (и ребяточка, если так говорят о женском роде)!

Веселье начинается!

Ваш Б. М.

Yrs Father N. Christmas

Clig House
near the North Pole.

* December 21st *

1933.

My dears

Another Christmas! and I almost thought at one time (in November) that there would not be one this year. There would be the 25th of Dec. of course, but nothing from your old great-great-great-etc. grandfather at the North Pole. My pictures tell you part of the story. **Goblins** The worst attack we have had for centuries. They have been fearfully wild and angry ever since we took all their stolen toys off them last year & dosed them with green smoke. You remember the Red Gnomes promised to clear all of them out. There was not one to be found in any hole or cave by New Year's day. But I said they would drop up again in a century or so. They have not waited so long! They must have gathered their nasty friends from mountains all over the world & been busy all the summer while we were at our sleepiest. This time we had very little warning. Soon after All Saints' Day PB got very restless. He now says he smells nasty smells - but as usual he did not say anything: he says he did not want to trouble me. He really is a nice old thing & this time he absolutely saved Christmas. He took to sleeping in the kitchen with his nose towards the cellar-door, opening on the main-stairway down into my big stores.

One night just about Christopher's birthday, I woke up suddenly. He was squeaking and spluttering in the room & a nasty smell - in my own best green & purple room that I had

Дом-на-Утёсе
возле Северного Полюса

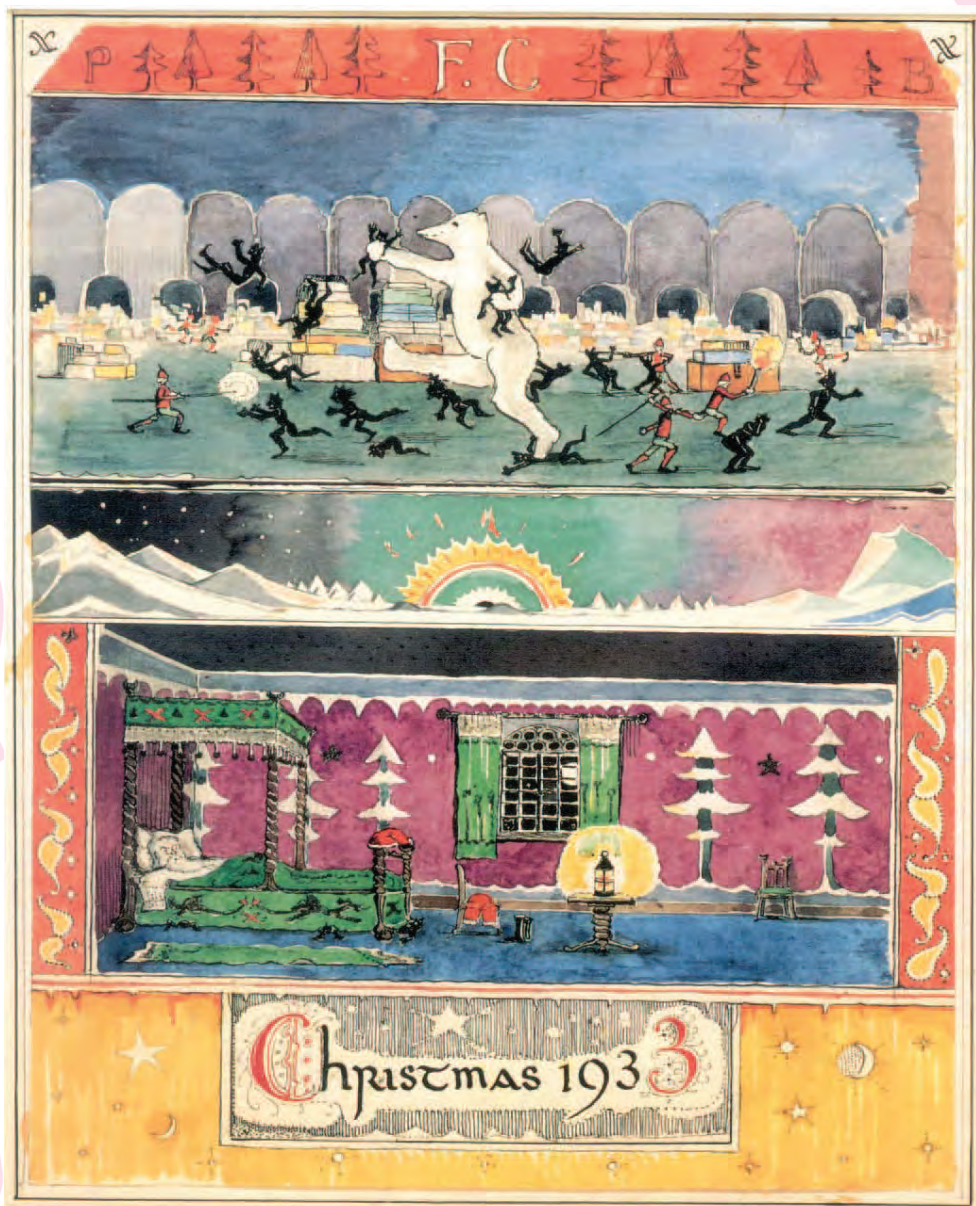
21 декабря

1933

Снова Рождество, дорогие мои! Я в ноябре уже подумывал, что никакого Рождества в этом году не будет. Это есть, конечно, 25 декабря настанет, но с Северного Полюса, от вашего старенького пра-пра-пра-пра и так далее дедушки не прибудет никаких подарков. По картинке вы отчасти поймёте, что случилось. Гоблины! Такого кошмара не бывало уже несколько веков. Они ужасно сердились и злобствовали с тех пор, как в прошлом году мы отобрали у них все украденные игрушки, да ещё и потравили их зелёным дымом. Помните, Красные Гномы обещали повывести всех гоблинов напрочь — и в самом деле к Новому году ни в одной норе, ни в одной пещере их не было. Но я тогда сказал, что они объявятся снова лет через сто или около того. Однако так долго ждать гоблины не пожелали! Должно быть, они собрали своих мерзких дружков со всех гор, какие есть на свете, и трудились всё лето, пока мы сладко спали. И на сей раз нас застали почти врасплох. Вскоре после Дня Всех Святых Б. М. забеспокоился. Теперь он говорит, что чуял всякие мерзкие запахи — но, как обычно, промолчал: дескать, не хотел мне докучать. На самом деле Мишка просто молодчага, и, если бы не он — не видать нам Рождества. Он завёл привычку спать на кухне носом к двери, которая ведёт в подвалы и выходит на главную лестницу к моим большим складам.

Однажды ночью, где-то перед Кристоферовым днём рождения¹, я вдруг проснулся от писка и бормотания. Вдобавок в комнате чем-то воняло — и где? в моей самолучшей зелёной с пурпурным комнате, которую я только что убрал на совесть! Тут за окном мелькнула мерзкая рожица, и я по-настоящему встревожился: ведь моё окошко высоко над землёй, и значит, мимо него пролетел гoblin верхом на летучей мыши, а их мы не видели со времени гoblinской войны 1453 года, помните, я вам о ней рассказывал? Только я успел глаза продрать, как где-то внизу, в кладовых, раздался оглушительный шум. Словами описывать слишком долго, потому-то я и решил обойтись картинкой:

¹ 21 ноября.



НИ СЛОВА
БОЛЬШЕ:
МНЕ ЭТО СИЛ
НЕТ КАК
ПОНРАВИЛОСЬ!

вот что я увидел, когда спустился вниз, — по дороге наступив на гоблина. Белый Медведь давил, плющил, топтал, қолошматил и пинал гоблинов так, что они улетали под потолок, и вдобавок ревел, как целый зоопарк, а гоблины вопили так пронзительно, что куда там паровозному гудку! Нет, он был великолепен! В общем, это была долгая песня. Неприятности продолжались больше полумесяца, и всё шло к тому, что в этом году я так никуда и не поеду на моих санях. Гоблины сожгли часть складов и захватили нескольких гномов-караульных, пока те спали, но тут явился Белый Медведь с другими гномами, и вместе они истребили сотню гоблинов — вот что случилось до моего прихода. Но даже когда мы потушили пожар и очистили дом и подвалы от гоблинов (ума не приложу, что они делали в моей комнате. Не иначе как хотели поджечь мою постель), неприятности не закончились. Выглянув наружу, мы увидели, что в лунном свете земля черным-черна от гоблинов и что они разломали оленюшню и угнали моих оленей.

Мне пришлось протрубить в золотую трубу (чего я не делал уж много лет), чтобы призвать на помощь всех моих друзей. Но прежде чем мы взяли верх, произошло несколько сражений (каждую ночь они ходили в атаку и поджигали склады). Боюсь, пострадали многие из моих славных эльфов. К счастью, потери наши невелики: только мой лучший шпагат (золотой и серебряный), упаковочная бумага да ящички из падуба. Всего этого мне изрядно не достаёт, да и с посланцами у меня туго. Наши сейчас по большей части в отъезде (надеюсь, они вернутся в целости и сохранности), они выгоняют оставшихся в живых гоблинов с моей земли и даже вернули всех моих оленей. Теперь у нас всё снова хорошо и в полном порядке, и мы чувствуем себя в большей безопасности. Сколько-то ещё веков минет, прежде чем гоблины снова появятся...

ТОЛЬКО ТАМ
БЫЛА НЕ 15
ГОБЛИНОВ,
А С ТЫЩУ.

И что, мне теперь
всю тысячу
рисовать?

А Р. Д. КАКОВ!
ЖАЛЬ, Я НЕ УМЕЮ
РИСОВАТЬ, ДА И
ВРЕМЕНИ НЕТ
ПОПРОБОВАТЬ, А
ТО ВЫ И
ПРЕДСТАВИТЬ
СЕБЕ НЕ МОЖЕТЕ,
ЧТО СТАРИЧОК
ВЫТВАРЯЛ!
МОЛНИИ,
ФЕЕРВЕРКИ И
ПУШЕЧНЫЙ ГРОМ!

Благодаря Белому Медведю и гномам не так-то уж и много их осталось. Белый Медведь, конечно, трудился не покладая лап, за двоих — но в спешке перепутал подарки для девочек с подарками для мальчиков. Остаётся надеяться, что мы всё исправили, но, если вы услышите, что крму-то досталась вместо паровоза кукла, вы поймёте, почему. Белый Медведь, естественно, уверяет, что дело в другом: мы лишились большого количества паровозов, вагонов и прочего в том же духе — гоблины их обожают, — а когда вернули игрушки обратно, выяснилось, что они поломаны и их надо красить заново. Нынешним летом нам не придётся сидеть сложа руки.

Ну что ж, ещё раз желаю вам счастливого Рождества. Надеюсь, вы повеселитесь от души; и вы убедитесь, что я принял в расчёт ваши письма и выполнил ваши просьбы. Кажется, в этом году картинки мне не очень удалось — хотя я убил на них уйму времени (никак не меньше двух минут). Белый Медведь сказал: «Сдаётся мне, столько звёздочек и гоблины в твоей спальне — не самое весёленькое зрелище». Однако я всё же надеюсь, что вам понравится. Но Белый Медведь правда здорово пинался!

В общем, шлю большой привет.

Ваш неизменно и ежегодно

Ded H. Рождественский

I send lots of love

Yours ever and annually
Father N. Christmas.





1934

Доставка санями

on sleigh

1934



Christopher Tolkien.

Express

!! Посланцу:
доставить
немедленно
и по дороге не
останавливаться!!
Немедленно
Срочно Экспресс!

1934

Дорогой мой Кристофер, спасибо тебе!

Я уже проснулся — и довольно давно. Но моя почтовая доставка толком не работала только после Михайлова дня¹. Регулярно рассылать моих посланцев в этом году я начну не раньше 15 октября. У нас и здесь довольно дел. Ваша телеграмма — вот почему я шлю срочный ответ — и ваши с Присциллой письма дошли по чистой случайности: их доставил не посланец, а Звонарь (не знаю, почему его так прозвали, он никогда ни в какие колокола не звонил; он у меня инспектор по дымоходам и берётся за работу, как только начинают разводить огонь).

Большой вам с Присциллой привет. (Белый Медведь, если вы ещё его не забыли, пока крепко спит и совсем тощий после такого длинного поста. Но это он быстро поправит. Скоро я разбужу его, пощекочу бока; и тогда он в один присест скушает завтрака за несколько месяцев).

С приветом, любящий вас Р. Д.

*
More love.
Yours for E.

¹ 29 сентября.



*Дом-на-Утёсе, Северный Полюс
Сочельник 1934*

Дорогой мой Кристофер!

Огромное тебе спасибо за столько писем. В этом году у меня не нашлось времени написать тебе такое же длинное письмо, как в 1932 или в 1933-м, но так ведь ничего интересного и не случилось. Надеюсь, что угодил тебе с подарками и привёз почти всё, что было в списках.

У нас мало новостей. После той жуткой прошлогодней истории на двести миль в округе и следа гоблинов не найти. Но, как я и писал, большую часть лета мы убили на починку и ремонт, так что выпасться и отдохнуть толком не удалось. Когда настал ноябрь, за работу браться как-то не хотелось, а когда взялись — то работали с лентой, и из-за этого под конец у нас случился аврал. Да и погода у нас держится необычайно тёплая для Северного Полюса, вот Белый Медведь и зевает целыми днями.

У нас уже давно гостиют Паксу с Валкотуккой. Они здорово выросли — но всегда готовы набезобразничать, когда не пытаются помочь. В этом году они: стащили мои краски и размазывали каракулями белые стены кладовых; съели всю сладкую начинку из пирожков, приготовленных к Рождеству; а не далее как вчера взяли и распаковали половину подарков: им, видите ли, захотелось поиграть в железную дорогу! Отчего-то они плохо уживаются с пещерными медвежатами: те прибыли сегодня и проживут у нас несколько дней вместе со старым бурым Пещерным Медведем, который приходится им дядей, внучатым дядей, дедушкой, правнучатым дядей и тому подобное. Паксу всё время пинает их; они, мол, очень забавно пишат и ворчат. Белый Медведь то и дело задает ему



трёпку, а «трёпка» от Белого Медведя — вовсе не шутка. Поскольку гоблины в наших краях повывелись, погода стоит безветренная и снега меньше обычного, мы собираемся устроить роскошный праздник на День Подарков — на свежем воздухе. Я приглашу 100 эльфов и красных гномов, множество белых и пещерных медвежат, снеговичков и, конечно, Паксу с Валкотуккой. Белый Медведь и Пещерный Медведь со своими племянниками (и так далее) тоже будут. Издалека, из самой Норвегии, мы привезли ёлку и водрузили её посреди замёрзшего озера. Моя картинка, увы, очень плохо передаёт её величину и чудесное мерцание разноцветных волшебных огоньков. Вчера вечером мы проверяли, как они горят — см. картинку. Так что если увидите яркое сияние на севере, знайте, что это наша ёлка! За ёлкой, на заднем плане — снежные растения и специально сделанные снежные фигуры: они пурпурно-чёрные из-за темноты и тени. Яркие треугольнички на переднем плане — это кромка из настоящего разноцветного мороженого для замороженного озера. Паксу и Валкотукка его уже обкусывают, хотя и не должны — пока не начался праздник.

Белый Медведь начал рисовать, чтобы помочь мне, поскольку я был занят, но насажал просто огромных клякс. Пут уж я пришёл ему на выручку. На этот год не очень, но ничего, может, на следующий выйдет лучше.

Надеюсь, подарки вам понравятся и вы останетесь довольны.

Любящий вас

Рождественский Дед

Р. С. Я и правда точно не помню, в котором году родился. И думается мне, вряд ли это известно кому-то ещё. Каждый раз у меня выходит разный возраст. Но это случилось 1934 года назад или около того. Будьте счастливы! РД

Р. Р. С. Передавайте привет Мику и Джону.

Б. М.: ЛЮБЛЮ, ЗАНИТ, СПАСИБО

1935



N 36 P



Master & Miss P. Tolken
20 Northmoor Road
Oxford
ENGLAND

24.
December 1935 *

36

1



North Pole

My Dear Children:

Here we are again. Christmas seems to come round pretty soon again: always much the same and always different. No SNK this year and no water, so no painted pictures: also very cold hands, so very wobbly writing. Last year it was very warm, but this year it is frightfully cold - snow, snow, snow, and ice. We have been simply buried, muddingers have got lost and found themselves in Nova Scotia, if you know where that is, instead of in Scotland; and P.B. if you know who that is, could not get home. This is a picture of



my house about a week ago before we got the remond shed dug out. You can see the tunnel we had to make to the front door. There are only three windows upstairs



24 декабря 1935

Северный Полюс

Дорогие мои дети, вот мы и встретились снова.

Кажется, Рождество уже на пороге: такое же, как всегда, и, как всегда, — новое. В этом году нет ни ЧЕРНИЛА, ни воды, так что красками в этом году я не рисую; вдобавок руки очень мёрзнут, так что выходят сушие каракули. Если прошлый год выдался очень тёплый, то нынешний — кошмарно холодный: снег, снег, снег и ещё лёд. Нас просто похоронило в сугробах, посланцы, заблудившись, обнаруживали, что очутились в Новой Шотландии¹ (если знаете, где это) вместо обыкновенной Шотландии; и Б. М. (если знаете, о ком речь) не мог попасть домой. Вот как выглядел мой дом примерно неделю назад, пока мы не раскопали оленники. Нам пришлось вырыть туннель (видите его?) к входной двери. Только три верхних окошка посверкивают сквозь дыры, и пар поднимается там, где на куполе и крыше подтаял снег.

ГЛУПО

Вот что видно из окна моей спальни. Снег, который идёт, не голубой, конечно, но голубой — холодный цвет, и вам станет ясно, почему ваши письма задержались в пути. Хочется верить, что они все до меня дошли и я собрал для вас то, что надо.

Бедный старина БМ (если вы догадались, о ком я)! В прошлом месяце, вскоре после того, как начались снегопады, ему пришлось отлучиться из дому. У его родных были

ОПЯТЬ
ГЛУПО

¹ Новая Шотландия — полуостров на юго-востоке Канады.

Shining through holes - but you can see steam where
the snow is melting off the dome and roof.
This a view from my bedroom window of course snow

coming down it not blue - but blue is cold. **You** can
understand why our letters were slow in **going**
those I got them all, and anyway that the right
things arrive for you. **Good** old **P.B.** if you who
I mean, had to go away
somewhere the snow began
last month. There was some
trouble in his family, and taken
by Valkstukka were ill. **He** -



very good at doctoring anybody but himself. **But** it
was a dreadful long way over the ice and snow -
to **East Greenland** I believe. And when he got
there he could not get back. **So** I have been rather
held up, especially as the **Reindeer** stables and the outdoor
store sheds are snowed over. **I** have had to have a



lot of **Red Edges** to help me. They are very nice
& great fun, but although they are very quick they
don't get on fast. For they turn everything into a
game. **Even** digging snow. And they will play with

SILLY
AGAIN

SILLY
AGAIN

that boys they are supposed to be asking.

P. B. if you remember him, did I not get back until Friday
December the 13th so that proved a lucky day
for me (HEAR HEAR!) after all. Even he had to wear
a sheepskin coat & red gloves for his paws. And
he had odd gloves. He rather like
But of course a hood on and red
trimmings he looks
like St Anthony
he does not very



much. Any way he carries things in his hood — he
brought home his sponge and soap — in
it!

The days that we have not seen the last of the
goblins — none of the battles in 1933. They
don't dare to come into my land yet; but for some
reason they are breeding again and multiplying
all over the world. Quite a nasty outbreak.
But there are not so many in England, he says.
I expect I shall have trouble with them soon.
I have given my elves



Some new magic sparkler spears that
will scare them out of their wits. It is now
December 24 and they have not appeared
this year — and practically everything is packed
up and ready. I shall be starting soon



неприятности, а Паксу и Валкотукка прихворнули. Сам-то он хорошо лечит всех, кроме себя.

Но идти туда ужасно далеко – всё по льду да по снегу – это где-то на *севере Гренландии* вроде бы. Я добравшись дотуда, вернуться он не мог. Так что работа у меня стояла, ещё и потому, что замело оленюшни и наружные склады.

Пришлось мне звать на выручку *Красных Эльфов*, и в изрядном количестве. Они очень славные и весёлые; но хотя они очень шустрые, работа у них продвигается не так уж и быстро, потому что они всё норовят превратить в игру. Даже уборку снега. И уж точно станут играть с игрушками, которые надо упаковывать.

СНОВА
ГЛУ-
ПОСТЬ

Б. М., если вы его помните, вернулся только *13 декабря* в пятницу – так что для меня это был счастливый день! (*УХ ПЫ!*) Даже ему пришлось надеть овечьи тулуп и красные рукавицы на лапы. Вот он теперь и щеголяет в *капюшоне и красных рукавицах!* Говорит, что стал похож на «*Рай Сент-Энтони*»¹. Но, конечно, ничего такого нет. И ещё Медведь приспособился таскать вещи в своём капюшоне: принёс в нём домой губку и мыло!

Он говорит, что мы ещё услышим о *гоблинах* – несмотря на сражения 1933 года. Они покуда не осмеливаются соваться в мой край, но почему-то в целом мире их становится всё больше и больше. Весьма неприятная вспышка активности. Но в Англии, по словам Белого Медведя, их не так много. Боюсь, скоро ждать нам от них новых бед.

¹ Скорее всего имеется в виду изображение святого Антония как покровителя школы Rye St. Antony, женской католической школы в Оксфорде.



Я выдал своим эльфам *новые волшебные искровые копья*, *которые* напугают гоблинов до беспамятства. Сегодня 24 декабря, и в этом году они уже не появятся: ведь все подарки упакованы и готовы к отправке. Мне уже скоро в дорогу.

Шлю всем вам — Джону, Майклу, Кристоферу и Прицилле — привет и добрые пожелания к Рождеству: просто целые тонны добрых пожеланий. Раздайте часть, если вам будет много! *БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ* (на случай, если вы не знаете, кто такой «Б. М.») тоже шлёт привет вам и ещё семейству Бинго, *Оранжевому Мишке* и Юбилею (О да, несмотря на вьюгу, кре-какие новости до меня доходят). Если вы захотите написать мне, что всё в порядке, имейте в виду: мои вестники пробудут в ваших краях до *Нового года*.

Надеюсь, *ПЯНПОМИЯ* вам понравится.

Любящий вас Рождественский Дед

Р. С. *П.* и *В.* уже выздоровели. Это была всего лишь *свинка*. Они приглашены ко мне на большой праздник в *день святого Стефана* вместе с другими белыми и пещерными медвежатами, снеговичками, эльфами и прочими.



ГЛУПАЯ
ШУТКА

1935

4

Send you all - John & Michael & ~~the~~ ~~together~~
Prisilla my love and good wishes
 plus ~~the~~ ~~me~~: tons of good wishes. Pass
 on a few if you don't want them all!

STUPID
 JOKE

*
 PB

Polar Bear (in case you don't know
 what P.B. is) sends love to you and to the
 Bingos and to **Orange Teddy** and to Jubilee
 (O yes I learn lots of news even in Snowy (weather)
 My messengers will be about until the New
 Year if you want to write and tell me anything
 was all right. I hope you enjoy the

PANTOMIME



Your loving



Father Christmas

P&Y are well again. Only Rumps. They will
 beat my big party on **St Stephen's Day** with their
 polar cubs, cave cubs, snowbabies, elves, and
 all the rest.



North Pole

1956

СПЕШНО

Доставит
эльф-посланец



Nos. / *
560783
560784

CHRISTOPHER
&
PRISCILLA

*
560783
560784



Вручить в Сочельник
Р. Д.



Cliff House
North Pole

Wednesday Dec. 23rd

1936

My dear Children

I am sorry I cannot send you a long letter to thank you for yours, but I am sending you a picture which will explain a good deal. It is a good thing your changed lists arrived before these awful events, or I could not have done anything about it. I do hope you will like what I am bringing and will forgive any mistakes, & I hope nothing will fall be wet! I am still so shaky and upset. I am getting one of my elves to write a bit more about things. I send very much love to you all.

Father C. says you will want to hear some news. PB has been quite good — so had been — though he has been rather tired. So has F.C. I think the Christmas business is getting rather too much for them. So a lot of us, red and green elves, have gone to live permanently, at Cliff House, and be trained in the packing business. It was PB's idea. He also invented the number system, so that every child that F.C. deals with has a number and we elves learn them all by heart, and all the addresses. That sorts



*Дом-на-Утёсе
Северный полюс
Среда, 23 декабря
1936*

Дорогие мои дети!

Извините, что не вышло написать вам длинное письмо — в благодарность за ваши, но зато посылаю вам рисунок, который многое объясняет. Это хорошо, что ваши изменённые списки прибыли до этих бедствий, а то бы я ничего поделать не смог. Надеюсь, вам понравятся мои подарки и, если что, вы простите мне ошибки. И сухие ли ваши подарки? Меня всё ещё трясёт от огорчения, и я попросил одного из моих эльфов написать поподробнее.

Огромный привет всем вам.

Р. Дед говорит, вам будут интересны наши новости. Б. М. поживает хорошо — или, скорее, поживал — хотя и изрядно утомился. Как и Р. Д; и сдаётся мне, что им вдвоём тяжело управлять с рождественскими приготовлениями. Поэтому мы, красные и зелёные эльфы, в большом количестве обосновались в Доме на-Утёсе и стали учиться упаковочному делу. Это Б. М. придумал. Ещё он избрал систему нумерации: каждый ребёнок, который находится в ведении Р. Д., получает свой номер, и мы, эльфы, заучиваем наизусть эти номера и адреса. Это спасает от лишней писанины. Столько детей с одинаковыми именами, что на каждом свёртке приходилось писать ещё и адрес. «Я собираюсь в этом году побить рекорд, — заявил Белый Медведь, — и помочь Рождественскому Деду собраться заранее, чтобы мы и сами могли повеселиться на Рождество». Мы все потрудились на славу, и вы не поверите, но последний подарок мы упаковали и подписали уже к прошлой субботе (19 декабря). Тогда Белый Медведь сказал: «Я устал как собака: пойду приму горячую ванну, а потом сразу в постель». Вы, верно, догадались, что из этого вышло. Рождественский Дед как раз в последний раз окинул взглядом залу, где хранятся подарки, готовые к отправке в Англию, это было около



Best
wish
is
for
1
9
3
7
from
FC
&
PB
7

X
M
A
S
1
9
3
6
:
F
C
.

A Merry Christmas

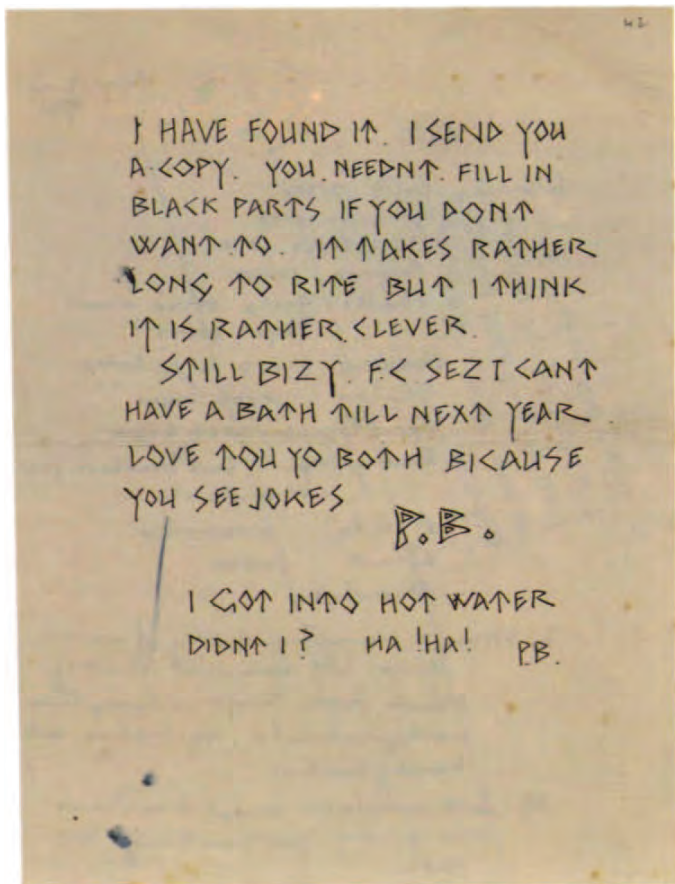


10 часов – и тут с потолка хлынула вода и всё затопила: её налил целых шесть дюймов. Белый Медведь просто напросто залез в ванну, открыв оба крана на полную катушку, и уснул – заткнув задней лапой слив! Когда мы его разбудили, он дроч уже два часа. Рождественский Дед рассердился не на шутку. А Белый Медведь только и говорит: «Мне снился такой хороший сон: как будто я ныряю с такого айсберга и гоняюсь за тюленями». А оценив нанесённый ущерб, он добавил: «Ну что ж, эти дети из Оксфорда, с Севернопольной улицы (он всегда так говорит, раз в названии вашей улицы, Нортмур-роуд, есть слово «норт» – «север»), может, и лишили части подарков, зато получают в этом году захватывающее письмо. Они-то понимают шутки, не то что некоторые!» Рождественский Дед разошёлся пуще прежнего, а Белый Медведь на это сказал: «Ну так нарисуй картинку и спроси самих детей, забавно это или нет». Так Рождественский Дед и поступил. Только он уже и сам начал думать, что это довольно забавно (хотя весьма неприятно), после того как мы прибрались и переупаковали английские подарки. И вовремя! Мы все изрядно вымотались, так что простите за неразборчивый почерк.

Остаюсь ваш, Ильбэрт, секретарь Рождественского Деда

Очень извиняюсь. Заработалси. Не могу найти этот алфавит. Поищу после Рождества и пришлю. Ваш Б. М.

. P. B. .



НАШЁЛ Я ЕГО! ПОСЫЛАЮ КОПИЮ. НЕОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАЧЕРНЯТЬ ТАМ, ГДЕ У МЕНЯ ЧЁРНОЕ, ЕСЛИ НЕ ХОТИТЕ. ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ ТАК ПЕСАТЬ, УХОДИТ НЕМАЛО, НО Я ДУМАЮ, ЭТО ПРИДУМАНО ОТЛИЧНО.

ВСЁ В ДИЛАХ. Р. Д. ГОВАРИТ, ЧТОБЫ Я НЕ ПРИНИМАЛ ВАННУ ДО СЛЕДУЮЩЕГО ГОДА.

ПРИВЕТ ВАМ АБОИМ, ПОТОМУЧТО ВЫ ПОНИМАЕТЕ ШУТКИ.

Б. М.

ТО-ТО ЖАРКО МНЕ ПРИШЛОСЬ! ХА-ХА!

Б. М.



1937



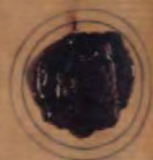
Посыльный 991

NORTH • • • POLE

XT • • • • • MAS

• 1937 •

* Messenger



Christopher & Priscilla
20 Northmoor Road
Oxford
England.

* To be delivered direct - by Christmas Eve
Hed! M.

Прямая доставка - в Сочельник. Спешно! Улы.

Дорогие мои Кристофер и

Трисцилла, а также другие старые друзья
из Оксфорда, тут-то и мы наконец!

Это есть я тут всегда (когда не путешествую), но вы понимаете, о чём я. Снова Рождество! Я так думаю, уже лет 17 минуло с той поры, как я начал вам писать. Интересно, храните ли вы мои письма? Я не все ваши смог сохранить, но несколько писем от каждого года у меня уцелело.



Вы давеча нагнали на нас страху: письма от вас всё не шли, и однажды в начале сентября я отправил к вам посланца, который когда-то часто навещал Оксфорд, а потом не был там несколько лет. По возвращении он отрапортовал: «Их дом пуст, и всё продано». Я испугался, не случилось ли чего. Или, быть может, вы все уехали учиться в школу в другой город, а ваши родители переехали в другое место? Ну конечно, теперь мне всё ясно: вестник заглянул в ваш старый дом по соседству! Он пожаловался, что все окна были закрыты, а дымоходы забыты.

Так что я очень, очень обрадовался, получив первое письмо Трисциллы, а потом ваши два тёплых письма, с полезными списками и пожеланиями – после возвращения Кристофера. Я отлично понимаю, что из школы трудно поддерживать переписку, как вы привыкли. Ну и, конечно, мои списки каждый год пополняются новыми детишками, так что забот у меня не убавляется.

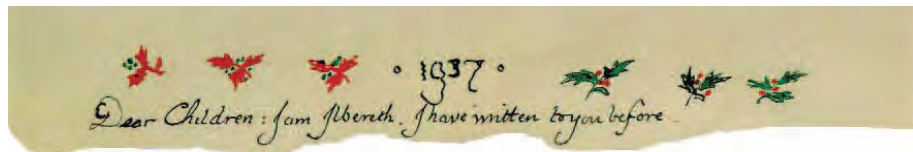
Передавайте вашему папе, что я сочувствую по поводу его проблем с глазами и горлом: однажды и мои глаза сильно пострадали от снежной слепоты – это бывает, если смотреть на снег под солнцем. Но потом всё прошло. Надеюсь, Трисцилла, ваша мама и все остальные встретят 25 дек. в добром здравии. Боюсь, в этом году у меня совсем нет времени на картинку. Я, видите ли, потянул в ноябре руку, двигая тяжёлые ящики в кладовых и долго не мог писать, да и рука у меня до сих пор утомляется быстрее прежнего. Но Ильбэрэт – один из самых разумных эльфов; я не так давно взял его себе в секретари – становится всё лучше и лучше.

Он умеет писать разными алфавитами: арктическим, латиницей (это тот, которым пользуются обычные европейцы вроде вас), греческим, кириллицей, рунами и, конечно, эльфийским. Почерк у него какой-то слишком тонкий и наклонный – рука у него хрупкая –

и рисует он не очень искусно, пожалуй. Красками Ильбэрэт не пользуется: говорит, что раз он секретарь, то его дело — чернила (и карандаши). Он закончит письмо вместо меня, мне надо написать ещё несколько штук.

Так что посылаю вам множество приветов и надеюсь, что выбрал самое лучшее из того, что вы просили. Я хотел было послать «Хоббита»: получил его лишь несколько дней назад и теперь рассылаю целыми пачками (второе издание по большей части) — но подумал, что у вас его навалом, и отправил другие «Оксфордские волшебные истории».

С множеством приветов, Рождественский Дед



1937

Дорогие дети, я Ильбэрэт. Я уже писал вам. Заканчиваю вместо Рождественского Деда. Рассказать вам про мои картинки? Белый Медведь, Валкотукка и Паку всегда лентяят после Рождества или, скорее, после дня святого Стефана. Тщетно P. D. звонит в свой колокольчик, созывая их к завтраку. А в другой раз, когда Б. М., как обычно, не спешил подыматься, Паку ивырнул ему в физиономию банную губку, пропитанную ледяной водой. Б. М. сначала бегал за Паку по всему дому и саду, а потом простил племянника — потому что не смог донять, но зато нагулял отличный аппетит. На исходе зимы погода стояла хуже nowhere: мля салмый настоящий дождь. Мы безвылазно сидели дома. Я зарисовал Белого Медведя и его племянников, когда они попытались высунуть нос наружу. Паку и Валкотукка так никуда и не уехали. Им у нас настолько понравилось, что они просто умоляли оставить их здесь. В этом году на Северном Полюсе было слишком тепло. У подножья улеса образовалось большое озеро, посреди которого на острове торчала Зеленая Ось. Я изобразил вид с юга, так что

НЕПРАВДА!

Non
serie

Shall I tell you about my pictures? Polar Bear and Valko tukka and Paksu are always lazy after Christmas, or rather after the St. Stephen's Day party. P.D. is ringing for breakfast in vain. Another day when P.B. as usual, was late Paksu threw a bath-sponge full of icy water on his face. P.B. chased him all round the house and round the garden and then forgave him, because he had not caught Paksu, but had found a huge appetite. We had terrible weather at the end of winter and actually had rain.



Никто не хочет завтракать после Рождества. С.-Т.М., Т. и В. устали (и сыты по горло) 1936

Туча велика поларка, если надо разбудить С.-Т.М., хотя он и спит

Конец весны 1937 года. Оттапал с дождем. Прогулка в поисках утраченного аппетита



Солнечными. В году протаяла огромная ледяная. Начинили готовиться к следующему Рождеству. Появились тучи. С.-Т.М. занесен возмездием спорта

Убавит получает указания от P.D.

Встреча Зимы. Праздник с кострами и фейерверками



Tobogganing down from Cliff House. Sleds have a good time.

Tobogganing down from Cliff House. Sleds have a good time.

Tobogganing down from Cliff House. Sleds have a good time.

A. Merry Christmas 1937

Катание на санях от Дюла-на-Утиса. Снежные оттопыры проводят время

Сезон, 23 декабря. С.-Т.М. занимается лесом — перед несчастными случаями

Завтра. В путь на вытисли набитые санями

We had a glorious bonfire and fireworks to celebrate the Coming of Winter and the beginning of real preparations! The snow came down very thick in November and the olives and mistletoes had several tobogganing-happily-holidays. The olives were not good at all. They fell off, and most of them took to rolling or sliding down just in themselves. Today — but this is the best bit. I had just finished my picture, or I might have drawn it differently. P.B. was being allowed to decorate a big tree in the garden, all by himself and a ladder. Suddenly we heard terrible quivering noises. We rushed out to find P.B. hanging on the tree himself! I don't see a decoration! Said P.B. I'm afraid I am slightly frightened. He was. We threw a bucket of water on him. Which quitted a bit of the decorations, but saved his fur.

уточ оказался на той стороне. Дело было около солнцестояния. Северно-Полярный Медведь с племянниками и толпы белых медвежат ходили туда купаться. И тюлени тоже. Северно-Полярный Медведь всё пытался научиться плавать по озеру в каное или на лодочке, но так часто падал в воду, что тюлени решили, будто Медведю это по душе, и повадились, подбравшись снизу, опрокидывать лодку. Медведю злился. Но забава продлилась недолго: вода снова заморзла в начале августа. Тогда то мы и начали подумывать о празднике — нынешнем — Рождестве. Дальше я нарисовал Рождественского Деда за распределением списков: он выдаёт мне список, в котором числятся и вы. Конечно же, Северно-Полярный Медведь, как всегда, строит из себя самого главного: вот почему он тычет указкой, но на самом деле я слушаю Рождественского Деда, и самую я ели, а не Северно-Полярному Медведю. ПУБЛИКАЦИЯ МАЛЫШКА НА ПОБЕДИТЕЛЯХ!

Приход Зимы, равно как и начало «Приготовлений», мы отпраздновали ярким костром и фейерверками. В ноябре пусто повалил снег, и эльфы со снеговиками, устроив себе нечто вроде каникул, катались на санках. А белым медвежатам эта забава не очень удалась: они всё время падали с саней, и теперь они по большей части съезжают или кувыркаются вниз сами по себе, безо всяких санок. Сегодня ----- но это превосходит всё! Ох, я уже закончил картину, а то бы я нарисовал её совсем по-другому. Б.М. позволили — в компании с лестницей — украсить большую ель в саду. И вдруг мы услышали ужасные взвизги и рычание. Мы выбежали из дому, и что же? Б.М. сами висел на дереве! «Но ты же не елочная игрушка!» — воскликнул Р.Д. «Зато я горю!» — откликнулся тот. И в самом деле! Мы окатили его ведром воды: испугали крик утешения, но спасли его мех. Мишка-малышка пристроил лестницу не к стволу дерева, а к ветви. И подумал: «Зажи-ка я свечи, проверю, как они работают» — хотя никто ему разрешения не давал. И полез со свечкой на самый верх лестницы. Тут ветка треснула, лестница заскользнула по снегу, и Белый Медведь свалился на дерево. Он вцепился

в проводок, и его поджарил ток. Хорошо ещё, что мех у него был влажный, а то бы он подру-
мянился. Вот интересно, какова на вкус жареная беломедвежатина?

УЖЕ ХОРОШО ОТБИТОЙ И ПОДЖАРЕННОЙ ЭЛЬФЯТИ-

Последняя картинка нарисована не с натуры, а из головы, и не очень удалась. Но надеюсь, она
будет. Если Белый Медведь возьмётся за ум. Надеюсь, вы сможете разобрать мой по-
черк. Я пытаюсь подражать почерку нашего старого Рождественского Деда (но без его дру-
жания), однако получается не очень. По-эльфийски я пишу лучше:

Эльфы пишут лучше, чем мы

Вот, пожалуйста. Но Рождественский Дед говорит, что даже так я пишу слиш-
ком тонко и вы ничего не сможете прочесть. А написано там Самое весёлое Рождество
всем вам.

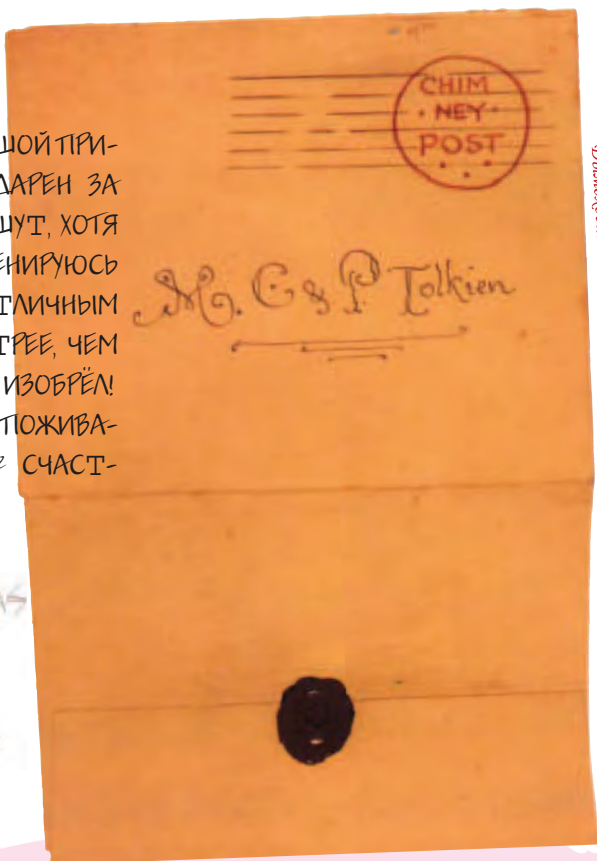
С любовью, Ильбэрэт

ОБНИМАЮ И ШЛЮ БОЛЬШОЙ ПРИ-
ВЕТ. ПРЕМНОГО БЛАГОДАРЕН ЗА
ПИСЬМА. МНЕ МАЛО ПИШУТ, ХОТЯ
Я МНОГО РАБОТАЮ. ТРЕНИРУЮСЬ
ПИСАТЬ ПО-СВОЕМУ ОТЛИЧНЫМ
ТОЛСТЫМ ПЕРОМ. БЫСТРЕЕ, ЧЕМ
НА АРКТИЧЕСКОМ. Я ЕГО ИЗОБРЕЛ!
ИЛЬБЭРЭТ — НАХАЛ КАК ПОЖИВА-
ЕТ СЕМЕЙСТВО БИНГО? СЧАСТ-
ЛИВОГО РОЖДЕСТВА.

С.-П. М.

AMERRY CHRISTMAS
N.F.B.

FE * *



1938



Доставить в Р-во, если возможно

Дорогая моя Присцилла и прочие обитатели вашего дома!

Вот тут-то и мы снова! Ох, я, кажется, это уже писал — но ведь вам же не хочется, чтобы Рождество менялось от года к году, правда?

Мне очень-очень жаль, что в этом году у меня не нашлось времени нарисовать большую картинку, и Ильбэрэт (мой секретарь) тоже ничего не нарисовал; но зато мы все вместе посылаем тебе вместо этого стихи. Некоторым моим знакомым детям стихи нравятся, может, понравятся они и тебе.

Мы все очень огорчились, узнав про Кристофера. Надеюсь, твоему брату лучше и на Рождество он повеселится. Новость эта дошла до меня недавно, когда мои вестники и почтальоны вернулись из Оксфорда. Скажи ему, чтоб не унывал, — и, хотя он вырос и выходит из того возраста, когда вешают чулки, пусть ждёт в этом году от меня подарков. Кроме всего прочего — книжку по астрономии, там он найдёт полезные советы относительно использования телескопа — спасибо, что сказала мне про Кристоферов телескоп. Ох-ох! Рука никак не желает слушаться — ну хоть получается у тебя разбирать мои каракули?

Я в восторге от твоего длинного письма, которое с забавными картинками. Передавай мой привет семейству Бинго и всем остальным шестидесяти (или больше!), особенно Разглям, Предли, Пинкеру, Пэйлору, Юбилею и Снежку. Надеюсь, ты ещё долго будешь мне писать.

Очень большой привет тебе, а также Крису от

Рождественского Деда



Rhyme.

48 1

Again this year, my dear **Priscilla**,
when you're asleep upon your pillow;
beside your bed old Father Christmas

BAD rhyme!
that's beaten you!


The English language has no rhyme
to Father Christmas: that's why I'm
not very good at making verses.
But what I find a good deal worse is
that girls' and boys' names won't rhyme either
(and bother! either won't rhyme neither).
So please forgive me dear Priscilla
if I put in your rhyme with pillow!

she won't

As I was saying—beside your bed old Father Christmas
(afraid that any creak or hiss must
wake you up) will in a twinkling
fill up your stocking *I've an inkling*
that it belongs in sort of nature—
but never mind! At twelve, or later,
he will arrive—and hopes once more
that he has chosen from his store
the things you want. You're half past nine;
but still I hope you'll drop a line
for some years yet I won't forget
old Father Christmas and his pet,
the N.P.B. (and Polar Cubs
as far as little button tubs),
and snowboys and elves—in fact the whole
of my household up near the Pole.
Upon my list, made in December,
your number is, if you remember,
fifty six thousand, seven hundred,
and eighty five. It can't be wondered
at that I am so busy when
you think that you are nearly *ten*,

How's that? P.C.
OUT! ff

I did it
she's not a clerk!

bliss by P.N.V. 

wrait!

*Made to help the E. and
have I thought it*

Стихи

И вновь в сочельник, Трисциллушка,
Пока ты спишь, обняв подушку;
Твой Дед Мороз, иначе – Крстмас...

ТИЛОХАЯ РИФМА!
НЕ СПРАВИЛСЯ!

[Нет рифм в английском языке
На «Крстмас». Признаю в тоске,
Что и поэт я никудышный.
Вот, поделюсь бедой давнишней:
Не зарифмуешь – вот-те на! –
Сестёр и братьев имена.
Так ты прости мне, Трисциллушка,
Что срифмывал тебя с подушкой!]

НЕ ПРОСТИТ

Так вот, как я уже говорил,

я, Дед Мороз, иначе – Крстмас
Тихонько в дымоход протиснусь,
И твой чулок набью до края
Подарками. Подозреваю,
Чулок у паны был изъят.

А что скажешь на это? Р.Д.

ЖУТЬ! Б. М.

Здесь мне пришлось вырваться Р.Д. Уильямс.

Едва двенадцать прозвонят,
Прибудет Дед Мороз – в надежде
Дарами угодить, как прежде.
Уж полдесятого Трисцилле,
Но весточку мы получили,
Надеюсь, не в последний раз?
Смотри, не забывай про нас:
Б. М. (и белых медвежат –
Как бочка с маслом, всяк пузат!),
Снеговичков и эльфов – словом,
Всех, кто живёт под здешним кровом.
Меж тем в моём декабрьском списке
Твой номер от конца неблизок:

ЭТО Я ИХ ВЫБИРАЛ

Она не часы!

За пятьдесят шесть тысяч счёт.
Ох, кругом голова идёт:
Легко ли уследить за всеми?

НЕ ШЕДЕВР!

Кляксы от Т. и В.

Ты подросла: за это время
Пришлось мне к списку приписать
Одних девчонок тысяч пять,
Хоть я исправно вычитая
Дома, где больше не бываю.

Вестей вы ждёте, не секрет:
Всё ль хорошо, а если нет —
По чьей вине, и как своей пыл
Наш Белый Мишка проявил,
Награду заслужил иль взбучку.

Что ж, наступивши на колючку,
Ходил он с палкой весь ноябрь;
А только наступил декабрь,
и нос, и лапы снежным днём
обжёг на кухне над огнём,
когда щипцы схватить забыл,
каштанов жаря. Мишка взвыл,
И на свои ожоги, плут,
Истратил масла целый пуд.

А двадцать третьего числа
Он влез на крышу — не со зла:
С труб сбросить снег, скажи на милость —
Да черепица проломилась,
И снег, в дому подняв метель,
К нему ж свалился на постель.
Все чашки он расколотил,
Сто шоколадок поглотил,
Ронял мне на ноги сундук,
Сломал немало сложных штук,
Полколовянный потоптал,
Подарки все перемешал,
Рвал книги, на листах моих
Царапал строчки рун кривых,
И лапы вытирал при мне
О стопки стиранных кашне,

ГЛУПОСТЬ, НАПИСАННАЯ
ТОЛЬКО ДЛЯ РИФМЫ!
ЭТО БЫЛ ЗДОРОВЕННЫЙ
ГВОЗДЬ, И ПРИТОМ
РЖАВЫЙ!

НЕ ВЕРЬТЕ ВЫ В ЭТУ ЧУШЬ!

Верьте-верьте!

НИЧЕГО ПОДОБНОГО!

НЕ СИДЕТЬ ЖЕ
БЕЗ ДЕЛА



Но в целом был — при всём при том —
Душой добрейшей (в остальном).

Он мыл, носил и паковал,
Семь дней подряд не уставал, ТО-ТО ЖЕ!

Плуда-обратно на чердак, Не калякал бы ты
Он слазил раз пятьсот, добряк! на моём стихотворении!
ПРИВЕТ ОТПАКСУ С ВАЛКОТУККОЙ.

Они все здесь, и вот вам штука —
На вид не старше ни на год,
Один лишь ум у них растёт.
О ТОБАЯНАХ. Их нет сейчас,
Весь год не видно их у нас,
На Полюсе. Но в эти дни
Я слышал, кюгу шли они,
Чтоб земли многие занять
И шахты новые копать,
Злодеи! Но не бойтесь их:
Приеду — уберутся вмиг.

РОЖДЕСТВО

Вот день Рождественский приспел —
И Белый Мишка заболел!
Орелов съел он два пуда,
Со скорлупою. Вот беда
Беломедвежий сей подход —
Но дальше — больше. Без забот
Он разной снеди тонну съел,
Мешая вкусы, как хотел:
Мёд с ветчиной, с индейкой джем,
Соленья в сливках... Мишлось всем,
Что за неделю не пройдёт
От блюд таких его живот.
Зараз съест окорок, изюм,
Плам-пудинг и рахат-лукум,
И станцевать вниз головой —
Дивлось, что вовсе он живой!

Сплошная ЕРУНАА:

Живот никогда

У меня не болел.

Индейки я не ел,

И мяса не терплю.

Я сладкое люблю!

И в том, конечно, прав:

Ведь от него мой нрав

Сладок, словно соты,

Эльф ты безживотый!

Пока!

Трубачи!



Он имеет в виду безмозглый

Да нет, мозги у тебя есть, хоть и плохонькие, а вот живота вообще не видно, тошней ты эльф!

Вы знаете моих друзей:

Они в письме всегда грубей,

Чем наяву. Здесь нету ссор,

Наш год удачен был и спор,

Подпортил всё лишь Мишкин гвоздь.

Послать мне как бы не пришлось

Особого гонца с письмом,

Хоть снег и валит за окном —

Иль поздравления слова

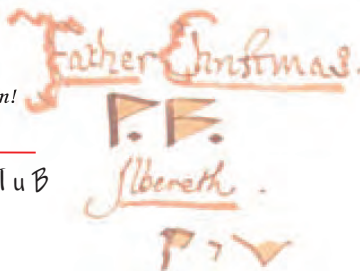
К вам не придут до Рождества.

Уже полтретьего, а тут

Никак бокалы не нальют!

Счастливо! Всяк привет вам шлёт!

Вновь ждите писем через год!¹



Рождественский Дед

Б. М. Ульбэрэт П и В

¹ Перевод — А. Дубинина, С. Лихачёва.

1939



Доставка нарочным
с подарками

1939

BY HAND
with presents

Priscilla Tolkien



24 декабря 1939

Милая Присцилла!

Я рад, что ты выкроила время послать мне два письма, не смотря на свою занятость. Надеюсь, твоё семейство Бинго весело встретит Рождество и будет хорошо себя вести. Скажи Биллу — ведь так зовут их папу? — чтобы он не сердился так. И пусть не ссорятся из-за подаренных хлопушек.

**В этом году из-за этой отвратительной войны меня одо-
лели заботы да хлопоты.** Многие из моих посланцев так и не вернулись. В этот раз у меня не вышло сделать для тебя достой-
ную картинку. Я нарисовал себя: я иду с мешком подарков по но-
вой тропке к сараям для саней. Впереди меня с факелом шествует
Паку, вид у него страшно довольный собой (как обычно). Ещё кусок
(узнаваемый) Белого Медведя, который бредёт вслед за мной. С пус-
тыми лапами, конечно.

Приключений тут не было и ничего забавного не случилось —
это потому что Белый Медведь в этом году мне не «помогал», как
он выражается.

ЧУШЬ!

Не то что бы он ленился больше обычного, скорее, чувствовал
себя не лучшим образом. В ноябре он сожрал какую-то рыбку, ко-
торая до такой степени не пошла ему на пользу, что он собирался
отправиться в гренландскую больницу. Но, просидев две недели на
одной тёплой водичке, он вдруг выкинул в окно кувшин со стаканом
и решил выздоравливать.

Это он рисовал деревья на картинке, и, боюсь, они не совсем
удались ему.

ЛУЧШЕЕ,
ЧТО НА НЕЙ

Они больше на зонтики смахивают! Тем не менее он шлёт
привет и тебе, и всем твоим медведям. Спрашивает: «Почему бы
вместо Бинго и қал тебе не обзавестись белыми медвежатами?»

ПОЧЕМУ БЫ
И НЕТ?

Передавай от меня привет Кристоферу, Майклу и Джону,
когда станешь им писать.

Привет от Рождественского Деда

Присцилле с любовью от Рождественского Деда



1945

MS 940
NF

Miss Priscilla Mary R. Tolkien
20 Northmoor Road
Oxford
England
Europe.



23 декабря 1940

ДОРОГАЯ ПРИСЦИЛЛА!

Обрадовался, узнав о твоём возвращении! В субботу стало известно, что ваш дом стоит пустой. Испужался, что вы уехали, не оставив адреса.

В этом годе нам очень ТРУДНО, но ~~я стараюсь~~ мы стараемся иза всех сил.

СПАСИБО, что объяснила насчёт своей комнаты. Рождественский Дед шлёт привет!

Пожалуйста, извини за кляксы. Здорово захлопотался.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Д ГОВОРИТ ОКЕЙ

Yours
F.B.



Твой Б. М.

C. & P. Tolkien
Nos 560783
560784

26

Дом-на-Утёсе, у Северного Полюса
Сочельник 1940

Милая моя Присцилла!

Пишу совсем короткое письмецо, просто пожелать тебе счастливого Рождества. Пожалуйста, передавай от меня привет Кристоферу. Год у нас выдался нелёгкий. Из-за этой отвратительной войны припасов у нас поубавилось и во многих странах детишки живут далеко от своих домов. Белый Медведь изрядно попотел, обновляя наши адресные списки. Как я рад, что вы никуда не уехали!

Интересно, что ты подумаешь про мою картинку. Наверное, скажешь, что пингвины на Северном Полюсе не водятся. Я и сам знаю, что не водятся, но вот у нас несколько поселилось. Это те, насколько я понимаю, кого вы называете «эвакуированными» (не самое приятное слово); за тем исключением, что пингвины прибыли к нам не спасаясь от войны, а наоборот! Они услышали такие истории про дела на Севере (включая совершенно дикий слух, будто Белый Медведь и белые медвежата взлетели на воздух, а я попал в плен к гоблинам), что отправились к нам на выручку, проделав весь путь вплавь. Их почти пять десятков.

На картинке Белый Медведь танцует с их старейшинами. Пингвины необыкновенно нас забавляют: помощи от них не очень много, но они всегда играют в забавные игры-танцы и передразнивают походку Белого Медведя и медвежат.

Очень большой привет от твоего

старого друга
Рождественского Деда



VERY MUCH LOVE FROM YOUR
OLD FRIEND
Father Christmas.



Miss P. M. R. Tolkien
OXFORD
England.
C

1941.



Дом на Утёсе, на Северном Полюсе возле (обломка) Земной Оси

22 декабря, 1941

Милая моя Присцилла!

Я так рад, что ты не забыла написать мне в этом году! Детей, которые со мной переписываются, становится всё меньше и меньше. Полагаю, во всём виновата эта страшная война, и надеюсь, что, когда она закончится, всё пойдёт на лад и у меня снова будет дел невпроворот. Но сейчас столько людей остались без крова или покинули свои дома; полсвета превратилось неизвестно во что! Да и нас не миновали невзгоды. Я имею в виду не только истощившиеся запасы подарков. В прошлом году их уже было недостаточно, и я не смог возместить недостающее, так что сейчас мне приходится посылать то, что есть, вместо того, о чём просят. Но это не самое скверное.

Думаю, ты помнишь, что несколько лет тому назад у нас были неприятности с гоблинами и что мы вроде бы разобрались с ними. Ну так вот: осенью всё началось сызнова, да ещё так, как не бывало уже много веков. Случилось несколько сражений, и некоторое время мой дом держали в осаде. В ноябре дело шло к тому, что дом захватят — со всеми подарками — и на Рождество чулки по всему миру так и останутся пустыми. Вот это была бы катастрофа! Ничего такого не случилось благодаря — по большей части — Белому Медведю, но выслать первых посыльных я смог лишь в начале этого месяца! Думаю, гоблины решили, что раз сейчас война в разгаре, то можно попробовать отвоевать Север. Должно быть, они готовились несколько лет: прорыли огромный новый туннель, который начинался во многих милях отсюда. И вдруг в начале октября гоблины повалили тысячи. Белый Медведь говорит, что их было никак не меньше миллиона, но это просто его любимое большое число. Как бы то ни было, тогда он ещё крепко спал, да я и сам клевал носом на ходу; погода для осени стояла довольно тёплая, и казалось, что до Рождества ещё уйма времени. В доме было всего один-два эльфа; ну и, конечно, Паксу с Валкотукхой (они тоже крепко спали). Пингвины отбыли восвояси ещё весной.

Обр. вним.

Эта я!

Да их там

была не
меньше ста
миллионов.

По счастью, гоблины не могут удержаться, чтобы не визжать и не бить в барабаны, когда идут в бой, так что проснулись мы вовремя и успели забаррикадировать ворота и двери, а также захлопнуть ставни. Белый Медведь выбрался на крышу и палил ракетами по гоблинскому войску, которое двигалось по длинной подъездной оленьей аллее, но это задержало их ненадолго. Вскоре нас окружили. У меня нет времени пересказывать эту историю подробно. Мне пришлось трижды протрубить в великий Рог Виндбим (сиречь «Ветроток»). Он висит у меня над камином в холле, и я не рассказывал вам о нём раньше только потому, что мне не приходилось трубить в него вот уже четыреста лет. Его звук разносится повсюду, где дует Северный Ветер. И тем не менее подмога: снеговички, белые медведи и сотни и сотни эльфов — подоспела только через три дня. Они напали на гоблинов с тыла, а Белый Медведь (совершенно проснувшийся на сей раз) бросился на них с горящими сучьями в лапах. Он, надо полагать, поубивал десятки гоблинов (сам он говорит, что миллион). Но в ноябре, на равнине возле Земной Оси, случилась страшная битва: гоблины привели сотни новых отрядов из своих туннелей. Нас оттеснили обратно к Утёсу, и лишь после того, как Белый Медведь со своими юными родственниками ночью прокрался ко входу в новые туннели и взорвал его ста фунтами пороха, мы одержали верх — покамест. Но на взрыв ушло всё сырьё для производства фейерверков и хлопушек (хлопательной их части) на несколько лет вперёд. Земная Ось треснула и рухнула (второй раз), и у нас ещё не нашлось времени её починить. Белый Медведь просто герой (надеюсь, что сам он так не думает). Но он, конечно, и в самом деле очень ВОЛШЕБНЫЙ зверь, и гоблины ему ничего особенного сделать не могут, когда он бодрствует и злой. Я видел, как их стрелы отскакивали от него и ломались.

Ну вот, теперь ты получила хоть какое-то представление о происшедшем — и сама понимаешь, почему у меня не нашлось в этом году времени нарисовать картинку — жаль, ведь это зрелище стоило того, чтобы увековечить его на бумаге, — и почему я не смог собрать тебе подарки, даже ту малость, о которой ты просила.

Нет, думаю!

Обр. вним!

Мне передавали, что почти все книги Элисон Аттли сгорели, и я не смог найти ни одного «Молди Уорпа»¹. Очень постараюсь добыть её к следующему разу. Посылаю несколько других книг в надежде, что они придутся тебе по вкусу. Более ничего почти что и нет, но на приветы я не скуплюсь.

Рад вестям от твоего мишки Бинго, но, в самом деле, по-моему, он слишком взрослый и важный, чтобы вывешивать чулки! Но кажется, Белый Медведь числит всех медведей чем-то вроде родственников. Он мне сказал: «Оставь это мне, старичок (увы, так он меня частенько называет): я соберу отличный подарок для его Толстейшества (да, Толстейшества!)». Так что привезу, наверное, «отличный подарок» для Бинго: но что там будет, понятия не имею!

Огромный привет от твоих старых друзей —

Рождественского Деда и Б.М.



¹ Элисон Аттли (1884—1976) — английская детская писательница, автор более 30 книг, главным образом о животных. Её книга «Молди Уорп, крот» вышла в 1940 году.

1942

XMAS

1942

Miss M. R. Tolken.

Cliff House
NORTH POLE.

Christmas Eve
1942

CHRISTMAS 1942.

My dear Priscilla, 2222

P.B. tells me that he cannot find any letter from you among this year's piles. I hope he has not lost any; he is so untidy. Still I expect you have been very busy this autumn at your new job. I have had to guess what you would like. I think I know fairly well, and luckily we are still pretty well off for books and things of that sort. But really you know, I have never seen my stocks so low or my cellars so full of empty places (as P.B. says, although he is not an Irish bear). I am hoping that I shall be able to replenish them before long; though there is some waste and smashing going on that it makes me rather sad and anxious too. Diseases too are more difficult than ever this year with damaged houses and houseless people and all the dreadful events going on in your countries. Of course it just as peaceful and merry in my land as ever it was. We had our snow early this year and then nice crisp frosty nights to keep it white and firm and bright sunny days (no sun just now cause). I am giving as big a party tomorrow night as ever I did, polar caps & T. o'f course among them, and snobobs, and dyes. We are having the tree indoors this year - in the hall at the foot of the great staircase, and I hope P.B. does not fall down the stairs and crash into it after it is all decorated and lit up. I hope you will not mind my bringing this little letter along with your things to night: I am short of messengers, as some have great trouble in finding people and have been away for days. Just now I caught P.B. in my pantry, and I am sure he had been to a cupboard. I don't know why. He has wrapped up a mysterious small parcel which he wants me to bring to you - well not exactly to you (he said). She has got a bear too, as you ought to remember. Well my dear here is very much love from Father Christmas once more, and very good wishes for 1943. F

* No battles at all this year. Quiet as quiet. I think the Goblins were really crushed this time. Windblame is hanging over the mantelpiece and is quite dusty again. I am glad to say. But P.B. has spent lots of time this year making fresh gingerbread - just in case of trouble. He said 'wouldn't that goblin go

Дом-на-Утёсе, Северный Полюс
Сочельник 1942

Дорогая Присцилла!

Б. М. говорит, что не может найти твоё письмо ко мне в грудях почты этого года. Остаётся только надеяться, что он ничего не потерял: неряха он ещё тот. Но полагаю, осенью в новой школе у тебя было достаточно дел.

Мне пришлось самому соображать, чего бы тебе хотелось. Думаю, я оказался близок к истине, и, по счастью, мы неплохо обеспечены книгами и прочими подобными подарками. Но знаешь, мои запасы ещё никогда так не истощались и первый раз так — чтобы в кладовых было полно пустого места (как выражается Б. М.).

Очень рассчитываю пополнить их в ближайшем будущем; хотя столько всего портится и ломается, что я очень печалюсь и даже тревожусь. Доставлять подарки в этом году тоже нелегко: разрушенные дома, бездомные и все эти ужасы, которые творятся в ваших землях. У нас-то, конечно, как всегда царит мир и веселье*.

Снег здесь в этом году выпал рано, беленьким и плотным его сохранили отличные ночи с бодрящим морозцем и ясные звёздные «дни» (солнце сейчас, конечно, не светит).

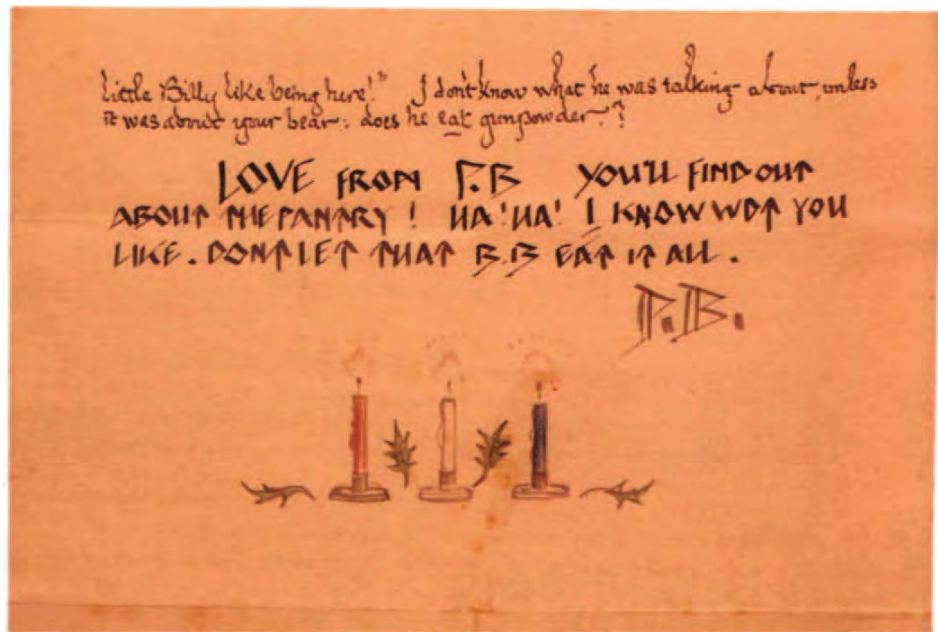
Завтра вечером я, как всегда, устраиваю большое празднество, там будут белые медведята (среди которых, конечно, Паксу и Валкотукка), снеговички и эльфы. В этом году ёлку мы нарядили в доме — в холле, у подножья большой лестницы, и мне остаётся только уповать, что Б. М. не пересчитает ступеньки и не шишбёт её — с уже повешенными игрушками и зажжёнными огоньками.

Ничего, что я завезу это письмецо сегодня вечером вместе с подарком? Я то посланцев у меня не хватает, иные из них пропадают на несколько дней, прилагая огромные усилия, чтобы разыскать адресатов. Я вот только что поймал Б. М. у себя в продуктовой кладовой: уверен, он нацелился на буфет.

* В этом году никаких сражений. Всё тихо-мирно. Думаю, на этот раз гоблины и впрямь уничтожены. Виндбим висит себе над камином и уже успел покрыться пылью, как я с радостью отмечаю. Но Б. М. большую часть года потратил на изготовление пороха — на всякий случай. Он сказал: «Наверняка этому маленькому замарашке Билли здесь бы понравилось!» Ума не приложу, о чём он толкует, уж не о твоём ли медведе: он что, ест порох?

Понятия не имею, с какой стати. Он возился с маленьким загадочным свёртком, который попросил доставить тебе, — ну, не совсем тебе: мол, «у неё ведь тоже есть медведь, ты же помнишь».

Ещё раз, моя дорогая, огромный тебе привет от Рождественского Деда. Желаю тебе всего наилучшего в 1943 году.



ПРИВЕТ ОТ Б. М. САМИ УЗНАЕТЕ НАСЧЁТ КЛАДОВОЙ! ХА-ХА! Я ЗНАЮ, ШТО ТЕБЕ НРАВИТСЯ. СМОТРИ ЧТОБЫ М. Б. НЕ СЛОПАЛ ВСЁ ЦЕЛИКОМ.

Б. М.

ПАСЛАНИЕ МИШКЕ БИММИ ОТ БЕЛОГО МЕДВЕДЯ

ИЗВИНИ, НЕ ВЫШЛО ПОСЛАТЬ ТЕБЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ХОРОШУЮ БОМБУ. ВСЁ НАШ ПОРОХ СДЕЛАЛ БОЛЬШОЙ БАБАХ. ТЫ БЫ УВИДЕЛ, ШТО ТАКОЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ХОРОШИЙ ВЗРЫВ. КАБЫ БЫЛ СДЕСЬ.

1943.

Anne Kugel.
Miss Priscilla Mary Tolkien
20 Northmoor Road
Oxford
England

Моя дорогая Присцилла!

Со счастливым Рождеством тебя! Полагаю, что ты ещё разок повесишь свой чулок очень на это надеюсь, потому как припас для тебя кое-каких мелочей. А потом мне придётся попрощаться, так или иначе, я хочу сказать, что буду помнить тебя. Мы всегда храним старые номера наших старых друзей и их письма; и надемся вернуться, когда те вырастут и обзаведутся собственными домами и детьми.

Мои посланцы говорят, что люди называют минувший год «мрачным». Думаю, они имеют в виду, что всё плохо: так оно и обстоит, я боюсь, во многих местах, где я раньше так любил бывать; но я очень рад слышать, что у вас всё ещё не настолько плохо. Не горюю! Я ещё живёхонький и скоро снова вернусь, как всегда весёлый. У меня-то не случилось ничего плохого, и, хотя с запасами у меня туговато, я надеюсь вскорости это исправить.

Белый Медведь — он слишком (по его словам) «утомился», чтобы самому взяться за перо, — велит написать, что он обнимает тебя и передаёт привет. Ещё велит спросить, живёт ли у тебя ещё медведь по имени Глупышка Билли или что-то в этом роде; или он уже состарился?

Передавай привет всем прочим: Джону, Майклу и Кристоферу — и, конечно, всем своим зверюшкам, про которых ты мне столько рассказывала. Белый Медведь и медвежата поживают хорошо. В этом году они и впрямь были умницами и у них не нашлось времени на баловство.

Надеюсь, ты найдёшь большую часть того, что хотела, и мне очень жаль, что у меня не осталось «Кошачьих язычков». Но я послал почти все книги, о которых ты просила. Глядишь, чулок у тебя будет набит доверху!

Огромный привет от твоего старого друга, Рождественского Деда.

Я и ф
самом деле
устал



"goodbye"



ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод письма Медведя

Желаю всем вам очень счастливого Рождества и замечательного Нового года — много веселья и успехов. Вы в школе стали такими умными со своей латынью, французским и греческим, что без труда прочтёте это письмо — с любовью от Б. М.

Перевод надписи на гоблинском алфавите:

С любовью от Белого Медведя



The first part of the paper discusses the importance of understanding the cultural context of the research. It highlights the need for researchers to be sensitive to the values and beliefs of the communities they are studying. This is particularly important in the field of education, where cultural differences can significantly impact learning outcomes.

The second part of the paper focuses on the methodology used in the study. It describes the process of selecting participants, collecting data, and analyzing the results. The authors emphasize the importance of using a mixed-methods approach to gain a comprehensive understanding of the research topic.

The third part of the paper presents the findings of the study. It discusses the results of the quantitative data analysis and the insights gained from the qualitative interviews. The authors conclude that there are significant differences in learning outcomes between the two groups, and these differences can be attributed to cultural factors.

The final part of the paper discusses the implications of the findings for future research and practice. It suggests that educators should be aware of the cultural context of their students and tailor their teaching methods accordingly. Additionally, it calls for further research to explore the underlying reasons for the observed differences.